

ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

José Saramago
Ensaio sobre a Cegueira

Жозе
Сарамаго
Слепота

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Жозе Сарамаго

Слепота

Жозе Сарамаго

Жозе Сарамаго – крупнейший писатель современной Португалии, лауреат Нобелевской премии по литературе 1998 года. «Слепота» – одна из наиболее известных его книг, своего рода визитная карточка автора наряду с «Евангелием от Иисуса» и «Воспоминаниями о монастыре».

Жителей безымянного города безымянной страны поражает загадочная эпидемия слепоты. В попытке сдержать ее распространение власти вводят строжайший карантин и принимаются переселять всех заболевших в пустующую загородную больницу, под присмотр армии. Главные герои романа – не уберегшийся от болезни врач-окулист и его жена, имитирующая слепоту, чтобы остаться с мужем, – ищут крупницы порядка в мире, который неудержимо скатывается в хаос...

В 2008 году в прокат выходит крупнобюджетная экранизация этого романа режиссером Фернанду Мейреллешем («Город Бога», «Преданный садовник»), роли исполняют Джулианна Мур и Газель Гарсия Берналь.

*Посвящается Пилар
И моей дочери Виоланте*

Могущий смотреть да увидит.

Могущий видеть – да заметит.

Книга Наставлений

Загорелся желтый. Два первых автомобиля, поддав газу, успели проскочить, пока не вспыхнул красный. Человеческая фигурка на пешеходном светофоре высветилась зеленым. Те, кто стоял на тротуаре, двинулись через дорогу по широким белым стежкам, продернутым в черной асфальтовой ткани, менее всего на свете напоминают они зебру, однако называются именно так. Нетерпеливые водители, то выжимая, то отпуская педаль сцепления, не давали своим машинам покоя, и те чуть поерзывали вперед-назад, нервно подрагивали, как кони при виде хлыста. Пешеходы уже прошли, но сигнал, именуемый разрешающим, появился лишь через несколько секунд, укрепляя кого-то во мнении, что именно эта заминка, которая кажется столь незначительной, умножившись на тысячи светофоров по всему городу, постоянно чередующих свои три цвета, и есть главная причина тугой закупорки уличных артерий, пробок, проще говоря.

Наконец дали зеленый, машины резво и резко рванулись вперед, но, как тотчас выяснилось, не все. Первая в среднем ряду стоит как стояла, должно быть, какая-то неприятность случилась, обычное дело: сдох акселератор, гидравлика накрылась, заело что-нибудь в коробке передач, заклинило тормозные колодки или отошел контакт, а может, просто бензин кончился. Новое скопление пешеходов, образующееся на тротуарах, видит, как за лобовым стеклом размахивает руками водитель, слышит, как истошно сигналият ему задние. Одни уже выскочили на мостовую с намерением оттолкать застрявшую машину с проезжей части на обочину, другие стучат негодуя в поднятые стекла, а человек за рулем вертит головой туда-сюда, кричит что-то, и по шевелению его губ можно понять, что он повторяет одно и то же слово, нет, не одно, а два – два, что подтвердится, когда удастся наконец распахнуть дверцу: Я ослеп.

А так не скажешь. На вид, то есть на первый и неизбежно в таких обстоятельствах беглый взгляд, оба глаза у него целы и невредимы, радужка блестящая и светлая, склеры белые и плотные, как фарфор. А что веки широко открыты, кожа на искаженном лице собралась складками, брови вздернуты – так это, всякому понятно, от ужаса. И

вот уже все, что было открыто взглядам, исчезло за стиснутыми, прижатыми ко лбу кулаками, словно призванными удержать в мозгу последнее, что видел водитель, – красный круглый глаз светофора. Я ослеп, я ослеп, твердит он в отчаянии, куда доброхоты помогают ему выбраться из машины, и от брызнувших слез глаза, объявленные незрячими, блестят сильнее. Это пройдет, вот увидите, скоро пройдет, так бывает, это у вас нервное, сказала какая-то женщина. Меж тем свет на светофоре поменялся, и не вовремя заглохшую машину обступили теперь еще и пешеходы, тогда как не ведавшие сути события водители в задних рядах возмущались мелким, как мнилось им издали, дорожным происшествием, повлекшим за собой последствия не серьезней разбитой фары или поцарапанного крыла и никак не заслуживающим такого столпотворения. Вызовите полицию, кричали они, уберите же этот драндулет. Отвезите меня домой, умолял слепец, а женщина, уверявшая, что это у него нервное, высказалась в том смысле, что вызвать следует скорую помощь и доставить несчастного в больницу, однако тот твердил, что нет-нет, не надо, и просил всего лишь, чтоб проводили до дверей дома. Тут рядом, в двух шагах, пожалуйста, вы окажете мне большую услугу. А машина, раздался чей-то голос. И другой ответил: Ключ в замке, надо отогнать к бордюру или поставить на тротуар. Нет, прозвучал третий голос, я сяду за руль и отвезу его домой. Послышался ропот одобренья. Слепец почувствовал, как его взяли под руку. Идемте, идемте со мной, произнес тот же голос. Усадили справа от водителя, пристегнули. Не вижу, не вижу, повторял он сквозь слезы. Адрес скажите, попросил человек за рулем. К стеклам с обжорливо-жадным любопытством липли лица зевак. Слепец поднял руки к глазам, подвигал кистями, пошевелил пальцами. Ничего не вижу, сплошной туман, как в молоке плаваю. Значит, не слепота, отозвался водитель, слепота, говорят, когда перед глазами все черно. А у меня все белое. Может, та дамочка была права, и это у вас нервное, нервы – вещь такая. Да мне ли не знать, боже, какое несчастье. Скажите, пожалуйста, где вы живете, и в тот же миг заурчал мотор. Запинаясь, сбиваясь и оговариваясь, словно потеря зрения лишила его и памяти, слепец назвал адрес, потом добавил: Не знаю, как вас благодарить, а водитель ответил: Да ну, какие пустяки, сегодня вы, завтра я, и кто может знать, что его ждет. Вы правы, правы, мог ли я подумать, когда выходил утром из дому, что со мной

стрясется такая беда. И, удивленный тем, что машина не движется, спросил: А почему мы стоим? Красный, был ответ. А-а, протянул слепец и заплакал еще горше. Отныне и впредь он лишился способности следить за переключениями светофора.

Как и сказал слепец, дом его был неподалеку. Но вереница машин вдоль тротуара вытянулась плотно, не приткнешься, так что пришлось свернуть в переулок, поискать место там. Нашли и поставили совсем вплитирку к стене, левым боком, чтобы слепцу не надо было в тоске и ужасе перебираться с одного кресла на другое, причем рычаг переключения скоростей и рулевое колесо будут ему в этом всячески препятствовать. Но зато он должен выйти первым. И вот он вышел и в растерянности замер посреди улицы, чувствуя, как земля уходит из-под ног, и силясь сдержать рвущееся из горла отчаянье. Взмахнул руками, будто и в самом деле решил пуститься в плавание по этому молочному морю, о котором недавно говорил, и открыл уже было рот, чтобы позвать на помощь, но в этот самый миг его чуть тронули за локоть: Успокойтесь, я здесь. Они двигались очень медленно, слепец, боясь упасть, волочил ноги, шаркал подошвами, почти не отрывая их от мостовой, но оттого спотыкался на самой незначительной выбоине. Потерпите немножко, мы уже почти пришли, сказал провожатый и, сделав еще несколько шагов, осведомился: А дома-то есть кому за вами приглядеть, слепец же ответил: Не знаю, жена, наверно, еще не вернулась с работы, это я сегодня освободился пораньше, и надо же такому случиться. Помяните мое слово, скоро пройдет, я никогда не слышал прежде, чтоб человек слеп так вот, вдруг. А я еще гордился, что в моем возрасте не нуждаюсь в очках. Тем более. Они уже добрались до дверей, и две женщины с любопытством наблюдали за тем, как их соседа ведут под руку, но ни одной не пришло в голову спросить: Что-нибудь в глаз попало, и спрошенному не пришлось отвечать: Да не в глаз, а сам я попал в молочное море. Уже в подъезде слепец сказал: Большое вам спасибо и простите за беспокойство, дальше уж я сам как-нибудь. Нет-нет, я поднимусь с вами, удостоверюсь, что все в порядке. Втиснулись кое-как в тесную кабину лифта. Какой этаж. Третий, представить себе не можете, как я вам признателен. Совершенно не за что, сегодня вы. А завтра я. Лифт остановился, они вышли на площадку. Помочь вам отпереть дверь. Спасибо, думаю, с этим я справлюсь. И, вытащив из кармана связку

ключей, принялся ощупывать одну за другой бородки у каждого, потом сказал: Вот этот, кажется, и, левой рукой, кончиками пальцев нашарив замочную скважину, правой вставил ключ. Не тот. Давайте я. Дверь отворилась с третьей попытки. Э-эй, ты дома, позвал слепец. Никто не отозвался, и, пробормотав: Так я и думал, еще не пришла, вытянул руки и ощупью двинулся по коридору, потом осторожно обернулся, повернул голову туда, где, по его расчетам, должен был находиться провожатый, сказал: Не знаю, как вас и благодарить. Вам не за что меня благодарить, я просто выполнил свой долг, отвечал добрый самарянин и добавил: Может быть, помочь вам устроиться поудобней, посидеть с вами, пока жена ваша не придет. Но столь рьяная забота внезапно показалась хозяину подозрительной, и не оставлять же, в самом деле, у себя дома совершенно постороннего человека, который, может быть, в этот самый миг размышляет, как бы половчей обратить беззащитного слепца, связать его, заткнуть ему рот да и обчистить квартиру. Нет-нет, пожалуйста, не беспокойтесь, все хорошо, и, медленно закрывая дверь, повторил: Не нужно, не нужно.

И перевел дух, когда лифт с гудением пошел вниз. Совершенно безотчетно, не помня, в каком состоянии находится, откинул крышечку, приткнулся к дверному глазку. Показалось, что взгляд уперся в глухую белую стену по ту сторону двери. Он чувствовал, как прикасается к орбите металлический ободок и щекочет ресницы маленький окуляр, но не видел ни того ни другого – все закрывала непроницаемая белизна. Он знал, что находится у себя дома, узнавал этот дом по запаху, по воздуху, по тишине, различал мебель и прочие предметы, когда легко, едва касаясь, проводил по ним пальцами, но в то же время чудилось, будто все это растворяется, переходит во что-то вроде нового измерения, где нет направлений и соотношений, севера и юга, верха и низа. Как и все, наверно, в отрочестве он забавлялся, представляя себе, что ослеп, и, проведя минут пять с закрытыми глазами, каждый раз убеждался, что слепота – несчастье хоть и ужасное, однако до известной степени переносимое, если, конечно, постигло жертву не при рождении, и в памяти сохранились не только цвета и краски, но и формы, очертания, рельефы. В ту пору он думал даже, что тьма, в которой обречены жить слепцы, есть не более чем простое отсутствие света и так называемая слепота всего лишь прячет наружность предметов и людей под своим черным покрывалом,

сохраняя их недоступными, неприкосновенными. Теперь же, напротив, погрузившись в эту ослепительную и всеобъемлющую белизну, он чувствовал – она не поглощает, а просто-таки пожирает не только цвета, но и сами предметы, равно как и людей, делая их невидимыми вдвойне.

Хотя слепец двигался по гостиной с благоразумной медлительностью, ведя блуждающей рукою вдоль стены, он все же смахнул на пол нежданно возникшую на пути вазу с цветами. Сам ли он позабыл о ней, жена ли оставила перед уходом, чтобы по возвращении водрузить ее на подобающее место, – неизвестно. Он наклонился, ощупью оценивая размеры ущерб. Вода лужицей стояла на воощенном полу. Слепец решил подобрать цветы, но не подумал об осколках и один, длинный и очень тонкий, тотчас засадил себе в палец, отчего, то есть от боли и потерянности, ослепленный белизной, заполонившей дом, где между тем с наступлением вечера сгущались сумерки, снова расплакался как ребенок. Не выпуская цветов, чувствуя, как сочится кровь, он, изогнувшись всем телом, запустил здоровую руку в карман, исхитрился вытащить платок, обернул им, как сумел, палец. Потом, ощупывая дорогу, спотыкаясь, огибая мебель, ступая осторожно, чтобы не запнуться ногой о ковер, добрался до дивана, где они с женой смотрели прежде телевизор. Уселся, положил цветы на колени и очень осторожно размотал платок. Встревожился, что кровь такая липкая, подумал, наверно, это оттого, что не видна, стала она чем-то бесцветным и вязким, чужеродным и посторонним, принадлежащим ему и вместе с тем – подобным угрозе, от него исходящей и на него же направленной. Медленно-медленно, едва касаясь, здоровой рукой нащупал тонкую стеклянную занозу, острую, как крошечный клинок, ухватил ее ногтями большого и указательного пальцев и, не сломав, выдернул всю целиком. Снова обмотал поврежденный палец платком, стянул потуже, чтобы унять кровь, и в изнеможении, будто капитулировав, откинул голову на спинку дивана. Уже очень скоро из-за одного из тех сбоев, которые нередко дает наша плоть в минуты отчаянья или тоски, хотя по формальной логике именно тогда нервам полагалось бы напрячься и быть настороже, он впал в какое-то забытье, не такое глубокое, как сон, но столь же тяжелое. И тотчас же приснилось ему, что он играет в давнюю вышеупомянутую игру, что открывает и закрывает глаза и всякий раз,

будто вернувшись из дальних и долгих странствий, обнаруживает, что вокруг незыблемо и неколебимо ожидают его черты и краски привычного мира. Но он чувствует, как успокоительную непреложность точит и размывает глухое сомнение: быть может, все это только лживый сон, от которого он рано или поздно очнется, не зная, впрочем, что за явь будет ждать его. Затем, а собственно говоря, за чем за тем и можно ли назвать этим словом то, что длилось всего несколько мгновений, он уже вернулся в состояние полубодствования, которое подготавливает пробуждение, и очень основательно рассудил, что нехорошо пребывать в подобной нерешительности на грани сна и яви, яви и сна, пора делать выбор, пришел срок рискнуть и смело спросить себя: А что я тут делаю, с цветами на коленях и с закрытыми глазами, которые вроде бы опасаясь открыть. А что ты тут делаешь с цветами на коленях, спишь, что ли, спросила жена.

И, не дожидаясь ответа, принялась подбирать осколки вазы, затирать лужу с некоторым вызовом, а приговаривать – с досадой, которую и не трудилась скрыть: Мог бы, между прочим, и сам, чем валяться на диване с таким видом, будто ты ни при чем. Он молчал, опущенными веками оберегая себя, и: А что, если сейчас открою глаза и увижу, словно разрядом тока, пробила его неожиданная мысль, жгучая надежда. Подойдя поближе, жена заметила окровавленный платок, и раздражение ее моментально угасло: Бедненький, как это ты умудрился, жалостливо приговаривала она, разматывая импровизированную повязку. Тогда он всеми силами души пожелал увидеть жену, стоящую на коленях возле дивана, а потом, уже зная, что не увидит, открыл глаза. Проснулся наконец, соня ты этакий, с улыбкой проговорила она. Я ослеп, сказал он, я не вижу тебя. Перестань, сказала она, что за глупые шутки. Дорого бы я дал, чтобы это была шутка, только я и вправду ослеп и ничего не вижу. Пожалуйста, не пугай меня, посмотри на меня, вот сюда, сюда, я здесь, и свет горит. Я знаю, что ты здесь, я слышу тебя и ощущаю, я понял, что ты зажгла свет, но ничего не вижу. Она заплакала, вцепилась в него, ухватила за плечи: Неправда, скажи, что это неправда. Цветы рассыпались по полу, из пораненного пальца вновь закапала кровь, а он тоном, каким говорят: Все не так уж скверно, пробормотал: Все сплошь какое-то белое, и улыбнулся печально. Жена села рядом,

крепко обняла, осторожно поцеловала его лоб, щеки, нежно и бережно прикоснулась губами к глазам: Все пройдет, вот увидишь, все скоро пройдет, ты ведь не болел, так не бывает, чтобы вдруг, ни с того ни с сего. Да, наверно. Расскажи мне все, что ты почувствовал, как это случилось, где, когда, нет, постой, прежде всего надо посоветоваться с окулистом, у тебя есть какой-нибудь знакомый доктор. Нет, ни ты, ни я не носим очков. А если поехать в больницу. Для слепых неотложной помощи нет. Ты прав, лучше проконсультироваться с окулистом, сейчас найду в адресной книге такого, кто принимает неподалеку от нас. Поднялась, спросила: Есть разница. Ты о чем. Я погасила свет, ты заметил какую-нибудь перемену. Нет, ничего. Что значит – ничего. Ничего, вижу все ту же белизну, для меня темноты словно вообще не существует.

Он слышал, как жена шуршит перелистываемыми страницами, дует, чтобы разлепить их, как вздыхает и наконец произносит: Вот этот должен подойти, господи, хоть бы он согласился нас принять. Набрала номер, уточнила, туда ли попала, спросила, принимает ли доктор и может ли он взять трубку, нет-нет, он меня не знает, это очень срочно, да, пожалуйста, понимаю, ну, что же, могу и вам сказать, но прошу немедленно передать доктору, дело в том, что мой муж внезапно ослеп, да-да, именно так, нет-нет, он не ваш пациент, он даже очки не носит и никогда не носил, у него стопроцентное зрение, как и у меня, я тоже превосходно вижу, да-да, большое спасибо, я подожду, здравствуйте, доктор, да, внезапно, по его словам, вокруг только белое, я сама не знаю, не успела толком расспросить, я только вернулась со службы и обнаружила его в этом состоянии, может быть, вы сами спросите, ах, огромное вам спасибо, мы немедленно, немедленно будем у вас. Слепец поднялся. Погоди, остановила его жена, сначала надо обработать твой палец, она вышла и через несколько мгновений вернулась с перекисью, йодом, ватой и прочим содержимым аптечки. Смазывая и перевязывая, она спрашивала: А где ты оставил машину, и внезапно: Но как ты доехал, ведь ты вести не мог, или это случилось уже дома. Нет, на улице, когда я остановился на светофоре, какая-то добрая душа довезла меня, машину мы оставили в переулке. Ну, что, сказала женщина, идем, ты постоишь в подъезде, пока я подгоню, а где ключи. Не знаю, он мне их не вернул. Кто он. Добрая душа, которая привезла меня, обитает в теле мужчины. Но они должны быть где-то

здесь. В комнате не ищи, он не прошел дальше прихожей. Где же они. Наверно, машинально унес их с собой. Только этого нам не хватало. Возьми запасную пару, потом найдем. Ладно, пошли, дай мне руку. Слепец сказал: Если так все останется, я жить не буду. Ради бога, не говори глупостей, за глаза хватит и того, что уже случилось. За глаза, говоришь, это ведь я ослеп, не ты, а я, и потому не можешь знать, что случилось. Доктор тебе поможет, вот увидишь. Увижу.

Вышли. Внизу, в подъезде, жена зажгла свет, шепнула: Жди меня здесь, появится кто из соседей, держись как ни в чем не бывало, говори, что ждешь меня, глядя на тебя, никто и не подумает, что ты не видишь, нечего всех посвящать в нашу жизнь. Давай поскорей. Женщина выбежала на улицу. Никто из соседей не появился. По опыту прошлых лет слепец знал, что, когда вестибюль освещен, слышится легкое гудение автоматического счетчика, и потому, как только оно стихало, нажимал на выключатель. Свет для него превратился в звук. Почему же так долго нет жены: переулочек, где они оставили машину, был метрах в восьмидесяти, от силы – в ста. Врач до ночи дожидаться не станет, подумал он. И бессознательным движением поднял на уровень глаз левое запястье, намереваясь взглянуть на часы. Сморщил, словно от внезапной боли, губы, поблагодарил бога за то, что никто из соседей не появился в эту минуту рядом, ибо первое же слово, обращенное к нему, пресеклось бы рыданием. Было слышно, как у подъезда остановился автомобиль. Наконец-то, подумал слепец и тотчас удивился непривычному звуку. Это дизель, это такси, сказал он и еще раз нажал на кнопку. Жена, вбежавшая в подъезд, была вне себя. Этот твой благодетель, добрая душа, угнал у нас машину. Не может быть, ты плохо смотрела. Я хорошо смотрела, слава богу, не слепая, последние слова вырвались у нее словно сами собой, ты ведь сказал, что машина в переулке за углом, там ее нет, так что либо вы оставили ее еще где-то, либо. Да нет же, я уверен, что она там. Значит, она испарилась. Так, значит, ключи, начал он и осекся. Да-да, он воспользовался тем, что ты не в себе, и ограбил нас. А я ведь даже побоялся впустить его в дом, а побыл бы он со мной до твоего возвращения, то не сделал бы этого. Ладно, пошли, такси ждет, но, клянусь, я отдала бы год жизни, чтобы этот подонок тоже ослеп. Тише. И чтобы его тоже обобрали до нитки. Может быть, он еще появится.

Ну конечно, завтра же постучит в двери, скажет, что это он по рассеянности, извинится и справится о твоём самочувствии.

По дороге молчали. Она пыталась не думать об угнанной машине и нежно держала его руки в своих, а он, опустив голову, чтобы водитель в зеркале не видел его глаз, беспрестанно спрашивал себя, как же это так вышло, что с ним стряслось подобное несчастье. За что это мне. Проникавший в машину шум с улицы становился громче, когда такси останавливалось: так бывает, когда мы ещё во сне, но уже воспринимаем внешние шумы сквозь пелену бессознательного, окутывающую нас, словно саван. Он замотал головой, судорожно вздохнул, и женщина нежно прикоснулась к его щеке, будто говоря: Успокойся, я здесь, я с тобой, и тогда он уронил голову ей на плечо, уже не заботясь о том, что подумает водитель. Тебя б на мое место, с какой-то детской злостью подумал он, не много бы ты наводил, и, сам не замечая нелепости своей мысли, поздравил себя, что, пребывая в таком беспросветном отчаянье, все же не утратил способности мыслить логически. Незаметно поддерживаемый женой, он вылез из машины и казался вполне спокоен, но у самых дверей консультации, где должна была решиться его судьба, вдруг спросил дрожащим шепотом: Каково мне будет, когда выйду отсюда, и покачал головой, ни на что уже не надеясь.

Жена сообщила регистраторше, что это она звонила полчаса назад по поводу мужа, и та провела их в небольшую комнату, где сидели в ожидании приема несколько пациентов. Старик с черной повязкой на глазу, косоглазый мальчик и женщина, по всей видимости приходившаяся ему матерью, девушка в темных очках и еще двое без особых примет, но ни одного слепого, ибо слепые к окулистам не ходят. Жена провела его к свободному стулу и, чтобы не занимать другой, осталась стоять рядом, шепнула на ухо: Придется подождать, и он понял, почему придется, ибо слышал голоса ожидающих, и тотчас затомился новой тоской, подумав, что чем позже попадет он к доктору, тем глубже провалится в свою слепоту и, следовательно, тем меньше будет надежд на исцеление. Беспокойно заерзал на стуле, хотел было поделиться своей мыслью с женой, но в этот миг открылась дверь, и сестра произнесла, обращаясь к ним: Проходите, пожалуйста, и – к другим пациентам: Доктор примет их без очереди, случай безотлагательный. Мать косоглазого мальчика возразила, что порядок

есть порядок, идти должны они с сыном, и так ждут уже больше часа. Прочие больные вполголоса поддержали ее, но все они, да и она сама, настаивать на своем сочли неблагоразумным из опасений, как бы доктор, рассердившись, не заставил их в отместку ждать еще дольше. Старик с повязкой на глазу проявил великодушие: Да чего уж там, пусть идет, бедняга, ему, как видно, хуже, чем нам. Слепец не слышал этих слов, супруги уже входили в двери кабинета, и жена, проговорив: Мы так вам признательны, доктор, дело в том, что у моего мужа, осеклась, потому что не знала, что именно у ее мужа кроме того, что он ослеп и что у них украли машину. Садитесь, пожалуйста, сказал врач и сам помог слепцу устроиться на стуле, а потом, дотронувшись до его руки, обратился теперь прямо к нему: Ну, рассказывайте, что стряслось. И слепец рассказал, как сидел в машине и ждал, когда красный свет сменится зеленым, и вдруг перестал видеть, и как вокруг собрались люди, чтобы помочь, и какая-то немолодая, судя по голосу, дама предположила, что, скорей всего, это нервное, и как потом какой-то господин довез его до дому, потому что сам он никак бы не смог: Все вокруг белое, доктор. Похищенный автомобиль упомянут не был.

Никогда прежде не случалось с вами такого, ну, или чего-то подобного, спросил врач. Никогда, доктор, я и очки-то не ношу. Значит, говорите, это случилось внезапно. Именно так, доктор. Как будто вдруг взяли и выключили свет. Да нет, скорее не взяли, а дали, то есть зажгли. В последние дни не замечали, что стали хуже видеть. Нет. Скажите, незрячие в семье у вас есть или, может быть, были. Да нет, ни у кого из родни, сколько я знаю или слышал, ничего такого не было. Диабетом не страдаете. Нет, доктор. Сифилисом не болели. Нет, доктор. К подъемам давления, артериального или внутричерепного, не склонны. Насчет внутричерепного не в курсе, а так все в норме, в моей компании регулярно проводят диспансеризацию. Сегодня или вчера головой не ударялись. Нет, доктор. Сколько вам лет. Тридцать восемь. Ну хорошо, давайте-ка посмотрим. Слепец широко раскрыл глаза, как бы облегчая к ним доступ, однако врач за руку подвел его к некоему устройству, которое человек с живым воображением принял бы за новую модель исповедальни, такой, где вместо слов глаза и духовник проникает взглядом в самую глубь душевного нутра. Подбородок вот сюда, упритесь, глаза не закрывайте, не шевелитесь. Жена подошла сзади, положила руку на плечо слепца, сказала: Вот увидишь, сейчас

все выяснится. Врач поднял и опустил сдвоенные окуляры, подкрутил чуть заметно регулятор настройки и начал исследование. Ни в роговице, ни в склерах, ни в радужке, ни в сетчатке, ни в хрусталике, ни в зрительном нерве, короче говоря, нигде никакой патологии не обнаружилось. Он отодвинулся от аппарата, потер глаза и, не сказав ни слова, начал все с самого начала, а когда завершил вторичный осмотр, лицо у него было озадаченное. Знаете, я ничего не нахожу, глаза у вас в полном, просто идеальном порядке. Жена, счастливо всплеснув руками, воскликнула: А что я тебе говорила, вот все и выяснилось. Не обращая на нее внимания, слепец спросил: Мне уже можно поднять голову. Да, конечно, извините. Доктор, но, если глаза у меня в полном порядке, отчего же я не вижу. Пока не могу сказать, надо будет провести еще кое-какие исследования, анализы сдать, сделать энцефалограмму, эхографию. Вы думаете, это что-то мозговое. Исключать такую возможность нельзя, но мне так не кажется. Но ведь вы сказали, что не нашли никакой болезни у меня в глазах. Не нашел. Тогда я не понимаю. Я хочу сказать, что если вы фактически слепы, то слепота ваша в данную минуту для меня необъяснима. Вы сомневаетесь, что я слеп. Ну что вы, просто это очень редкий случай, я, например, за всю свою практику ни с чем подобным не сталкивался, да что я, возьму на себя смелость сказать, история мировой офтальмологии не знает такого. Но как вы считаете, буду я видеть. Ну, в принципе, поскольку я не обнаружил никаких поражений и повреждений, ни врожденных, ни приобретенных, мой ответ должен быть положительным. Должен быть, но не будет. Исключительно из предосторожности, только ради того, чтобы не подавать надежд, которые могут оказаться беспочвенными. Понятно. Вот и хорошо. Может, мне пройти курс какого-нибудь лечения или там начать лекарство принимать. Видите ли, назначать вам сейчас какой-нибудь препарат значило бы действовать вслепую. Вижу, сказал слепец, вы очень метко выразились. Врач притворился, что не услышал эту реплику, поднялся со своего вертящегося табурета и, не присаживаясь к столу, выписал направления на анализы и исследования, которые считал нужным провести. Протянул бумажки жене пациента: Возьмите, придете с мужем, когда получите результаты, а будут какие-либо изменения в состоянии, звоните. Сколько мы вам обязаны, доктор. В регистратуре вам скажут. Он

проводил супругов до дверей, пробормотал нечто утешительно-банальное вроде того, что не следует унывать и тем более отчаиваться, все наладится, а оставшись один, прошел в маленькую туалетную комнату, примыкавшую к кабинету, и долго, не менее минуты, смотрел на себя в зеркало. Что же это такое, а. Вернулся в кабинет, позвал сестру: Пригласите следующего.

А слепцу в ту ночь приснилось, что он ослеп.

Человек, угнавший у слепца машину, а сначала вызвавшийся помочь ему, действовал не с заранее обдуманном намерением и не руководствовался в ту минуту дурными побуждениями, но, напротив, совсем даже наоборот, – движим был великодушием и альтруизмом, которые, как всем известно, являют собой две лучшие черты рода человеческого, встречающиеся даже и у куда более закоренелых преступников, нежели этот рядовой и заурядный угонщик, не имеющий ни малейших шансов возвыситься в иерархии, безжалостно эксплуатируемый истинными заправилами этого бизнеса, ибо они-то на полную катушку используют надобности и потребности тех, кто беден. И так ли уж, спросим себя, велика, в конце концов, разница между тем, чтобы помочь слепцу, а потом его же ограбить, и тем, например, чтобы ухаживать за дряхлой и немощной старушкой и в чаянии получить наследство ждать, когда она окочурится. Так вот, лишь у самого дома слепца сложился преступный замысел во всей своей безыскусной простоте в голове угонщика, который, можно сказать, решил приобрести лотерейный билетик, только заметив продавца, решил и, не осененный никаким предчувствием, приобрел, желая знать, что из этого выйдет, и заранее соглашаясь с тем, что ни – или вообще ничего не – преподнесет ему переменчивая фортуна, хотя кто-то, быть может, скажет, что действовал он чисто рефлекторно, рефлексы же определяет сама его личность. Те, кто скептически взирает на человеческую природу, а они многочисленны и упорны, заявят, пожалуй, что, если верен постулат насчет того, что не всегда случай делает вора, верно, без сомнения, и то, что случай ему сильно помогает. Мы же позволим себе высказать следующую мысль: если бы слепец принял второе предложение лжесамарянина – речь, как вы помните, о предложении составить ему компанию до прихода жены – сделанное в тот последний миг, когда доброе начало еще могло

пересилить, то, как знать, не поборола бы в сем случае моральная ответственность, порожденная доверием, преступное искушение и не возобладало бы над ним светлое, благородное чувство, которое всегда отыщется даже в самых дремучих душах. Закругляя наш мудреный период на простонародный манер, скажем, что слепец переусердствовал в бдительности и в полном соответствии со старинной поговоркой про дурака, которого заставили богу молиться, поплатился за это.

Понятие совести, столькими безумцами порицаемое и еще большим их числом – отвергаемое, тем не менее существует и всегда существовало, это вовсе не измышление философов четвертичного периода, когда душа чуть только успела выйти из стадии смутного замысла. С течением времени, обогатясь опытом совместного проживания и плодами генетического обмена, мы в конце концов поместили совесть в состав крови, в соль наших слез и, мало того, превратили глаза в подобие зеркал, обращенных внутрь, в результате чего они беззастенчиво опровергают то, что тщатся утверждать уста. Прибавьте к этому такое весьма распространенное, особенно у простых душ, свойство нашей природы, как способность смешивать раскаянье с первобытными страхами разного рода, от какового смешения злоумышленник получает кару, несоразмерную своему неблагоприятному проступку, по крайней мере вдвое более тяжкую, и кара эта, фигурально выражаясь, без ножа его режет. И следовательно, нет ни малейшей возможности определить, в какой степени муки, взявшиеся терзать угонщика, чуть только отъехал он от дома, порождены были страхом, а в какой – угрызениями совести. И очень, очень мало способствовало душевному спокойствию, что он оказался на месте человека, который держал этот же руль в тот самый миг, когда вдруг ослеп, глядел через лобовое стекло и внезапно перестал что-либо видеть, и потому даже без помощи чересчур пылкого воображения мысли эти пробудили и заставили поднять голову мерзкое пресмыкающееся под названием страх. А заодно с ним и раскаянье, сгущенное выражение совестливости, как уже было сказано несколько выше, или когтистый, по выражению классиков, и, от себя добавим, весьма зубастый зверь, явило пред мысленным взором угонщика образ беспомощного и растерянного слепца таким, каков был он в тот миг, когда закрывал дверь своей квартиры. Не нужно, не

нужно, я справлюсь сам, повторял тогда бедняга, которому отныне и впредь шагу не ступить без посторонней помощи.

Вор удвоил внимание, чтобы не дать этим пугающим мыслям полностью завладеть собой, ибо знал, что нельзя допустить даже самой ничтожной ошибки и отвлечься хоть на миг. Стоит лишь полицейскому, которых на улицах полно, остановить его и сказать: Ваши права, пожалуйста, и документы на машину, как все будет кончено: опять тюрьма и все связанные с нею прелести и тягости. И потому он беспрекословно подчинялся светофорам: не проскакивал на красный, уважительно относился к желтому, терпеливо ждал зеленый. Через какое-то время заметил, однако, что начинает следить за чередованием цветов уже почти как одержимый. И сменил тактику – стал подгадывать так, чтобы попасть под зеленую волну, даже если для этого приходилось превышать скорость или, наоборот, сбрасывать ее до предела, сильно раздражая этим едущих следом. Наконец, вконец сбитый с толку, сам не свой от напряжения, взвинченный донельзя, свернул на поперечную второстепенную улицу, где светофоров, как он знал, не было, и помчался по ней куда глаза глядят, уповая на свое водительское мастерство. Он чувствовал себя на грани нервного срыва и примерно этими же словами характеризовал свое состояние: Нервы прямо на пределе. Стало вдруг нестерпимо душно. Он опустил стекла слева и справа, но воздух, если и проникал в салон, прохлады не приносил, атмосферу не разряжал. Что ж это я делаю, спросил он себя. Гаражи, куда следовало доставить автомобиль, далеко, в загородном поселке, в таком состоянии ему нипочем туда не добраться. Либо сцапают, либо вмажусь в кого-нибудь, что еще хуже, пробормотал он и решил, что надо ненадолго выйти из машины, остыть, привести мысли в порядок. Может, дурь из мозгов выдует, если тот малый ослеп, это не значит, что и со мной случится то же самое, это же не грипп, пройдусь немного и пройдет. Он вылез, даже не стал запираť машину, ибо вокруг не было ни души, и пошел. Однако не сделал и тридцати шагов, как ослеп.

Последним в очереди к окулисту был добрый старик с черной повязкой на глазу, пожалевший бедолагу, который так вот вдруг на ровном месте лишился зрения. Он пришел всего-то лишь узнать, когда ему удалят катаракту на единственном глазу – пустую орбиту второго

прикрывала повязка, и старику, по его словам, видеть теперь было совсем нечем. Да, это у вас возрастное помутнение хрусталика, катаракта называется, сказал ему доктор, удалим, как созреет, и прозреете. Когда старик с черной повязкой ушел и сестра сказала, что приема никто больше не ждет, доктор достал медицинскую карту слепца, прочел ее раз и другой, на несколько минут задумался, а потом позвонил одному своему коллеге и имел с ним следующий разговор. Знаешь, я смотрел сегодня очень странного пациента, можешь себе представить, человек полностью ослеп, причем – сразу, в один миг, так вот, я его смотрел и ничего не нашел, никаких нарушений, и врожденной патологии тоже никакой, он уверяет, что не видит ничего, кроме сплошного белого поля, как будто постоянно перед глазами – густое молоко, ну да, это я пытаюсь пересказать его ощущения, да понимаю, что субъективно, да нет, молодой еще, тридцать восемь лет, ты ничего о чем-то подобном не слышал, может быть, в литературе встречал, потому что я не знаю, как ему помочь, послал его пока делать анализы, может быть, вместе его посмотрим как-нибудь на днях, сегодня вечером пороюсь в книгах, посмотрю литературу, глядишь, какой-нибудь след найду, да, конечно, агнозия, психическая слепота, да, это вероятно, но тогда – это первый случай с такой клиникой, потому что тут полная потеря зрения, агнозия же, как мы с тобой знаем, есть невозможность идентифицировать увиденное, ну да, я тоже подумал об этом, церебральный амавроз, так о чем я начал говорить, ах, да, но здесь-то нечто совершенно противоположное амаврозу, он-то ведь характеризуется полнейшей черной тьмой, а здесь мы имеем дело с белизной, разве что существует белый амавроз, белая, так сказать, тьма, ну да, и я тоже никогда ничего, ладно, завтра позвоню, скажу, что хочу вместе с коллегой еще раз посмотреть его. Завершив разговор, врач откинулся в кресле, посидел неподвижно несколько минут, потом усталыми медленными движениями стянул с себя белый халат. Пошел в ванную вымыть руки, но на этот раз не задавал своему отражению в зеркале метафизических вопросов вроде: Что же это такое, а, а вновь укрепился в научном мировоззрении, а что агнозия и амавроз подробнейшим образом изучены и описаны, вовсе не означает, будто в один прекрасный день не может появиться разновидностей, вариантов, мутаций, так сказать, и день этот, судя по всему, настал. Может существовать миллион причин для того, чтобы в

мозгу заблокировалась зона, отвечающая за зрение, это просто мозг закрылся, мозг – и больше ничего.^[1] Как видим, наш офтальмолог питал слабость к литературе и любил иногда ввернуть уместную цитату.

Вечером, после ужина, он сказал жене: Такой странный пациент был у меня сегодня, его случай можно было бы отнести к варианту агнозии или амавроза, но подобное пока нигде не описывалось. А что такое амавроз и эта, как ее, спросила жена. Доктор удовлетворил ее любопытство, дав объяснения, доступные разуму непрофессионала, а потом подошел к стеллажу, где стояли книги по специальности – и старые, еще студенческой поры, и новые, и совсем недавно вышедшие, пока даже не читанные. Поискал по оглавлению, по предметному указателю и методично принялся за чтение, намереваясь изучить все, что обнаружил по поводу амавроза и агнозии, но чем дальше, тем отчетливей испытывая какое-то неудобство, оттого что вторгался в чужие владения, на заповедные земли, в таинственные области нейрохирургии, о которой имел лишь самые общие представления. Глубокой ночью он отодвинул в сторону стопку книг, потер утомленные глаза и откинулся в кресле. С полнейшей ясностью обрисовалась ему альтернатива. Будь это агнозия, пациент видел бы то же и так же, что и как всегда, то есть ни в малейшей степени не утратил бы остроты зрения, но мозг его отказывался бы узнавать в стуле, например, стул, то есть продолжал бы правильно реагировать на световые стимулы, передаваемые зрительным нервом, но, если избегать специальных терминов и говорить на языке людей, далеких от медицины, – утратил бы способность знать, что знает, и вдобавок – говорить об этом. Ну а с амаврозом дело обстояло еще того проще. В таком случае пациент видел бы, если позволительно употребить здесь этот глагол, только черную непроницаемую тьму, а вернее – ничего бы не видел. Слепец же категорически заявлял, что видит – опять же с поправкой на неуместность здесь такого слова – густую и плотную, однородную белую массу, как если бы нырнул с открытыми глазами в молочное морс. Белый амавроз, не говоря уж о том, что это словосочетание немыслимо с точки зрения этимологии, невозможен и неврологически, поскольку мозг, который не в состоянии различать реальность, не в силах и замазать белой краской, выкрасить в белый цвет без полутонов и оттенков те предметы, формы и цвета, которые

являет эта самая реальность нормальному зрению, сколь бы ни были сомнительны рассуждения о самом существовании такового. С необыкновенной отчетливостью осознав, что зашел в тупик, откуда вроде бы нет выхода, и уперся лбом в стену, врач уныло покачал головой, огляделся. Жена уже ушла к себе – ему смутно припоминалось, что она подходила к нему и поцеловала в затылок: Пойду спать, в квартире было тихо, на столе громоздились книги. Что же это такое, а, подумал он и вдруг испугался, как будто сам должен был в следующий миг ослепнуть и знал об этом. Он затаил дыхание, выждал. Ничего не случилось. Случилось через минуту, когда он собирал книги, чтобы поставить их на полку. Сначала понял, что не видит свои руки, а затем – что ослеп.

Болезнь, приключившаяся с девушкой в темных очках, не относилась к числу серьезных: у нее был самый обычный конъюнктивит, с которым прописанное доктором средство должно было справиться за несколько дней. Ну а пока не подействует, очки, сами понимаете, будете снимать только на ночь, прибавил он. Можно предположить, что шутка эта бытует с незапамятных времен, передается офтальмологами из поколения в поколение, но – с неизменным успехом, ибо улыбнулся, произнеся ее, доктор, улыбнулась, выслушав ее, пациентка, что, в сущности, имело особый смысл, ибо девушка в темных очках пользовалась любой возможностью показать, какие у нее красивые зубы. Знакомый с ее образом жизни скептик, сделавшийся таким по природной мизантропии или из-за слишком частых разочарований, намекнул бы, что прелесть этой улыбки – не более чем профессиональный прием, но злобную инсинуацию следует отместить с негодованием, ибо она, то бишь улыбка, была такой и в те времена, не столь уж давние, когда носительница ее пребывала еще в девичестве, хоть это слово теперь не в ходу, когда будущее представало письмецом в конверте, а любопытство, побуждавшее распечатать его, только-только зарождалось. Несколько упрощая, можно было бы причислить ее к сословию проституток, однако многообразие и причудливое переплетение социальных отношений – дневных и ночных, вертикальных и горизонтальных, – действовавших в описываемую нами эпоху, советует нам если не унять, так хоть умерить неодолимую

склонность к суждениям скоропалительным и чересчур определенным, но, похоже, нам от этой слабости не избавиться никогда. И пусть вполне очевидно, как много в Юноне от облака, неразумно все же упорствовать и смешивать античную богиню со скоплением водяных капель, парящих в атмосфере. Ну конечно, эта женщина отдается за деньги, что позволяет без долгих умствований отнести ее к разряду женщин продажных, но, если принять в расчет, что отдается она лишь тем, кому хочет, и когда хочет, не следует исключать возможность того, что подобная разборчивость как-то вроде бы не вполне совместима с членством в почтенной гильдии. Как и у всех нормальных людей, есть у нее профессия, но точно так же, как и все нормальные люди, употребляет она свободное время на то, чтобы доставлять себе удовольствие и удовлетворять потребности, присущие всем вообще и ей одной в частности. Так что, если избегать однозначно-примитивных определений, следует наконец охарактеризовать ее как женщину, которая живет сообразно со своими вкусами и, кроме того, извлекает из этого максимум приятных ощущений.

От окулиста она вышла, когда уже сильно смеркалось. Очки не сняла, потому что уличное освещение, и в особенности неоновые огни рекламы, резало глаза. Завернула в аптеку за лекарством, которое выписал ей доктор, и сделала вид, будто не слышит реплику провизора, сказавшего, что грешно, мол, скрывать такие глазки под темными очками, реплику дерзкую и саму по себе, тем более что позволил ее себе какой-то аптекарь, и противоречащую вдобавок ее глубокой убежденности в том, что темные очки придают ей обольстительно загадочный вид и пробуждают в прохожих мужского пола интерес, который она, быть может, и позволила бы утолить, если бы на сегодняшний вечер не было у нее назначено свидание, внятно сулившее много добра – как в плане материальном, так и во всяком ином-прочем. С мужчиной этим она уже встречалась раньше, его нимало не смутило предупреждение о том, что очки, повинувшись воле офтальмолога, тогда, впрочем, еще не высказанной, она снимать не будет, не только не смутило, но и позабавило как некое пикантное новшество. Выйдя из аптеки, взяла такси и назвала отель. Откинувшись на сиденье, она предвкушала разнородные и многообразные ощущения – от первого и умелого соприкосновения губ до волнообразной череды бурных оргазмов, которые, закрутив ее

на головокружительном и умопомрачительном огненном колесе, оставят, будто распятую, типун нам на язык, в блаженном изнеможении. Стало быть, есть у нас основания полагать, что если партнер девицы в темных очках не подкачал в смысле техники, не оказался слишком, извините, скоропалителен, то она платит ему, во-первых, первой, а во-вторых, вдвое против того, что получает потом в денежном исчислении. Посреди этих размышлений и, без сомнения, потому, что давешний визит к офтальмологу обошелся ей недешево, она спросила себя, не пора ли, ни на день не откладывая, поднять то, что усмешливым иносказанием привыкла назначать за это свое более чем щедрое возмещение.

Попросила остановиться за квартал до отеля, смешалась с толпой, двигавшейся в том же направлении, плавно поплыла в этом людском потоке, никому не ведомая и ни перед кем не виноватая. Очень непринужденно вошла в отель, пересекла вестибюль и под села к стойке бара. До условленного и очень точно оговоренного срока оставалось еще несколько минут, а потому надо было подождать. Заказала себе коктейль и принялась не спеша потягивать его, ни на кого не глядя, потому что не хотела, чтобы ее приняли за вульгарную охотницу на мужчин. Чуть погодя, с видом туристки, что после целого дня хождения по музеям поднимается к себе в номер, направилась к лифту. Неведомая ей пока добродетель неизменно встречает препятствия на тернистом пути к совершенству, а вот грех и порок пользуются благосклонностью фортуны, так что она добралась благополучно, и раздвижные двери отверзлись ей. Престарелая супружеская чета высадилась, а она вошла, нажала кнопку третьего этажа, ее ожидали в триста двенадцатом номере, вот он, негромко постучала в дверь, через десять минут была уже раздета, через пятнадцать – стонала, через восемнадцать шептала, не имея надобности притворяться, слова любви, через двадцать – начала терять голову, через двадцать одну – почувствовала, что тело ее словно бы плавится от наслаждения, через двадцать две – закричала: Да, да, да, а когда пришла в себя, произнесла в пресловутом блаженном изнеможении: До сих пор все вокруг белое.

Угонщика домой доставил полицейский. Степенный и сочувственный правоохранитель представить себе не мог, что ведет

матерого преступника, и наложил на него руку не ради торжества законности, но исключительно, чтобы бедняга не споткнулся. Зато нам нетрудно представить, как перепугалась жена вора, когда, отворив дверь, увидела на пороге полицейского в форме, конвоирующего, как ей показалось, арестанта, который вконец пал духом и с которым, судя по виду его, случилось кое-что гораздо похуже ареста. В первую минуту подумала она, будто мужа сцапали *in flagranti delicto*, то есть взяли с поличным, и в доме сейчас произведен будет обыск, и эта мысль, как ни странно, внесла в смятенную душу женщины некоторое успокоение, ибо супруг похищал только автомобили, а такую вещь, сами понимаете, под кроватью не спрячешь. Впрочем, уже в следующую минуту все разъяснилось: Он ослеп, позаботьтесь о нем, и первоначальное облегчение женщины, увидевшей, что полицейский выступает в роли не конвоира, а поводыря, сменилось осознанием масштабов нагрянувшего в дом несчастья, когда супруг в слезах пал ей на грудь и поведал то, что мы уже знаем.

Девицу в темных очках в родительский дом тоже доставила полиция, однако пикантность обстоятельств, при которых обнаружилась слепота, – совершенно голая женщина, истощенными воплями тревожащая покой других постояльцев отеля, ее кавалер, лихорадочно натягивающий штаны и не попадающий ногой в брючину, – умеряла до известной опять же степени драматизм ситуации. Слепая, сгорая со стыда, а чувство это, что бы там ни твердили добропорядочные лицемеры, не вовсе улетучилось от сдачи любовной страсти в аренду и прокат, и осознав после серии пронзительно-режущих криков, что потеря зрения есть нечто иное, нежели непредусмотренное и завораживающе-непривычное последствие испытанного наслаждения, едва осмеливалась тихо плакать и причитать, когда ее, бесцеремонно и грубо вертя, одели и чуть ли не втащив повлекли вон из отеля. Полицейский тоном, который можно было бы назвать исполненным сарказма, не будь он просто грубым, осведомился, узнав предварительно, где она живет, есть ли у нее деньги на такси, ибо: В таких случаях на казенный счет не прокатишься, что, заметим мимоходом, вполне резонно и основательно, поскольку данная категория граждан не платит налогов со своего аморального оборота. В ответ она кивнула, но, став слепой, решила, представьте, будто полицейский мог не увидеть этого

движения, и пролепетала: Есть, добавив уже про себя: Пропади они пропадом, что прозвучало бы бессмыслицей, однако если вспомнить, что дух человеческий неизменно избирает окольные пути, уклоняясь от прямых и кратчайших, непреложно свидетельствовало о том, что бедняжка сочла все случившееся карой за распутство и разврат, но тут они и доехали. Матери сказала, чтобы к ужину ее не ждали, а, гляди-ка, вернулась как раз вовремя, поспела даже раньше отца.

С окулистом все вышло несколько иначе, и не только потому, что находился у себя дома в тот миг, когда ослеп, – в отличие от обычных людей, которые, лишь когда заболит какой-нибудь из органов и членов, узнают о самом существовании их, врач не будет сложа руки предаваться отчаянью. Даже попав в такой, с позволения сказать, переплет, в тоске и печали ожидая мучительную ночь, доктор наш сумел вспомнить строку гомеровской Илиады, поэмы, повествующей прежде всего о смерти и страдании: Стоит многих воителей один врачеватель искусный, причем так следует понимать, что речь там идет не о количественных, но исключительно о качественных показателях, и в этом у читателя очень скоро появится возможность удостовериться. Ибо у доктора хватило отваги лечь в постель к жене и не разбудить ее, даже когда она, что-то пробормотав во сне, придвинулась, чтобы чувствовать его рядом. Тянулись бессонные часы, если удавалось задремать, то лишь на миг. Он хотел бы, чтобы утро не наступало никогда и чтобы не пришлось ему, человеку, избравшему себе ремеслом исцеление больных глаз, объявлять: Я ослеп, а с другой стороны – хотел, чтобы поскорее рассвело, и выразил свое пожелание в этих самых словах: Поскорее бы рассвело, хоть и знал, что света дня не увидит. По совести говоря, проку от незрячего окулиста мало, разве что толково и профессионально информировать органы здравоохранения об угрозе общенациональной катастрофы, поскольку появился новый, доселе невиданный и неизученный вид слепоты, распространяющейся с очень высокой интенсивностью, передающейся от человека к человеку, то есть, попросту говоря, заразной, и, насколько можно судить, не дающей никаких предварительных клинических проявлений вроде, например, воспаления или иных симптомов дегенерации или инфекции, в чем доктор мог убедиться на примере того слепца, которого осматривал накануне, или на своем собственном – ничтожная близорукость, легкий астигматизм, то и

другое выражено так слабо, что он пока не считал нужным пользоваться корректирующими линзами. Глаза, переставшие видеть, глаза, ставшие незрячими, пребывают меж тем в полнейшем порядке и без малейших признаков врожденной или благоприобретенной, застарелой или свежей патологии. Он вспомнил, сколь тщательному осмотру подверг слепца, как одна за другой все доступные офтальмоскопу части глаза оказывались в идеальном состоянии, без намека на болезнетворные изменения, что само по себе редкость, когда больному, по его же словам, тридцать восемь лет, да и в более молодом возрасте – тоже. Он не может быть слеп, пробормотал доктор, позабыв на миг, что и сам слеп, вот как далеко может человек зайти в своем самоотречении, и это случается не только здесь и сейчас, вспомним, о чем толковал нам Гомер, пусть и совсем другими словами. Впрочем, это только кажется, что другими.

Когда поднялась жена, он притворился спящим. Почувствовал, как она чуть прикоснулась к его лбу губами – поцеловала так нежно и осторожно, словно боялась нарушить то, что представлялось ей глубоким и крепким сном, и, быть может, думала при этом: Бедный, он так поздно вчера лег, все ломал голову над редким случаем, думал, как помочь тому слепенькому. Оставшись один, доктор, чувствуя, как густое и плотное облако, наполняя с груди к лицу, медленно душит его, через ноздри проникая внутрь и ослепляя, коротко простонал, ощутил навернувшиеся на глаза, покотившиеся вдоль висков две слезы, подумал: Наверно, белые, и понял теперь, как страшно было его пациентам, когда они говорили: Доктор, что-то, мне кажется, я стал хуже видеть. В спальню с кухни доносились милые домашние звуки, скоро заглянет жена посмотреть, встал ли он, потому что пора отправляться в клинику. Осторожно поднялся с постели, нащупал и надел халат, побрел в ванную, помочился. Потом повернулся туда, где всегда висело зеркало, и на этот раз не спросил: Что же это такое, а, не сказал: Есть миллион причин для того, чтобы в мозгу заблокировалась зона, отвечающая за зрение, а лишь простер руки, пока не уперся пальцами в стекло. Он знал, что отражение – там, в зеркале, что образ смотрит на него, видит его, а он его – нет. Услышал голос жены из спальни: А-а, встал уже, сказала она, и он ответил: Да. И тотчас ощутил, что она рядом: Доброе утро, любовь моя, ну, как ты, после стольких лет брака они все еще обменивались такими вот нежностями,

а потом так, словно игралась пьеса и настал его черед подать реплику, он сказал: Да, знаешь, неважно, с глазами что-то. Жена восприняла только вторую часть фразы: Ну-ка, покажи, попросила она, очень внимательно осмотрела и сказала: Ничего не вижу, то есть совершенно явно перепутала и произнесла его текст, ибо произнести эти слова надлежало ему, что он и сделал, только немного небрежней, вот так примерно: Ничего не вижу, и добавил: Думаю, что меня заразил вчерашний пациент.

Жены врачей, живя с ними бок о бок, с течением времени сами начинают немного разбираться в медицине, а жена этого окулиста во всех смыслах была ему близким человеком и не могла, следовательно, не знать, что слепота – болезнь не заразная, инфекцией не передается, это не холера какая-нибудь, и никто пока еще не ослеп от того, что поглядел на него слепец, ибо это вопрос личных взаимоотношений человека и глаз, данных ему при рождении. Но, во всяком случае, медик обязан знать, что говорит, для того он и в университете обучался, а если этот доктор мало того, что объявил себя слепым, но еще и уверяет, будто заразился, то, как бы хорошо ни разбиралась в медицине его жена, сомневаться ей не приходится. Само собой разумеется, что бедная женщина, оказавшись перед лицом непреложной очевидности, повела себя точно так же, как и любая на ее месте, где, как мы знаем, побывали уже две ее товарки по несчастью, то есть, обняв мужа, выказала все признаки живейшего и совершенно естественного огорчения: Что же делать, повторяла она сквозь слезы, что же нам теперь делать. Прежде всего сообщить санитарным властям, в министерство здравоохранения, если это и вправду эпидемия, необходимо принять безотлагательные меры. Но эпидемия слепоты – вещь небывалая и невиданная, слабо возразила женщина, цепляясь за соломинку последней надежды. Слепца с абсолютно здоровыми глазами тоже никто никогда не видел, однако же таких обнаружилось по крайней мере двое. И едва лишь он произнес последнее слово, как, изменившись в лице, почти грубо оттолкнул от себя жену и сам отшатнулся от нее: Отойди, не приближайся, ты тоже можешь заразиться, и сейчас же ударил себя кулаками по голове: Ох, какой же я идиот, идиот, безмозглая тварь, доктор, называется как я мог не подумать об этом, всю ночь рядом, в одной постели, мне надо было остаться в кабинете, закрыть двери, да и то. Ради бога, не говори

так, чему быть, того не миновать, пойдем, я приготовлю завтрак. Оставь меня, уйди ты отсюда. Не оставлю и не уйду, ты что же, будешь спотыкаться, падать, наткаться на стулья в поисках телефона, искать в справочнике, не видя его, номера телефонов, а я, по-твоему, – спокойно смотреть на все это, сидя под стеклянным колпаком во избежание заразы. Потом она крепко взяла его за руку и сказала: Пойдем, милый.

Было еще слишком рано, когда врач, и сами можете представить, с какой охотой, выпил чашку кофе и съел тостик с маслом, приготовленные упрямой женой, слишком рано, чтобы застать на рабочем месте должностных лиц, которых он счел нужным известить. Для пользы дела и сбережения времени он, рассуждая логически, собрался обратиться прямо к кому-нибудь из самого высокого начальства в министерстве здравоохранения, однако намерение пришлось переменить, как только стало очевидно: совершенно недостаточно представиться доктором таким-то, располагающим важнейшей и срочнейшей информацией, чтобы убедить чиновника помельче, с которым нашего окулиста, снизойдя к его долгим просьбам и уговорам, наконец соединили, доложить вышестоящему. Тот желал знать, о чем речь, хотя малым детям понятно – ни один врач, мало-мальски сознающий свою ответственность, не станет сообщать о возникновении эпидемии первому попавшемуся клерку, ибо возникнет паника. На это было сказано: Вы назвали доктором таким-то, готов, если вам угодно, в это поверить, но порядок есть порядок, и, пока вы мне не скажете, в чем дело, я никому докладывать не стану. Дело это строго конфиденциальное. Строго конфиденциальные дела по телефону не обсуждают, так что лучше бы вам явиться лично. Я не могу выйти из дому. Вы что же – больны. Да, болен, после некоторого колебания промолвил слепец. В этом случае я бы на вашем месте вызвал врача, только – настоящего врача, и, довольный собственным остроумием, дал отбой.

Это было подобно пощечине. Лишь спустя несколько минут доктор пришел в себя и смог пересказать жене, как с ним обошлись. А потом, словно только сейчас осознав то, что должен был бы уразуметь давным-давно, печально пробормотал: Вот из какого вещества все мы и состоим – из равнодушия пополам с подлостью. И что, спрашивается, теперь делать. Тут он понял, что попусту теряет время и

что передать информацию, минуя чиновников, можно единственным способом – поговорить с директором своей клиники, поговорить как врачу с врачом, а уж потом тот пусть приводит в действие громоздкие бюрократические маховики и шестеренки. Жена набрала номер, который помнила наизусть. Когда ответили, доктор назвал и торопливо произнес: Спасибо, хорошо, без сомнения отвечая на вопрос секретарши: Как поживаете, доктор, мы, когда не хотим выказать слабость, всегда говорим: Спасибо, хорошо, хотя бы даже и при смерти лежали, железными обручами стягиваем сердце, производя единственную в своем роде кузнечно-кардиологическую процедуру. Когда директор взял трубку и осведомился, как дела, доктор спросил, один ли тот в кабинете, не может ли кто-нибудь подслушать их разговор, секретарша не в счет, очень ей нужно слушать про офтальмопатии, вот женские болезни – это дело другое. Доклад вышел сжатым, деловитым, исчерпывающе полным, лишенным иносказаний, недомолвок, лишних слов и до такой степени клинически бесстрастным, что директор удивился: Вы в самом деле ничего не видите. Абсолютно ничего. Во всяком случае, нельзя исключить, что это совпадение и вы не заразились. Согласен, однако же мы с ним ослепли не так, чтобы он там, а я тут, не встречаясь друг с другом, слепец пришел ко мне на прием, а спустя несколько часов ослеп я сам. Как бы нам разыскать его. Фамилия и адрес имеются в регистратуре. Немедленно пошлю туда кого-нибудь. Врача. Ну, не курьера же. Вам не кажется, что следует сообщить в министерство о том, что случилось. Я это считаю преждевременным, подумайте, какая поднимется паника, да и, черт побери, слепотой нельзя заразиться. Смертью тоже, однако все мы умрем. Ладно, вы пока оставайтесь дома, потом я пришлю за вами машину, приедете ко мне, я сам хочу вас посмотреть. Не забудьте, что я ослеп после того, как осматривал слепца. После, как известно, не значит вследствие. Если я что-нибудь и вижу, то лишь четкую причинно-следственную связь. Хорошо, хорошо, рано еще делать выводы, два отдельных случая не показательны. Если их и в самом деле только два. Понимаю, в каком состоянии вы находитесь, но все же не нужно предаваться мрачным мыслям, для которых может не оказаться никаких оснований. Спасибо. Мы еще поговорим. До свиданья.

Через полчаса, когда доктор с помощью жены неуклюже добирал щеку, зазвонил телефон. Это был директор клиники, и говорил он на этот раз совсем иначе: К нам доставили мальчика, внезапная потеря зрения, уверяет, что перед глазами сплошная белая пелена, мать утверждает, что вчера водила его к вам на прием. Расходящийся левосторонний страбизм. Именно так. Значит, тот самый. Я начинаю беспокоиться, ситуация очень серьезная. Министерство. Да-да, разумеется, я немедленно переговорю с. Через три часа, когда в полном молчании доктор с женой обедали и он нашаривал вилкой заботливо нарезанные кусочки мяса, снова раздался звонок. Подошла жена и тотчас вернулась: Тебя, из министерства. Помогла подняться, проводила в кабинет, вложила в руку трубку. Разговор был краток, и когда, услышав: Нам необходимо установить личности всех, кто вчера был у вас на приеме, доктор сказал, что в историях болезни, иначе называемых карточками, содержится все требуемое, то есть имя, возраст, семейное положение, место работы, домашний адрес, и вызвался сопровождать того или тех, кого отправят за ними. Не надо, отрезали в ответ. Затем трубку передали кому-то еще, и голос в ней зазвучал другой и по-другому: Здравствуйте, говорит министр, от имени правительства я благодарю вас за ревностное отношение к своему профессиональному долгу, уверен, что оперативность ваших действий поможет нам взять ситуацию под контроль, а до тех пор убедительно прошу вас оставаться дома. Последние слова, хоть и были сказаны очень вежливо, не оставляли и тени сомнения в том, что это приказ. Хорошо, господин министр, ответил доктор, но на другом конце уже положили трубку.

Через несколько минут последовал новый звонок, директор клиники заплетающимся от волнения языком сказал: Только что узнал, из полиции сообщили о двух случаях внезапной слепоты. Это что, их сотрудники. Нет, обычные люди, мужчина и женщина: его подобрали на улице, кричал, что ослеп, а с ней это случилось в постели, в отеле, ну, в общем, вы понимаете. Нужно сейчас же выяснить, не мои ли это пациенты, известно, как их зовут. Пока нет. Мне звонили из министерства, они заберут истории болезни из регистратуры. Вот ведь дело-то как повернулось, а. Это вы мне говорите. Доктор положил трубку, поднял руки к глазам, прикрыл их, словно хотел защитить от худших напастей, а потом глухо произнес: Как же я устал. Поспи

немного, пойдём, я тебя уложу, сказала жена. Не стоит, все равно не смогу заснуть, да и потом это не конец, будет что-нибудь еще.

Было без чего-то шесть, когда телефон зазвонил в последний раз. Доктор, сидевший рядом с аппаратом, сам снял трубку: Да, это я, сказал он и стал слушать, что ему говорят, а перед тем, как дать отбой, слегка кивнул. Кто это, спросила жена. Из министерства, за мной через полчаса приедет санитарная машина. Ты ждал этого. Чего-то в этом роде. И куда тебя отвезут. Не знаю, в больницу, наверно. Сейчас я соберу тебе чемодан, уложу вещи, костюм. Я ведь не в круиз отправляюсь. Мы не знаем куда. Она бережно отвела его в спальню, усадила на кровать: Посиди, я сама все сделаю. Доктор слышал, как жена ходит по комнате, открывает и закрывает ящики и дверцы, достает одежду и белье и складывает все это в стоящий на полу чемодан, но не догадывался, что кроме его вещей легли в чемодан несколько блузок и юбок, пара брюк, платье и туфли, которые могли быть только женскими. Он рассеянно подумал: Куда мне столько, но промолчал, потому что не время было говорить о пустяках. Щелкнули замки, и голос жены произнес: Готово, теперь пусть приезжают. Сама вынесла чемодан в прихожую, поставила у двери, не слушая доктора, который порывался помочь и твердил, что это ему по силам, он еще не инвалид. Потом на диване в гостиной стали ждать. Взялись за руки. Он сказал: Не знаю, надолго ли расстанемся, а она ответила: Не тревожься.

Прождали они почти час. Когда брякнул звонок у двери, она поднялась, пошла открывать, но на площадке никого не было. Сняла трубку домофона: Хорошо, он сейчас спустится. Повернулась и сказала: Ждут внизу, им приказано не подниматься. Похоже, там в министерстве сильно перепугались. Идем. Спустились на лифте, она помогла мужу преодолеть последние ступеньки, потом залезть в санитарный фургон, потом вернулась за чемоданом, подняла его, швырнула внутрь, потом забралась сама, села рядом с мужем. Водитель, обернувшись к ней, возразил: Мне велено только доктора доставить, так что вы сойдите. Нет, придется вам и меня тоже отвезти, спокойно возразила женщина, я только что ослепла.

Мысль пришла в голову самому министру. И с какой стороны ни поглядеть, мысль счастливая, поразительно удачная как в чисто медицинском аспекте, так и в плане социальных последствий и

политических их производных. Хотя пока не выяснены причины или, употребляя профессиональный термин, этиология белой болезни, как, благодаря вдохновенному наитию некоего не обиженного воображением ассистента, окрестили неблагозвучную слепоту, хоть не найдены были пути лечения, не создана вакцина, могущая воспрепятствовать возникновению в будущем новых случаев, однако решили всех, кто ослеп, а равно и всех, кто находился с ними в непосредственном контакте, собрать в одном месте и изолировать, дабы пресечь распространение инфекции, число жертв которой в противном случае увеличивалось бы в прогрессии, в математике именуемой геометрической. *Quod erat demonstrandum*,^[2] заключил министр. Если перевести все это на общедоступный язык, речь о том, что всех этих людей посадят в карантин, следуя старинному обычаю, возникшему в те времена, когда корабли, прибывшие из тех мест, где свирепствовали эпидемии чумы и желтой лихорадки, не входя в порт, отстаивались на рейде сорок дней, а там видно будет. Именно эти слова: А там видно будет, произнес министр, и не похоже было, что он обмолвился случайно или что других слов у него не нашлось, тем более что чуть позже он уточнил: Хочу сказать, что карантин может продлиться как сорок дней, так и сорок недель, и сорок месяцев, и сорок лет, что в данном случае не важно, важно, чтобы они оттуда не выходили. Осталось только решить, куда мы их поместим, сказал председатель специального комитета, только что созданного и призванного заниматься сбором, доставкой, охраной и обеспечением слепцов. Чем мы располагаем, осведомился министр. В наличии имеются пустующее помещение психиатрической больницы, ожидающее перепрофилирования, казармы, которые после недавней армейской реформы по назначению не используются, недостроенные павильоны промышленной ярмарки, и еще есть гипермаркет на грани банкротства, причем мне так никто не объяснил, почему он есть и откуда взялся. Ну и какое из этих сооружений, по вашему мнению, лучше других отвечает стоящим перед нами целям. Казарма хороша с точки зрения безопасности. Естественно. Но она чересчур велика, затруднительно будет осуществлять надзор, и обойдется он слишком дорого. Понятно. Что касается гипермаркета, тут возникает множество всяких юридических сложностей и тонкостей, создается почин для имущественных тяжб, так что. Ну хорошо, а что скажете про ярмарку.

А про ярмарку лучше, господин министр, вообще сразу забыть. Это почему. Промышленникам совершенно точно не понравится, они туда вбухали миллионы. Что же, остается клиника. Точно так, господин министр, клиника. Ну, клиника так клиника. Да, по всем параметрам лучше места не найти: помимо того, что строение по всему периметру обнесено стеной, там есть и такое преимущество, как два крыла или, если угодно, флигеля, из которых один можно предназначить для настоящих, так сказать, слепцов, другой – для проходящих обсервацию, ну и центральный вестибюль, ничейная, так сказать, земля, по которой ослепшие будут перебираться к слепым. Предвижу одну сложность. В чем, господин министр. Но кому-то же придется следить за этими перемещениями, надо же будет где-то подобрать персонал, а я не уверен, что мы сможем рассчитывать на волонтеров. Вряд ли это потребуются. Поясните. В том случае, если кто-то из инфицированных ослепнет, а это естественным порядком рано или поздно произойдет, мы можем быть совершенно уверены, что его покуда еще зрячие товарищи в тот же миг выставят его вон. Вы правы. Точно так же они не впустят к себе слепца, если тому вдруг вздумается сменить место. Да, я вижу, вы глубоко проработали вопрос. Благодарю, господин министр, значит, можно приступать. Действуйте, даю вам полный карт-бланш.

Комитет взялся за дело рьяно и ретиво. Еще до вечера собраны были все слепцы, о коих имелись сведения, а также и известное количество лиц, находившихся с ними в контакте, по крайней мере тех, кого удалось выявить и задержать в ходе стремительно проведенного розыска, в первую очередь среди родственников и сослуживцев людей, изолированных по причине потери зрения. Первыми в здание пустующей психушки доставили доктора с женой. У ворот, которые приоткрылись ровно настолько, чтобы можно было пройти, и тотчас задвинулись, стояли часовые. Перилами или поручнями служила толстая веревка, натянутая от ворот до главного входа. Примите чуть вправо, там будет веревка, возьмитесь за нее и следуйте вперед, там будут ступеньки, числом шесть, объявил сержант, подниметесь по ним, войдете, внутри веревка раздваивается налево-направо, так вот вам, внимание, направо. Жена несла чемодан и вела доктора в ближайшую ко входу палату, длинную как старинный лазарет, с двумя рядами железных коек, некогда крашенных пепельно-серой краской, ныне во

многих местах облупившейся. Такого же цвета были простыни, одеяла, наволочки. Жена прошла вглубь, посадила доктора на кровать, сказала: Никуда не уходи, пойду посмотрю, куда мы попали. Палаты, длинные, узкие, извилистые коридоры, кабинеты, в прежние времена предназначавшиеся, должно быть, для врачей, убогие и грязные уборные, кухня, откуда еще не выветрился запах скверной казенной еды, просторная столовая с цинковыми столами, три клетушки, где стены метра на два в высоту были обиты толстым слоем войлока, а выше – пробкой. За домом – задний двор, чахлая рощица неухоженных, с ободранной корой, деревьев. Повсюду валялся мусор. Жена доктора вернулась в дом. В полуоткрытом шкафу обнаружила смирительные рубашки. Когда подошла к мужу, тот спросил: Ты поняла, куда нас привезли, и она, ответив: Нет, хотела было добавить: В сумасшедший дом, но доктор опередил ее: Ты не ослепла, я не допущу, чтобы ты оставалась здесь. Да, ты прав, я не слепая. Я потребую, чтобы тебя отпустили домой, объясню, что ты обманула их, чтобы не разлучаться со мной. Не трудись, отсюда тебя не услышат, а и услышат – не послушают. Но ведь ты зрячая. Это пока, скорей всего я тоже ослепну через несколько дней или через минуточку. Прошу тебя, уходи. Не настаивай, тем более что солдаты, вероятней всего, не дадут мне даже ногу поставить на ступеньку. Я же не могу тебя принудить. Ну, конечно же, милый мой, конечно, не можешь, я останусь и буду помогать тебе и тем, кого еще привезут сюда, только не говори им, что я вижу. Кого привезут. Но ты ведь не думаешь, что мы здесь будем единственными. Это безумие. Вот мы с тобой и сидим в сумасшедшем доме.

Остальных слепцов доставили всех вместе. Взяли их дома, одного за другим: и автомобилиста, ставшего самой первой жертвой, и вора, угнавшего у него машину, и девицу в темных очках, и косоглазого мальчика, ах, впрочем, нет, мальчика забрали из больницы, куда отвезла его мать. А саму ее не взяли: хитроумия, которым наделена была жена доктора, не хватило, чтобы заявить, будто она тоже слепая, была она существом простодушным, неспособным лгать даже ради собственного блага. Они вошли в палату, спотыкаясь, ощупывая воздух перед собой, ибо путеводной веревки здесь не было, и учиться приходилось на собственных ошибках, то есть ушибах, косоглазый мальчуган хныкал, звал мать, и девушка в темных очках, взявшаяся

утешать его: Не плачь, не плачь, идет, идет твоя мама, благодаря этим самым очкам могла бы с одинаковым успехом о– или по– казаться как слепой, так и зрячей, потому что остальные впустую водили невидящими очками из стороны в сторону, а она, повторяя: Идет, идет твоя мама, словно бы и вправду прозревала в дверях мать, по которой так отчаянно тосковал мальчик. Жена доктора шепнула ему на ухо: Их четверо, двое мужчин, девушка и ребенок. Как выглядят мужчины, вполголоса спросил доктор. Жена описала, и: Этого не знаю, а второй, судя по всему, тот самый, что был у меня на приеме. У мальчика левый глаз косит, а девушка в темных очках, очень хорошенькая. Обоих я смотрел накануне. Слепцы, отыскивая место, где могли бы чувствовать себя в безопасности, производили много шума и потому не слышали этого краткого разговора и думали, наверно, что все здесь – такие же, как они, зрение же утратили слишком недавно, чтобы изоцрилась у них сверх нормы способность различать звуки. Наконец, словно разом придя к выводу, что от добра добра не ищут, каждый из них сел на ту кровать, на которую наткнулся, причем мужчины оказались ближайшими соседями, хоть и не подозревали об этом. Девушка продолжала тихонько утешать мальчика: Не плачь, вот увидишь, скоро придет твоя мама. В наступившей после этого тишине неожиданно донесшийся из глубины палаты голос жены доктора: Нас здесь двое, а нас сколько, перепугал новоприбывших, но мужчины промолчали, а ответила только девушка: Значит, теперь четверо, со мной и этим мальчуганом. Кто еще здесь есть, почему не откликаетесь, настаивала жена доктора, и: Еще я тут есть, прозвучал голос мужчины, которому каждое слово давалось словно с большим трудом. И я, сдавленно отозвался еще один. Жена доктора сказала как бы про себя: Пришипелись, будто боятся познакомиться друг с другом. Она видела, как вытянули они, словно принюхиваясь, шеи, как сморщили от напряжения лица, причем любопытно, что застыло на них одинаковое выражение смешанного с угрозой страха, вот только боялись они разного и разным угрожали. Чего-то они не поделили, подумала жена доктора.

И в этот миг ожил укрепленный над дверью громкоговоритель, и строгий, привычный к командам голос отчетливо, отдельно и громко произнес: Внимание, повторив это слово трижды, а затем: Правительство страны, выражая глубокое сожаление по поводу того,

что во исполнение своего долга и в соответствии со своими полномочиями вынуждено принять ряд безотлагательных и жестких мер по защите всеми имеющимися в его распоряжении средствами населения страны, оказавшейся перед лицом кризиса, вызванного внезапной вспышкой эпидемии слепоты, временно именуемой белой болезнью, рассчитывает, что все граждане проявят сознательность и присущие им, гражданам, гражданские чувства, всемерно препятствуя распространению эпидемии в том, разумеется, случае, если мы имеем дело с нею, а не с необъяснимым в данное время совпадением ряда единичных случаев. Решение об помещении в карантин лиц, пораженных этим недугом, равно как и лиц, имевших с ними какие бы то ни было контакты, а потому подлежащих обсервации, является глубоко и всесторонне продуманным. Правительство полностью сознает свой долг перед народом и надеется, что те, кому адресовано это обращение, как законопослушные граждане, также осознают лежащую на них ответственность и поймут, что изоляция, которой их подвергли, ознаменует их неразрывную связь и нерушимое единство со всем национальным сообществом. Прослушайте правила поведения в карантине: первое, свет должен гореть постоянно, всякая попытка погасить его бессмысленна, выключатели заблокированы, второе, запрещается под страхом немедленной смерти покидать помещение без специального разрешения, третье, по телефону, имеющемуся в каждой палате, разрешается передавать только просьбы о пополнении запаса гигиенических и моющих средств, четвертое, изолированные обязаны ежедневно производить ручную стирку своей одежды, пятое, не предписывается, однако настоятельно рекомендуется избрать в каждой палате старосту, шестое, трижды в день к дверям левого и правого крыльев будут доставляться коробки с продовольствием, предназначенным соответственно для обеих групп, седьмое, все отходы, под которыми следует понимать не только остатки пищи, но также тару и посуду, как то: тарелки и ложки, изготовленные для этой цели из горючих и легковоспламеняющихся материалов, подлежат сожжению, восьмое, сожжение производится на заднем дворе, девятое, изолированные несут ответственность за возможные негативные последствия неосторожного обращения с огнем, десятое, возгорание, случайное или произведенное умышленно, ликвидируется силами и средствами самих изолированных, без вызова пожарной охраны,

одиннадцатое, изолированные не вправе рассчитывать на медицинскую помощь в случае заболевания кого-либо из них, равно как и на вмешательство извне для наведения порядка в случае возникновения конфликтов или актов агрессии, двенадцатое, в случае смерти кого-либо из числа изолированных, каковы бы ни были ее причины, тело силами самих изолированных должно быть без соблюдения каких бы то ни было формальностей захоронено у ограды, тринадцатое, все контакты между двумя группами пациентов, размещенными в двух крыльях здания, могут производиться только в центральном вестибюле, через который вами был осуществлен вход в клинику, четырнадцатое, ослепшие незамедлительно переходят во флигель, где содержатся слепые, пятнадцатое, эти инструкции будут передаваться ежедневно, в одни и те же часы, для сведения вновь прибывших. Правительство и Народ надеются, что каждый исполнит свой долг. Спокойной ночи.

В последовавшей за этим тишине прозвенел голос мальчика: Я хочу к маме, но слова эти произнесены были безо всякого выражения, словно бы не живым человеком, а каким-то механическим устройством, которое записало фразу и теперь вдруг не ко времени ее воспроизвело. Доктор сказал: Инструкции, которые нам прочли, ясно дают понять, что нас попросту замуровали заживо, и, похоже, выйдем мы отсюда не раньше, чем наука придумает, как лечить эту болезнь. Голос знакомый, сказала девушка в темных очках. Я – доктор, окулист. Теперь узнала: я вчера была у вас на приеме. Напомните, на что жаловались. У меня был конъюнктивит, был и есть, только теперь, когда я ослепла, это уже не страшно. А ребенок с вами. Нет, это не мой, у меня нет детей. А это уж не тот ли косенький мальчик, которого я смотрел вчера. Тот самый, ответил мальчик с ноткой обиды, ему не понравилось упоминание о его физическом недостатке, да и кому бы понравилось, ибо есть у них, у недостатков, этих и всех прочих, такое свойство – чуть только упомяни о них, как из едва заметных делаются они более чем очевидными. Есть здесь еще кто-нибудь, кого я знаю, спросил доктор, может быть, среди нас тот, кто приходил вчера вместе с женой, он ослеп внезапно, за рулем. Да, я здесь, ответил первый слепец. Ну и кто-то же еще, назовитесь, пожалуйста, нам ведь жить вместе бог знает сколько времени, и потому просто необходимо знать друг друга. Ну, я, процедил сквозь зубы угонщик, полагая, что этого

будет достаточно, чтобы обозначить его присутствие, однако доктор настаивал: Судя по голосу, вы человек довольно молодой, стало быть, это не вы обращались по поводу катаракты. Не я. Как вы потеряли зрение. Шел по улице. И. И все, шел и потерял. Доктор открыл было рот, чтобы осведомиться, тонет ли у того все в белизне или во тьме, но прикусил язык, вовремя рассудив, что каков бы ни был ответ и, значит, цвет слепоты, это ничего не изменит. Он протянул неуверенную руку к жене и на полдороге встретил ее руку. Она придвинулась, чтобы поцеловать его в щеку, никто, кроме нее, не видел это отуманенное печалью чело, горькую складку губ, неживые, будто стеклянные глаза, инушавшие страх, потому что казались зрячими, но ничего не видели. Придет и мой черед, подумала она, быть может, это произойдет вот сейчас, в этот самый миг, не дав мне додумать, или в любую другую минуту, ведь у каждого из этих людей случалось такое, или проснусь слепой, или ослепну, когда закрою глаза, чтобы заснуть, и тогда подумаю, что сплю, только и всего.

Она обвела взглядом четверых слепцов, рассеявшихся по койкам, в ногах державших скудные пожитки, которые им разрешили взять с собой: у косоглазого мальчика был школьный ранец, у остальных – маленькие чемоданчики, с какими на уик-энды ездят. Девушка в темных очках тихонько разговаривала с мальчиком, в другом ряду, совсем рядом, разделенные пустой кроватью, сидели, повернувшись друг к другу, но не зная этого, первый слепец и вор. Доктор сказал: Все мы слышали приказы, что бы там ни было, теперь знаем одно – никто нам не поможет, что нужно самим как-то наладить жизнь, не откладывая, потому что очень скоро и эта палата, и все прочие будут битком набиты. Откуда вы знаете, что тут есть другие палаты, спросила девушка в темных очках. Мы прошли тут немного, прежде чем зайти в эту, наша – первая от входа, сказала жена доктора, стиснув ему руку, чтобы не сболтнул лишнего. Сказала девушка: Вам и быть старшим, доктор как-никак. Скорей – никак, что толку, что доктор, – ни глаз, ни лекарств. Тем не менее. Жена доктора улыбнулась: Принимай должность, если, конечно, остальные не возражают. Не думаю, что это удачная мысль. Почему. Пока нас здесь только шестеро, но завтра наверняка станет больше, каждый день сюда будут привозить новых и новых, и следует с уверенностью предположить, что едва ли они признают не ими выбранную власть, которой, помимо всего

прочего, нечего им дать за признание и соблюдение правил, если, конечно, они вообще склонны признавать над собой какую-либо власть и какие-либо правила. Тогда здесь будет трудно жить. Это счастье, если всего лишь трудно. Девушка в темных очках сказала: Я хотела как лучше, но вообще-то доктор прав – каждый начнет тащить одеяло на себя.

В этот миг, то ли взбешенный этими словами, то ли не в силах больше сдерживать клокотавшую в нем ярость, вскочил на ноги один из мужчин. Вот кто во всем виноват, будь у меня глаза, прикончил бы на месте, завопил он, тыча пальцем туда, где, по его представлениям, должен был находиться виновник всех несчастий. Направление было угадано почти верно, но драматический жест возымел неожиданно комический эффект, поскольку обвиняюще уставленный перст указывал на ни в чем не повинную прикроватную тумбочку. Успокойтесь, заметил доктор, при эпидемии виноватых нет, все жертвы. За доброту свою расплачиваюсь, за сострадание, если б я не вызвался довести этого болвана до дому, сохранил бы зрение. Кто вы, спросил доктор, но обвинитель не отвечал, почувствовав всю несообразность того, что наговорил. Тут послышался голос другого: Довезти-то доvez, это правда, а потом воспользовался моим беспомощным состоянием и украл у меня машину. Врешь, ничего я не крал. Украл, украл. Если кто-то увел твой драндулет, нечего валить на меня, вознаградили меня за милосердие, нечего сказать, и потом, где у тебя свидетели, а, предъяви. О чем вы спорите, сказала жена доктора, машина там, вы оба здесь, лучше бы вам помириться, нам ведь жить вместе. Не буду я с ним жить, сказал первый слепец, что хотите со мной делайте, я перейду в другую палату, не останусь рядом с негодяем, которому хватило совести обобщать слепого, еще жалуется, что из-за меня ослеп, так ему и надо, есть, значит, справедливость на свете. Он подхватил свой чемодан и, волоча ноги, чтобы не споткнуться, водя свободной рукой перед собой, вышел в проход между двумя рядами коек. Где тут выход, спросил он, но ответа, если кто и собирался его дать, не дождался, потому что угонщик выполнил по мере силы-возможности угрозу рассчитаться с виновником всех своих бед и кинулся на него. Началась свалка: понять, кто сверху, кто внизу, было нельзя, противники, сцепившись, катались по полу, ушибались о ножки кроватей, а испуганный мальчик снова заплакал и

стал звать маму. Жена доктора, зная, что в одиночку не справится, схватила мужа за руку, подтащила его туда, где, сопя и отдуваясь, колотили друг друга остервенившиеся слепцы. Помогла мужу ухватиться за одного, сама вцепилась в другого, с огромным усилием растащили. Очень глупо вы себя ведете, заметил доктор, если непременно желаете устроить здесь ад крошечный, продолжайте в том же духе, вы идете верной дорогой, но только помните, что мы предоставлены самим себе, помощи ни от кого не дождемся, сами слышали. Он украл у меня машину, проскулил первый слепец, которому досталось сильней, чем второму. Да забудьте вы про нее, воскликнула жена доктора, какая теперь разница, вы ведь и тогда уже не могли ею пользоваться. Ну да, но ведь это моя собственность, а теперь она неизвестно где. По всей видимости, сказал доктор, она осталась на том самом месте, где он ослеп. Соображаете, доктор, одобрительно воскликнул вор, варит котелок. Первый сделал было попытку – или вид, что хочет – высвободиться и начать второй раунд, но сник, словно уразумев наконец, что гнев, пусть даже самый праведный, не вернет ему машину, а машина, в свою очередь, – зрения. Зря считаешь, что все сойдет тебе с рук, крикнул ему его обидчик, да, это я тебя тачки лишил, а ты меня – глаз, так что еще неизвестно, кто из нас вор. Уймитесь, а, попросил доктор, все мы здесь слепцы, винить в этом некого и жаловаться некому, а хотите перейти в другую палату, жена вас проводит, она ориентируется лучше, чем я. Нет, я передумал, лучше здесь останусь. Деточка одна спать боится, вдруг бука придет, сказал вор. Ну, хватит, прикрикнул на него доктор, потеряв терпение. Слышь, доктор, чего это ты так раскомандовался, а, мы тут все равны. Я не команду, а просто говорю, чтоб оставили его в покое. Ладно-ладно, только полегче на поворотах, договорились, не люблю, когда против шерсти, со мной по-хорошему надо, таких врагов, как я, лучше себе не заводить. Размахивая руками, двигаясь напористо и задиристо, вор нашел свою койку, задвинул под нее чемодан и таким тоном объявил: Я ложусь спать, словно требовал: Отвернитесь, дайте раздеться. Девушка в темных очках сказала мальчику: И ты ложись, вот сюда, сюда, если что понадобится – позовешь, я буду рядышком. Мне надо по-маленькому, сказал мальчик. При этих словах и все вдруг почувствовали настоящее желание облегчиться и разом подумали об одном и том же: И как же это все будет, хоть, может быть, и

сформулировали эту мысль по-разному, а первый слепец пошарил под кроватью в поисках горшка, желая в то же время, чтобы его там не оказалось, потому что стеснялся справлять нужду на людях, они, конечно, не могут его видеть, но журчание мочи не скроешь, не спрячешь, хотя мужчины способны применить некий фокус, недоступный женщинам, которым в этом смысле повезло меньше. Вор, сидевший на кровати, сказал: Ох, мать твою, куда ж сходить отлить. Нельзя ли не выражаться, одернула его девушка в темных очках, тут ребенок. Верно говоришь, золотце мое, однако учти, что, если сейчас же не найдешь сортир, этот твой ребенок напрудит прямо в штанишки. Сказала жена доктора: Я, наверно, смогу найти туалет, когда шла по коридору, чувствовала запах. Я с вами, сказала девушка в темных очках, беря мальчика за руку. Лучше бы всем вместе пойти, заметил доктор, так. но крайней мере, будем знать дорогу. Отлично тебя понимаю, эти слова вор вслух произнести не решился, однако подумал именно так, тебе вовсе не хочется, чтоб баба твоя водила меня писать каждый раз, как приспичит. Эта мысль, вернее, второй, подспудный ее смысл, оказала на него хоть и не сильно возбуждающее действие, чему он удивился, будто вместе со зрением непременно должен был лишиться и сексуального желания. Ладно, подумал он, не все еще потеряно, живы будем – не помрем, устроимся как-нибудь, и, отвлекшись от разговора, погрузился или, наоборот, воспарил в мечты. Помечтать ему, впрочем, не дали, потому что доктор уже говорил: Двигаемся гуськом, моя жена идет впереди, каждый берет переднего за плечо, тогда не потеряемся. Сказал первый слепец: С этим, явно имея в виду похитителя своего автомобиля, я не пойду.

Потому, что одни хотели сблизиться, а другие – отдалиться, какое-то время они неуклюже топтались в узком проходе между кроватями, тем более что жене доктора приходилось вести себя так, словно и она не видит. Наконец выстроились цепочкой: за женой доктора – девушка в темных очках, державшая за руку косоглазого мальчика, за ними – вор в одних трусах и майке, за ним – доктор, а замыкающим, во избежание новой потасовки, шел первый слепец. Двинулись, причем очень медленно, словно не доверяя своей вожатой, вода свободной рукой по воздуху, пытаюсь найти что-нибудь прочное и основательное вроде стены, например, или дверного косяка. Вор, шагавший, как было сказано, позади девушки в темных очках, от запаха ее духов испытал,

не успев еще остыть от предыдущего, прилив нового возбуждения и решил найти рукам более приятное применение: левой погладил ей шею под волосами, правой – прямо и без церемоний ухватил за грудь. Девушка передернула плечами, попыталась стряхнуть нахальную лапу, но вор держал крепко. Тогда она резко согнула в колене и с силой выбросила назад ногу – лягнулась, иначе говоря. Высокий каблук, именуемый шпилькой, но тонкий и острый, как стилет, вонзился в бедро, и вор взревел от неожиданности и боли. Что такое, спросила, обернувшись, жена доктора. Да это я споткнулась, был ответ, и, похоже, задела того, кто шел сзади. Вор, перемежая брань стонами, обеими руками держался за ногу, пострадавшую в результате собственной его несдержанности, и меж пальцами уже проступала кровь: Поранила меня, гадина, не видишь, куда ноги ставишь. Зато, кажется, ты знаешь, куда руки тянешь, сухо отвечала девушка в темных очках. Жена доктора поняла, что произошло, и сначала только улыбнулась, но вскоре поняла: дело серьезное, рана обильно кровоточит, обработать ее нечем, под рукой ни перекиси, ни йода, ни ваты, ни бинта, и вообще ничего. Цепочка распалась, и доктор спросил: Куда она вам попала. Да вот сюда. Куда сюда. Да в ногу же, не видишь, что ли, ногу мне пропорол каблучищем своим. Ничего подобного, и не нарочно, просто оступилась, возразила девушка в темных очках, однако тотчас взорвалась праведным гневом: Нечего было лапать, за кого ты меня принимаешь. Надо промыть и перевязать, вмешалась жена доктора. Чем ты ее промоешь. Водой. А где вода. На кухне, на кухне есть вода, но всем вместе идти не надо, мы с мужем отведем вас туда, а все остальные обождут здесь, мы скоро. Хочу пи-пи, заявил мальчик. Потерпи еще немножко, сейчас вернемся. Жена доктора отлично знала, что надо повернуть. направо, потом налево и пройти в конец длинного, изгибавшегося под прямым углом коридора, но уже через минуту, сделав вид, что ошиблась, остановилась, вернулась, воскликнула: Ах, нет, не туда, я вспомнила, и уже напрямик направилась к цели, поскольку кровь текла обильно и времени больше терять было нельзя. Пришлось подождать, пока из крана сойдет ржавая, грязная вода. Она по-прежнему оставалась мутно-тепловатой, застоявшейся в трубах, словно протухшей, однако раненый принял ее со вздохом облегчения. Надо чем-то перетянуть, а чем. Под столом нашлись грязные половые тряпки, но было бы чистейшим

безрассудством использовать их в качестве перевязочного материала. Нету, нету, ничего нету, приговаривала жена доктора, делая вид, что шарит по кухне. Но не могу же я оставаться так, доктор, кровяца хлещет, сделайте что-нибудь, жалобно взывал вор, помогите мне, а что нахамил, простите великодушно. Поможем, поможем, сейчас-сейчас, отвечал доктор, ну, вот что, снимайте-ка что на вас есть, ничего другого не остается. Раненый пробурчал было, что майка совсем новая, но повиновался. Жена доктора быстрыми движениями скатала ее в жгут, обхватила и крепко стянула им бедро, тугим узлом связала лямки с подолом. Едва ли незрячий человек смог бы действовать так споро и точно, но разыгрывать спектакли было некогда, хватит и того, что она притворилась, будто не знает, в какую сторону идти. Вору и в самом деле почудилось неладное: по логике вещей, все эти манипуляции должен был бы проводить врач, пусть даже и глазной, однако утешительное сознание того, что за ним появился должный уход, вытеснило смутные подозрения, которые, впрочем, и так лишь самым краешком чиркнули по душе. Припадающий на ногу вор и доктор с женой присоединились к остальным, и тут обнаружилось, что косоглазый мальчуган все-таки не дотерпел. Первый слепец и девушка в темных очках этого происшествия, естественно, заметить не могли. Под ногами у него расплывалась лужица, с исподу штанишек еще подкапывало. Но жена доктора как ни в чем не бывало провозгласила: Ну, идемте, идемте скорей уборную искать. Слепцы простерли руки, отыскивая друг друга, однако девушка в темных очках заявила, что не пойдет перед нахалом, который ее щупал и тискал, так что вора и первого слепца поменяли местами, а между ними стал доктор. Вор сильно хромал, подволакивал ногу. Рана болела и от давящей повязки пульсировала так, словно с левой стороны груди сердце переместилось туда. Девушка в темных очках снова взяла мальчика за руку, но он, насколько хватало этой самой руки, старался держаться как можно дальше, опасаясь, что кто-нибудь обнаружит его оплошность, как доктор, например, который потянул носом и сказал: Впечатление такое, что мочой пахнет, и жене пришлось впечатление это подтвердить: Да, в самом деле, не могла же она сказать, что это несет из сортиров, ибо до них было еще далеко, и, притворяясь слепой, в равной мере не могла объявить, что запах исходит от мокрых штанишек.

По дороге единогласно решили, что первым надо будет пустить мальчика. Но когда наконец добрались до места, мужчины, не соблюдая старшинство и без учета того, насколько остра потребность, зашли все вместе, тем более что индивидуальных писсуаров и, как и следовало ожидать, не было. Женщины остались у двери, говорят, они терпеливей, однако всякому же терпению есть предел, и через минуту жена доктора сказала: Может быть, тут есть еще туалеты, на что девушка в темных очках отвечала: Я пока могу подождать, а жена доктора сообщила: Я – тоже, после чего пошел такой разговор: Как с вами это случилось. Как со всеми, перестала вдруг видеть. Дома. Нет. Когда побывали на приеме у моего мужа. Ну, более или менее. Что значит – более или менее. Значит, что не сразу после этого. Больно было. Нет, открыла глаза и ослепла. А я нет. Что нет. Я не закрывала глаза, ослепла, когда муж сел в санитарную машину. Повезло. Кому. Мужу вашему, вы же вместе с ним. Ну, значит, и мне тоже. Значит, и вам. А вы замужем. Нет, и думаю, отныне никто не будет жениться и выходить замуж. Знаете, что я вам скажу: этот вид слепоты настолько необычен, до такой степени противоречит всей науке, что вечно продолжаться не может. А если мы останемся такими на всю жизнь. Кто мы. Ну, мы все. Это будет ужасно, подумать только – мир, состоящий из одних слепцов. Даже думать об этом не желаю.

Первым из дверей сортира вышел косоглазый мальчуган, которому туда, впрочем, и заходить-то было незачем. Штаны у него были закатаны до середины икр, носки сняты. Я здесь, произнес он, и девушка в темных очках двинулась на звук его голоса, но не с первой и не со второй, а только с третьей попытки руке ее удалось нащупать его вытянутую навстречу блуждающую ручку. Вскоре появился доктор, следом за ним первый слепец, и один из них спросил: Где вы, и жена доктора уже сжимала руку мужа, а за другую ее руку цеплялась девушка в темных очках. Первому слепцу несколько секунд не за кого было взяться, но вот и ему кто-то положил руку на плечо. Все в сборе, спросила жена доктора. Нет, наш раненый справляет другую нужду, ответил ей муж. Тогда сказала девушка в темных очках: Может быть, все-таки есть тут еще туалеты, а то мне как-то не по себе, простите. Пойдем поищем, сказала жена доктора, и, взявшись за руки, обе удалились. Назад пришли через десять минут: нашли врачебный кабинет с примыкавшим к нему туалетом. Вор уже вышел наружу,

жалуясь, что зябнет и что нога болит. Выстроились вереницей в том же порядке, что и раньше, и без приключений почти уже привычной дорогой вернулись в палату. Жена доктора еще в коридоре, и так, словно это само собой разумелось, объяснила, как узнать, где чье место: проще всего будет отсчитывать кровати начиная от двери. Наши, сказала она, будут последние в правом ряду, девятнадцатая и двадцатая. Первым по проходу двинулся вор. Он был почти гол, его бил озноб, он хотел пристроить поудобнее поврежденную ногу, и все это служило достаточным основанием для того, чтобы уступить ему приоритет. Пошел, отсчитывая койки и шаря под каждой в поисках своего чемодана, а когда обнаружил его, объявил вслух: Вот он, и добавил: Четырнадцатая. Слева или справа, спросила жена доктора. Слева, ответил тот с легким недоумением: чего, мол, спрашиваешь, сама, что ли, не знаешь. Следующим был первый слепец. Он знал, что его кровать – через одну от кровати вора, в том же ряду, и теперь уже не боялся ночевать рядом: судя по вздохам и постанываниям, тот опасности не представлял, еле шевелился. Шестнадцатая слева, сказал слепец и улегся не раздеваясь. Тогда девушка в темных очках попросила еле слышно: Можно, мы где-нибудь рядом с вами, в другом ряду И чуть подальше, там будет хорошо. Четверо прошли вперед и очень скоро расположились. Через несколько минут подал голос косоглазый мальчик: Я кушать хочу, и девушка в темных очках отозвалась: Завтра, завтра нас покормят, а сейчас спи. Потом открыла сумку, достала купленный в аптеке пузырек. Сняла очки, запрокинула голову, широко открыла глаза и, направляя одну руку другой, пустила капли. Не все попали куда надо, но можно не сомневаться, что с конъюнктивитом, если взяться за лечение всерьез, скоро будет покончено.

Надо открыть глаза, подумала жена доктора. Ночью она несколько раз просыпалась и сквозь опущенные веки различала мертвенное свечение ламп, скудно озарявших палату, но сейчас показалось, что свет изменился: то ли это первый проблеск зари, предутренние сумерки за окном, то ли уже подступает к самым глазам белесая молочная муть. Досчитаю до десяти, сказала она себе, и на счет десять открою глаза, два раза сказала она это, два раза досчитала до десяти, но глаза так и не открыла. Она слышала глубокое дыхание мужа,

доносящееся с соседней кровати, чье-то похрапывание: Интересно, как нога у бедняги, подумала она, зная, что сочувствует неискренне, а притворяется, заслоняясь другой заботой, на самом же деле просто не хочет открывать глаза. Они открылись сами, в следующий миг, просто открылись – не потому что она приняла такое решение. В окна, начинавшиеся на середине стены и кончавшиеся под самым потолком, тускло сочился голубоватый рассвет. Я не ослепла, пробормотала она и тотчас в испуге привстала: не услышала бы девушка в темных очках, спавшая ближе к окну. Но та и вправду спала. Спал и мальчик на койке у стены. Вроде меня, подумала о девушке жена доктора, тоже думает, что за ней он – как за каменной стеной, какие там стены, какие камни, один камешек на дороге, и одна надежда – споткнется о него враг, что еще за враг, никто на нас не собирается нападать, вот если бы не приехали и не забрали нас, тогда вполне могли бы и ограбить, и убить, и ведь никогда еще тот, кто угнал автомобиль, не был так уверен в своей безнаказанности, и как же далеко мы от мира, в котором скоро перестанем узнавать, кто мы, и не вспомним даже, как нас зовут, да и зачем, для чего нужны нам имена, одна собака узнаёт другую не по кличке, нами данной, а по запаху, и мы здесь – словно какая-то особая порода собак, узнаем друг друга по лаю, по голосу, а все прочее – черты лица, цвет глаз и волос – не в счет, как бы и не существует, я куда вижу, но как долго это еще продлится. Свет изменился, но ведь не может так быть, чтобы ночь возвращалась, должно быть, тучи заволокли небо, оттого и отсрочился приход утра. С койки, на которой лежал вор, донесся стон. Если рана нагноится, подумала жена доктора, нам нечем его лечить, у нас ничего нет, малейшая, самая ничтожная неприятность обернется в этих условиях настоящей бедой, Может, они того только и ждут, только и хотят, чтобы перемерли мы здесь один за другим, недаром же говорится, не бойся яда отдохлого гада. Жена доктора поднялась с кровати, нагнулась к мужу, чтобы разбудить его, но не хватило духу вырвать его из сна, чтобы убедиться, что по-прежнему слеп. Босиком осторожно подошла к койке вора. Глаза его были открыты и неподвижны. Как вы себя чувствуете, спросила она шепотом. Вор повернул голову на звук и сказал: Плохо, болит очень. Дайте-ка, я взгляну, хотела было сказать жена доктора и вовремя прикусила язык – какая неосторожность, как можно забыть, что здесь никто глядеть не может, она чуть не произнесла эти слова бездумно,

как поступила бы всего несколько часов назад там, за стенами, если бы врач сказал: Покажите-ка, и приподняла одеяло. Даже в этом полумраке имеющий глаза увидел бы набрякший кровью матрас и черную, с воспаленными краями, дырку раны. Повязка ослабела. Жена доктора осторожно опустила одеяло, потом легко и быстро коснулась ладонью лба. Кожа была суха и горяча. Снова изменился свет: это отодвинулись застывшие его облака. Она подошла к своей койке, но больше уже не ложилась. Поглядела на мужа, что-то бормочущего во сне, на очертания фигур под серыми одеялами, на грязные стены, на пустые, ожидающие кровати и бестрепетно пожелала себе тоже ослепнуть, чтобы сквозь зримую оболочку вещей проникать внутрь, в сердцевину, в их блистательную и непоправимую слепоту.

Внезапно откуда-то снаружи, скорей всего из вестибюля, разделяющего два крыла здания, донесся яростный гул голосов, выкрикивавших: Пошли вон, пошли вон. Убирайтесь. Выметайтесь. Вам здесь нельзя. Выполняйте приказ. Гул нарастал и вдруг ослабел, с грохотом захлопнулась дверь, и теперь слышались только горестные рыдания и тот характерный звук, какой бывает, когда кто-нибудь споткнется и рухнет со всего маху. В палате все уже проснулись. Повернули головы к дверям, и совершенно необязательно быть зрячим, чтобы понять – шум этот производят, входя в карантин, новоприбывшие слепцы. Жена доктора поднялась, собираясь по своей воле и охоте подойти к ним, встретить, сказать доброе слово, провести их до коек, растолковывая: Вот эта седьмая слева, эта – четвертая справа, не перепутайте, да, нас здесь шестеро, да, вчера, да, первыми, да какая разница, кого как зовут, один ограбленный, другой грабитель, еще таинственная девушка в темных очках, которая глазными капельками лечит конъюнктивит, откуда я знаю, что она в темных очках, ну, как откуда, мой муж – глазной врач, она была у него на приеме, да, он тоже здесь, ваша правда, это никого не минует, и еще косоглазый мальчик. Но не двинулась с места, только сказала мужу: Прибыли. Доктор слез с кровати, жена помогла ему натянуть брюки, хотя можно было бы и не делать этого, все равно никто не видит, и в эту минуту стали входить слепые, пятеро – трое мужчин и две женщины. Доктор сказал громко: Не волнуйтесь, не спешите, места всем хватит, нас здесь шестеро, а вас сколько. Они не знали, сколько их: разумеется, когда их выволакивали из левого крыла в вестибюль,

они соприкасались, а иногда и сталкивались друг с другом, но сколько их, не знали. И вещей у них с собой не было. Когда утром они проснулись слепыми и принялись плакать и жаловаться, соседи тут же безжалостно прогнали их прочь, не дав даже попрощаться с теми друзьями или родными, кто был с ними. Сказала жена доктора: Лучше всего будет, если вы, как в армии, рассчитаетесь по порядку номеров. Оторопелые слепцы замялись, но кому-то ведь надо было начать и двое мужчин, откликнувшись, как это бывает разом, тотчас осеклись, и тогда произнес третий: Первый, и помолчал, словно хотел назвать свое имя, но вместо этого сказал: Я сотрудник полиции, а жена доктора подумала: Он не сказал, как его зовут и значит, тоже понял, что это теперь не важно. Второй, представился второй и по примеру первого добавил: Таксист. Третий, сказал третий, в аптеке работаю. Потом женский голос произнес: Четвертая, горничная в отеле. И наконец: Пятая, служу в конторе. Это моя жена, моя жена, вскричал самый первый слепец, где ты, скажи мне, где ты, откликнись. Я здесь, здесь, заплакала та и шаткой поступью двинулась по проходу, обеими руками выгребая в молочной пучине, заполнявшей ее выпученные глаза. Муж куда уверенней, чем она, пошел навстречу, шепча как молитву: Где ты, где ты. Руки их встретились, в следующую секунду они уже обнялись, прильнули друг к другу, став и в самом деле плотью единой, тянулись с поцелуями, иногда промахиваясь, ибо не знали, где щеки, где глаза, где рот. Жена доктора вцепилась в него, зарыдала, словно тоже истосковалась в разлуке, но сказала так: Какое несчастье обрушилось на нас на всех. Тут раздался голос косоглазого мальчика, спрашивавшего: Моя мама тоже здесь. Присев к нему на кровать, прошептала девушка в темных очках: Она скоро придет, не волнуйся, придет обязательно.

Истинный дом – это место, где человек ночует, и потому не следует удивляться, что перво-наперво озаботились новопривывшие выбором койки, как поступали они, впрочем, и в иных палатах или, скажем, чертогах в те времена, когда еще были зрячими. Насчет жены первого, самого первого слепца сомнений не возникало: ее законное и естественное место – рядом с мужем, на семнадцатой койке, которую пустующая восемнадцатая отделяла, как пробел, от девушки в темных очках. Ничего нет удивительного и в том, что все жмутся друг к другу как можно плотнее, руководствуясь давним ли родством, неожиданно

ли обнаружившейся близостью, как, например, у помощника провизора, который отпустил девушке в темных очках глазные капли, или у таксиста, который доставил первого слепца к врачу, или у того, кто представился полицейским, а в свое время обнаружил на улице слепого вора, плакавшего навзрыд, как потерявшийся ребенок, что же касается горничной в отеле, то это именно она первой вбежала в номер, где исходила криком девушка в темных очках. Тем не менее не все эти вдруг выявившиеся узы близости и родства будут оглашены, явлены, зримы и ведомы – то ли потому, что не всегда представится для этого случай, то ли в силу слабости, извините за неуклюжий оборот, воображения, оказывающегося признать само их существование, то ли из соображений простого такта. Горничной и во сне бы не привиделось, что она может встретить здесь девицу, которая в номере отеля предстала перед нею в самом непотребном виде, об аптекаре известно, что отпускал он глазные капли и другим людям, носившим темные очки, полицейскому никто опрометчиво не выболтает, что здесь угонщик автомобилей, таксист поклялся бы, что в последние дни не возил ни одного слепца. Естественно, первый, самый первый слепец успел шепнуть жене, что среди них находится тот прохвост, что украл у них машину: Нет, ну ты представь, какое совпадение, но, поскольку уже знал, что рана в скверном виде, великодушно добавил: Получил по заслугам, и хватит с него. Поскольку горе и радость в отличие от воды и масла прекраснейшим образом перемешиваются, жена, одновременно и убитая горем оттого, что ослепла и вне себя от радости, что вновь обрела мужа, даже не вспомнила, как два дня назад готова была отдать год жизни, чтобы этот подонок – именно так она его назвала – тоже ослеп. И если даже еще гнездились где-то в глубине ее души последние остатки злобы, то и они улетучились, когда раздался жалобный стон: Доктор, пожалуйста, помогите мне. Доктор, направляемый женой, осторожно ощупал края раны, больше он ничего сделать не мог: даже промывать не стоило, потому что неизвестно, острый ли каблук туфельки, топтавшей уличные мостовые и здешний больничный пол, усугубил инфекцией нанесенную им же колотую рану или же виною тому были патогенные бактерии, без сомнения, кишевшие в затхлой, полупротухшей воде, которая текла по старым, проржавевшим трубам, сто лет не знавшим замены. Девушка в очках поднялась, услышав стон, медленно,

отсчитывая койки, направилась в ту сторону. Наклонилась, вытянула руку, задев щеку жены доктора, и потом, сама не зная как, нащупала обжигающе горячую руку раненого, горестно сказала: Вы простите меня, это я во всем виновата, не надо мне было делать то, что сделала. Да бросьте, отвечал он, в жизни всякое бывает, я тоже не по делу выступил.

Почти заглушив его последние слова, грянул громкоговоритель над дверью: Внимание, внимание, настоящим объявляется, что продовольствие, а также предметы гигиены и моющие средства, доставленные к дверям, первыми получают пациенты правого крыла, инфицированные будут оповещены особо, внимание, внимание, продовольствие доставлено, первыми идут слепые, повторяю, первыми выходят слепые. Раненый, у которого от жара мутилось в голове, не разобрал толком смысл сообщения, решил, что его вызывают наружу, что срок заключения истек, и сделал попытку привстать, но жена доктора удержала его: Вы куда. Не слышали разве, объявили же: первыми идут слепые. Паек идут получать. А-а, разочарованно протянул раненый и в очередной раз скривился от боли, вгрызавшейся ему в бедро. Сказал доктор: Оставайтесь здесь, я схожу. Я с тобой, сказала жена. Когда они шли к дверям палаты, кто-то из новичков спросил: Это кто, и первый слепец ответил: Врач, глазной врач. Вот уж точно, заметил таксист, бедному жениться – ночь коротка: если и попадется доктор, то уж такой, от кого никакого проку, не вылечит он нас. Нам и таксист попался, саркастически отозвалась девушка в темных очках, да только никуда он нас не отвезет.

Ящик с продуктами стоял в вестибюле. Доктор попросил жену: Подведи меня к дверям. Зачем. Я скажу, что у нас тяжелый больной, а лекарств никаких нет. Ты разве не помнишь, о чем предупреждали. Помню, но, быть может, узнав о конкретном случае, они. Сомневаюсь. Я тоже, но попытаться надо. Вступив на крыльцо, жена доктора почувствовала, что от света у нее закружилась голова, хотя день был скорее пасмурный, по небу плыли тучи и собирался дождь. Как быстро я отвыкла, подумала она. В тот же миг часовой у ворот крикнул им: Эй, назад, стрелять буду, и, уже вскидывая карабин, позвал: Сержант, тут двое выйти хотят. Да не хотим мы выйти, ответил доктор. Это хорошо, что не хотите, сказал сержант, подходя к внешней стороне ворот, и через прутья ограды спросил: Ну, а чего надо. Один из наших

повредил ногу, рана сильно воспалилась, не исключена вероятность сепсиса, срочно нужны антибиотики и другие препараты. Мне было ясно сказано: никого выпускать, а впускать – только если провиант несут. Если начнется заражение, а оно наверняка начнется, больной погибнет, и в самом скором времени. Меня это не касается. Тогда доложите своему начальству. Слушай-ка, ты, чурбан безглазый, я не доложу, а положу сейчас вас обоих на месте, а ну, назад, живо. Пойдем, сказала жена доктора, с ними ничего не поделаешь, они не виноваты – перепуганы и выполняют приказ. Не хочу верить, что происходит такое бесчеловечное попрание всех законов. А лучше поверь, потому что никогда еще не предъявляли тебе такой очевидной истины. Вы еще здесь, гаркнул сержант, чтоб на счет три исчезли оба, иначе, как бог свят, тут навсегда и останетесь, ну, ра-а-аз, два-а-а, три-и-и-и, вот и ладно, самое действенное средство, и, обращаясь к солдатам, добавил: Да будь он мне хоть брат родной, не объясняя, имеет ли он в виду того, кто вышел попросить медикаментов, или у которого рана нарывает. И этот второй спросил, когда они вернулись в палату, дадут ли лекарств. Откуда вы знаете, что я ходил просить лекарства. Ну, раскинул умом, ведь вы же врач. К сожалению. Значит, не дадут. Нет. Ну и ладно.

Еда, то есть молоко и галеты, была рассчитана строго на пятерых, но тот, кто рассчитывал, позабыл про чашки и тарелок не предусмотрел, как, впрочем, и ложек, все это, вероятно, должны были привезти к обеду. Жена доктора напоила молоком раненого, но его вырвало. Таксист заявил, что молоко не любит, спросил, нет ли кофе. Одни после завтрака снова улеглись на кровати, первый слепец повел жену показывать, где тут что, и они были единственными, кто покинул палату. Аптекарь, спросив разрешения, подсел к доктору и осведомился, какого тот мнения относительно постигшей их всех болезни. Не уверен, что мы имеем дело с болезнью в полном смысле слова, для начала уточнил доктор и в сильно упрощенном и сокращенном виде пересказал все, что успел вычитать в книгах до того, как ослеп. Таксист, отделенный от беседующих несколькими койками, с интересом прислушивался к беседе и, когда доклад был окончен, сказал: А я так думаю, вся штука в том, что забились каналы, ведущие от глаз к мозгам. Болван, негодуяще буркнул себе под нос фармацевт. Не исключено, невольно улыбнулся доктор, может, так оно

и есть, ведь глаза это не более чем линзы, объективы, видит-то на самом деле мозг, образ появляется, как на киноленте, и если перекрыть доступ, то и в самом деле. Ну да, это же вроде карбюратора: не поступит туда бензин, значит, мотор не заведется и машина не поедет. Видите, как нее просто, сказал доктор фармацевту. А сколько, по-вашему, доктор, мы тут еще пробудем, спросила горничная. По крайней мере, пока не прозреем. А когда это будет. Честно говоря, не думаю, что у кого-нибудь есть ответ на ваш вопрос. Но все-таки это временно или навсегда. Дорого бы я дал, чтобы узнать это. Горничная вздохнула и, помолчав минуту, сказала: А еще мне хотелось бы понять, что все же стряслось с той девушкой. С какой девушкой, спросил аптекарь. Да из отеля, ох, ну я и перепугалась, вхожу, а она стоит посреди номера в чем мать родила, из всей одежды только темные очки на носу, и орет как резаная, что ослепла, я так полагаю, она меня и заразила. Жена доктора взглянула и увидела, как вышеупомянутая девушка медленно и словно бы невзначай сняла темные очки и спрятала их под подушку, при этом спрашивая косоглазого мальчика: Хочешь еще галету. И впервые за все время, проведенное тут, жена доктора, испытав такое чувство, как будто наблюдает в микроскоп за шевелением каких-то существ, которые даже не подозревают о ее присутствии, сочла это непристойным, недостойным: Я не имею права смотреть на тех, кто не может посмотреть на меня, подумала она. Дрожащей рукой девушка закапала свои капли. Всегда можно сказать, что это вовсе и не слезы текут у нее из глаз.

Когда спустя несколько часов громкоговоритель объявил, что можно забрать привезенный обед, первый слепец и таксист вызвались идти добровольцами на дело, для которого, в сущности говоря, зрение не очень-то и нужно, достаточно осязания. Коробки стояли довольно далеко от двери из коридора в вестибюль, и, чтобы отыскать их, пришлось опуститься на четвереньки, да при этом левой, вытянутой вперед рукой шарить по полу, а правой отвести роль и функцию третьей лапы, вернуться же без особых затруднений в палату удалось потому лишь, что жена доктора осуществила давно пришедшую ей в голову идею и, разорвав простыню на полосы, смастерила из них нечто вроде веревки, один конец которой намертво крепится к ручке двери в палату, другой же будет обвязываться вокруг лодыжки того, кто снаряжается в поход за пропитанием. Посланные ушли, а пришли с

тарелками и ложками, хотя продовольствия по-прежнему было на пятерых, что, по всей вероятности, объясняется тем, что начальник караула о появлении в левом крыле еще шестерых слепцов не знал по той простой причине, что когда стоишь за воротами, то, как ни всматривайся, едва ли разглядишь издали и в полутемном вестибюле какие-то перемещения. Таксист предложил сходить да объяснить, что, мол, еды не хватает, причем отправился один, отказавшись от спутников, и: Эй, нас не пятеро, а одиннадцать, крикнул солдатам, а тот же самый сержант ответил ему из-за ворот: Гуляй пока на просторе, скоро тесновато будет, тоном, который таксисту, судя по словам, сказанным по возвращении в палату: Похоже, он издевался надо мной, показав оскорбительным. Раздали порции поровну, поделив каждую пополам, так что вышло десять, ибо раненый по-прежнему отказывался от еды и только просил: Пить, ради бога, во рту пересохло. Кожа на лице у него чуть не трескалась от жара. Время от времени, словно не в силах больше терпеть прикосновение и тяжесть одеяла, он выпрастывал из-под него ногу, но тотчас снова прятал, потому что в палате было холодно, и продолжались эти эволюции на протяжении многих часов. Через правильные промежутки времени он постанывал и вдруг издавал задавленный всхлип, как если бы постоянная, ровно пульсирующая боль усиливалась до такой степени, что он не успевал приготовиться к ней, ухватить ее и удержать в пределах терпимого.

Ближе к вечеру пришли еще трое изгнанных из левого крыла. Жена доктора тотчас узнала регистраторшу, записывавшую пациентов у офтальмолога, а с нею были мужчина, с которым девушка в темных очках имела свидание в отеле, и тот грубый полицейский, который доставил ее домой. Только они успели добраться до коек и рассесться, причем регистраторша заливалась слезами, а двое других хранили оторопелое молчание и словно бы не вполне сознавали, что же с ними случилось, как внезапно с улицы донесся многоголосый заполошный крик, прорезаемый ревом команд. Слепые выжидательно повернули головы к двери. Они ничего не могли видеть, но знали, что должно произойти. Жена доктора, сидя рядом с мужем на кровати, шепнула: Вот и начинается обещанный тобой крошечный ад. В ответ он сжал ее руку: Не ходи, отныне и впредь ты ничего не сможешь сделать. Крики стихли, сменившись топотом в вестибюле: это, давя и отпихивая друг

друга, целой толпой лезли в проем дверей слепцы, кто-то лишился чувств и остался валяться в коридоре, но основная масса, сцепясь в причудливые грозди или поодиночке, отчаянно, наподобие утопающих, простирая руки, хлынула в палату с таким напором, как если бы ее судорожными толчками извергала туда какая-то неодолимая внешняя сила. Топтали упавших. Сгрудившись поначалу в узком проходе, растеклись затем по тесным прогалинам между кроватями и, подобно кораблям, успевшим юркнуть в гавань до того, как шторм разыгрался всерьез, ошвартовались у причальной стенки, роль которой в данном случае исполняла койка, закричали, что место занято, ищите себе другое. Напрасно надрывался доктор, силясь объяснить, что есть и другие палаты, – те, кому койки не хватило, боялись затеряться в представавшем их воспаленному воображению лабиринте комнат, коридоров, закрытых дверей, крутых и лишь в самый последний момент обнаруживающихся, обрывающихся под ногой лестниц. Но поняли наконец, что вечно тут торчать нельзя, с мучительными усилиями вернулись к двери, дерзнули все же пуститься на поиски неизведанного. Те пятеро, которых доставили во вторую очередь, сумели, словно найдя последнее, покуда еще надежное убежище, переместиться поближе к первой шестерке. Только раненый одиноко и незащитно лежал на четырнадцатой койке в левом ряду.

Через четверть часа в палате вновь установилось, за вычетом всхлипываний, причитаний, неясных шорохов и шумов обустройства, спокойствие, весьма, впрочем, далекое от безмятежного. Теперь все кровати были заняты. День кончался, мертвенно-тусклые лампы разгорелись, казалось, ярче. Тут раздался строгий голос громкоговорителя: В соответствии со сделанным в первый день предупреждением мы повторяем правила внутреннего распорядка и поведения в карантине, требующие неукоснительного соблюдения со стороны помещенных в него лиц. Правительство страны, выражая глубокое сожаление по поводу того, что, во исполнение своего долга и в соответствии со своими полномочиями, вынуждено принять ряд безотлагательных и жестких мер по защите всеми имеющимися в его распоряжении средствами населения страны, оказавшейся перед лицом кризиса, вызванного, и так далее, и тому подобное. Когда голос смолк, грянул протестующий хор: Сидим взаперти, Все тут сдохнем, Права не имеют, А где врачи, которых нам обещали, это, кстати, было

что-то новенькое, Говорили, врачи будут, медицинскую помощь обещали и даже полный курс лечения. Доктор не сказал, что если кому-нибудь нужен врач, то он перед ними. И никогда больше не скажет так. Ибо врач наложением рук не лечит, ему нужны лекарства, препараты, снадобья и зелья, растворы и таблетки, сочетания того и сего, здесь же нет и намека ни на что подобное, равно как и надежды что-либо получить. Да что лекарств – нет даже глаз, чтобы отметить синюшность, скажем, или, наоборот, покраснение кожных покровов, проистекающее от нарушения периферического кровообращения, и сколько раз эти внешние признаки, избавляя от необходимости проводить более детальные исследования, давали ясное и полное представление о клинической картине, или вот, например, состояние слизистых оболочек в сочетании с особенностями пигментации позволяет с высокой вероятностью судить о. Теперь, когда все соседние койки были заняты, жена не могла рассказывать доктору о том, что происходит, однако он нутром, что называется, чуял, какое напряжение, осязаемое почти физически, уже поцарапывающее предвестием скорого взрыва, склубилось в палате после прихода последней партии слепых. Да и самый воздух тут сделался тяжким, плотным, насытился и пропитался медленно перекатывающимися волнами дурных запахов и внезапно выходящими на поверхность течениями чего-то совсем уж тошнотворного. Что же тут будет через неделю, спросил он себя и побоялся представить, что через неделю все они по-прежнему будут скучены и заперты здесь. Если даже предположить, продолжал размышлять он, что едой нас худо-бедно обеспечат, в чем я, кстати, совсем не уверен, то еще меньше у меня уверенности, что люди снаружи будут точно знать, сколько нас тут, и я не представляю себе, как осуществлять, скажем, простейшие гигиенические процедуры, не говорю уж о том, как мыться без посторонней помощи людям, совсем недавно потерявшим зрение, и потом, неизвестно, есть ли тут душевые, работают ли они, об этом, значит, я не говорю, а говорю обо всем прочем, стоит лишь раз забиться стокам, и мы захлебнемся в нечистотах. Он потер лицо ладонями и ощутил шероховатость трехдневной щетины: Да уж лучше так, надеюсь, им не взбредет в голову раздать нам лезвия или ножницы. У доктора в чемодане было припасено все необходимое для того, чтобы побриться, но сделать это он счел ошибкой: Да и потом,

где это делать, не здесь же, при всех, побриться, разумеется, можно, но ведь остальные очень скоро поймут, что происходит, и сильно удивятся, что нашелся такой чистюля, а в душевой какое столпотворение начнется, и, о господи, как нужны нам глаза, видеть, видеть, различать хотя бы смутные тени, стоять перед зеркалом, глядеть на расплывающееся темное пятно и иметь право сказать себе: Вот мое лицо, а свет не мне принадлежит.

Но вот стихли мало-помалу протестующие голоса, и некто из соседней палаты возник в дверях с вопросом, не осталось ли какой еды, и ответивший ему таксист выразился так: Ни крошки, а помощник провизора, которого мы в дальнейшем для краткости будем звать просто аптекарем, решил доброжелательным участием сгладить лаконический негатив ответа и добавил: Может быть, еще привезут. Не привезли. Настала ночь. Извне не поступало ни еды, ни звуков. За стеной сначала раздавались крики, потом все стихло, если кто там и плакал, то – тихонько, неслышно. Жена доктора пошла проведать раненого: Это я, сказала она и осторожно приподняла одеяло. Нога, равномерно вздутая отеком от колена до паха, выглядела пугающе, а сама рана, черный кружок в полиловевшей корке засохшей крови по краям, сильно увеличилась в размерах, как будто ткани распирало изнутри. От нее исходило сладковатое зловоние. Как вы, спросила жена доктора. Спасибо, что пришли. Как вы чувствуете себя. Плохо. Болит. И да, и нет. То есть. Ну, не знаю, как сказать, больно, однако нога как чужая, как будто уже отделилась от меня, говорю же, это трудно объяснить, странное такое ощущение, словно лежу здесь и смотрю, как она болит. Это потому что жар у вас. Может, и так. Постарайтесь уснуть. Она положила ему руку на лоб, потом повела было ее обратно, но не успела даже вымолвить: Покойной ночи, как раненый, перехватив, дернул на себя, так что лица оказались вровень. Я знаю, вы видите, сказал он чуть слышно. Вздрогнув от неожиданности, она забормотала в ответ: Вы ошибаетесь, с чего вы взяли, что это вам в голову пришло, я вижу ровно столько же, сколько и все, кто здесь есть. Не старайтесь меня обмануть, я знаю, что вы видите, но не бойтесь, никому не скажу. Спите, спите. Не верите мне. Верю. Потому что я жулик. Сказала же, верю. Тогда почему не хотите сказать правду. Завтра поговорим, а сейчас спите. Ну да, а будет оно, завтра. Мы не должны думать о плохом. Я должен думать, иначе за

меня будет думать лихорадка. Жена доктора вернулась к себе, прошептала мужу на ухо: На рану смотреть страшно, наверно, это гангрена. Едва ли, слишком уж быстро. Так или иначе, ему очень плохо. А нам, спросил доктор, намеренно повысив голос, мы мало того что слепые, так еще и связаны по рукам и ногам. С четырнадцатой в левом ряду койки донесся ответ: Меня, доктор, никто не свяжет.

Шло время, один за другим слепые засыпали. Кое-кто натягивал на голову одеяло, словно хотел, чтобы тьма, настоящая, черная тьма, решительно покончила с белесой мутью, плавающей перед глазами. Три лампы, подвешенные высоко, не достанешь, лили с потолка грязновато-желтый свет, не дающий теней. Сорок человек спали или пытались заснуть, вздыхали, бормотали спросонок и, быть может, видели во сне то, что хотели увидеть, и, быть может, говорили: Если это сон, не хочу просыпаться. Часы у всех остановились: кто забыл завести, а кто решил, что ни к чему это теперь, и только на запястье у жены доктора еще двигались по циферблату стрелки. Было начало четвертого. Вор очень медленно приподнялся, присел в кровати, опираясь на локти. Ногу он не чувствовал, там оставалась одна только боль, все прочее ему уже не принадлежало. Колено почти не сгибалось. Он свесил здоровую ногу вниз, перенес на нее тяжесть тела, потом, взявшись обеими руками за бедро больной, попытался спустить и ее. В тот же миг волчья стая боли пронизала тело по всем направлениям, чтобы сразу же вслед за тем убраться в свое логово, где ей было еще чем подкормиться. Опираясь на руки, подтягиваясь, он пядь за пядью передвигал свое тело по кровати от изголовья к ногам. Когда добрался до спинки, пришлось передохнуть. Дышалось трудно, как в приступе астмы, бессильно падала на грудь голова. Через несколько минут, когда выровнялось дыхание, он начал медленно подниматься, становясь на одну ногу. Он знал, что от второй толку никакого не будет, куда ни пойдешь, ее ненужным балластом придется тащить за собой. Все плыло перед глазами, и неудержимая дрожь, в медицине именуемая потрясающим ознобом, колотила его так, что лязгали зубы. Хватаясь за железные спинки кроватей, переползая от одной к другой, продвигался он меж спящими. Волоком, как неподъемную кладь, перетаскивал больную ногу. Никто не проснулся, никто не спросил его: Куда собрался в такой час, а и спросили бы. Он знал, что ответит: Отлить, лишь бы только жена доктора не окликнула,

потому что ей врать не хотелось и обманывать ее – тоже, а раз так пришлось бы сказать, что он задумал: Гнить здесь больше не собираюсь, муж ваш, конечно, сделал все, что было в его силах, но, знаете, когда я, бывало, на дело шел, машину угонять, я же не просил кого-то угнать ее для меня, ну, вот и здесь самому надо, когда они увидят, на что я похож, сообразят, что мне очень плохо, вызовут карету да свезут в больницу, наверняка есть больницы только для слепых, одним пациентом больше, одним меньше – разницы никакой, там займутся моей ногой, полечат ее, я слышал, что даже приговоренным к смерти оказывают медицинскую помощь, операцию делают, если аппендицит или там еще что, а уж потом только казнят, чтоб, как говорится, здоровеньким на тот свет пошел, вот и со мной так будет, потом, если надо, пусть опять сюда сажают, мне это все равно. Он проковылял еще немного, стиснув зубы, чтобы не стонать, но все же не сумел сдержаться и придушенно взвыл, когда, уже у самых дверей, потерял равновесие и ступил на больную ногу. Это вышло из-за того, что сбился со счета: думал, что будет еще пара кроватей, а шагнул в пустоту. Рухнул на пол и затих, замер, пока не убедился, что никого не разбудил. Потом его осенило, что лежащее положение слепцу пристало больше: если ползти на четвереньках, легче найти дорогу. Так он выбрался в вестибюль и остановился, чтобы обдумать, как теперь поступить: подать ли голос с крыльца или подобраться к самой ограде, держась за натянутую веревку, ее еще наверняка не убрали. Он отчетливо сознавал, что, если попросит помощи издали, могут сейчас же завернуть назад, но смущало, что после всех этих мучений, испытанных, несмотря на мощную поддержку железных кроватей, единственной опорой ему теперь будет всего лишь тонкая, свободно провисающая веревка. Через несколько минут ему показалось, что решение найдено: Поползу на четвереньках, подумал он, под веревкой, а время от времени буду поднимать руку, проверять, не сбился ли с пути, это ведь то же самое, что машины угонять, – на каждый случай найдется свой способ. Внезапно и без зова проснулась в нем совесть и с суровым упреком спросила, как это у него рука поднялась на машину несчастного слепца. Я сейчас так влип не потому, попытался возразить он, что машину угнал, а потому, что довез его до дому, вот тут я, конечно, маху дал. Но дешевой софистикой совесть не проймешь, и доводы ее были ясны и просты: Слепец есть лицо

неприкосновенное, слепцов грабить нельзя. Да я, строго говоря, его и не грабил, машину он в кармане не носит, и в темном переулке пушку я ему ко лбу не приставлял, отбрехивался обвиняемый. Кончай демагогию разводить, огрызнулась совесть, ползи куда полз.

Холодный ночной воздух освежил лицо. Как хорошо здесь дышится, подумал вор. Показалось даже, что и нога меньше болит, но это его не удивило: так бывало раньше, и не раз. Он уже стоял на крыльце, скоро должны быть ступеньки. Это самое трудное, – спуститься головой вперед. Поднял руку, проверяя веревку, и двинулся. Как он и предвидел, переползать со ступеньки на ступеньку было нелегко, особенно если нога не помощь, а помеха, что и подтвердилось в следующий миг, уже на середине лестницы, когда рука соскользнула с каменной ступени и все тело, увлекаемое балластом проклятой ноги, завалилось набок. Моментально ударила кувалдами, вонзилась сверлами, вгрызлась пилами боль, он и сам не знал, как сумел сдержать крик. Несколько долгих минут лежал ничком, лицом в землю. От скользнувшего по коже быстрого ветерка вновь затрясло. Он был в рубашке и в трусах. Вся поверхность раны соприкасалась с землей, и пришедшая в голову мысль: Как бы столбняка не было, на самом деле была глупой мыслью, потому что полз он от самых дверей палаты. Ладно, плевать, успеют вылечить, подумал он, успокаивая себя, и посунулся в сторону, чтобы дотянуться до веревки. Обнаружилась она не сразу. Вор забыл, что перед тем, как покатился со ступеней, натянута она была строго перпендикулярно, а инстинкт заставил его остаться на месте. Теперь включился здравый смысл, медленно повел его назад, пока он поясницей не ощутил каменную грань ступеньки, поднятой рукой – шершавое прикосновение веревки, а душой – ликование победителя. Это же торжествующее чувство, наверно, вразумило его, как двигаться, чтобы рана не терлась о землю: сел, повернулся спиной к воротам и начал перемещаться короткими рывками, отталкиваясь от земли кулаками взамен тех утюжков, которыми в старину пользовались безногие на тележках. Да, спиной вперед, потому что в этом случае, как и в любом другом, толкать лучше, нежели тянуть. Так и ноге легче, да и дорога, к счастью, под уклон. Веревку он потерять не боялся: она постоянно задевала его голову. Спросил себя, далеко ли еще до ворот, но понял, что так вот, по-крабьи, ползти задом наперед, каждый раз перенося тело на

полпяди или того меньше, – совсем не то, что на своих двоих, да хоть бы и на одной. Позабыв на миг о своей слепоте, оглянулся на ворота, чтобы понять, долго ли еще корячиться, но увидел лишь все ту же бездонную белизну. Сейчас день или ночь, спросил он себя и сообразил: Если бы день, меня бы давно засекли, а кроме того, завтраком кормили только раз, и было это много часов назад. Сам удивился, откуда это вдруг взялась в нем способность к логическому мышлению, порадовался тому, как стремительно и точно он соображает и делает выводы, почувствовал, что сильно переменялся, просто другой человек стал, и, если бы не эта напасть с ногой, поклялся бы, что еще никогда в жизни не чувствовал себя так хорошо. Ткнулся спиной в нижнюю, окованную железом часть ворот. Добрался, значит. Часовому, от холода спрятавшемуся в караульную будку, почудился какой-то странный шорох, природу коего он объяснить не мог, но уж, во всяком случае, не допускал, что кто-то может идти от здания клиники, должно быть, ветер коротко шевельнул листву, легко провел ветвями дерева по ограде. Но тут в уши часовому ударил новый, другой звук, именно что это был звук удара, и ветру бы так не врезать. Обеспокоенный солдат вышел из будки, снял автомат с предохранителя, взглянул в сторону ворот. И ничего не увидел. Но звук повторился и усилился: казалось, кто-то скребет когтями по неровной поверхности. По воротам, подумал солдат. Сделал было шаг к палатке, где спал сержант, но остановился, подумав, что за ложную тревогу взгреют по полной, караульные начальники не любят, когда их будят, даже если есть на то веские основания. Снова взглянул на ворота, замер в напряженном ожидании. И увидел призрачно-медленно возникающее между прутьями ограды белое лицо. Лицо слепого. Солдат помертвел от страха и от страха же, вскинув автомат к плечу, в упор дал очередь.

На слитный грохот выстрелов почти немедленно из палаток повыскакивали полуодетые солдаты, несшие охрану психиатрической больницы и тех, кого туда поместили. Что такое, чего стрелял, уже орал сержант. Слепец, слепец, бормотал часовой. Где. Вон, и стволом автомата показал на ворота. Ничего не вижу. Он был там, я видел. Караульные тем временем застегнулись, заправились, приладили свою сбрую, стали в шеренгу, взяв оружие к ноге. Давай прожектор, приказал сержант. Один из солдат вскарабкался в кузов. Через

несколько секунд ослепительный луч полоснул по воротам, по фасаду клиники. Нет никого, видел он его, во сне ты его увидел, урод, сказал сержант и только собрался добавить еще несколько армейских любезностей в том же роде, как вдруг заметил: под воротами в неистовом свете прожектора расплзается черная лужа. Вроде бы ты его убил, сказал сержант и, вспомнив строжайшие приказы начальства, крикнул: А ну, всем пять шагов назад, это заразно. Солдаты попятнулись в страхе, но не сводили глаз с кровавой лужи, растекавшейся по зазорам между камнями, которыми была вымощена дорожка. Думаешь, убил, осведомился сержант. Скорей всего, я выпустил весь магазин прямо ему в лицо, отвечал часовой, теперь уже гордясь столь явным доказательством своей меткости. В этот миг кто-то из солдат крикнул: Сержант, сержант, гляньте-ка туда. На крыльце в белом сиянии мощного прожектора стояло еще больше десятка слепых. Ни с места, гаркнул сержант, вот только дернись кто, сито сделаю. В нескольких окнах соседних домов уже вспыхнул свет, замелькали испуганные лица разбуженных выстрелами жильцов. Эй, четверо сюда, забрали труп, крикнул сержант. Поскольку слепые не могут видеть, а значит, считать, на зов двинулись шесть человек. Четверо, я сказал, истерически завопил сержант. Слепцы ощупали друг друга раз и другой, двое остановились. Четверо, держась за веревку, побрели к воротам.

Надо найти лопату, что ли, какую-нибудь или, не знаю, заступ, яму выкопать, сказал доктор. Было утро, они уже с большим трудом перенесли убитого за дом положили на заваленную мусором, засыпанную опавшей листвой землю. Теперь надо было предать ей тело. Только жена доктора знала, в каком оно состоянии: лицо и череп разворочены пулями, три дырки в шее и в груди. Знала она и то, что во всем доме нет ничего пригодного для рытья могил. Она обошла территорию, предоставленную им для проживания, но ничего, кроме железного прута, не обнаружила. Пригодится, только этого мало. А в закрытых окнах левого крыла, где размещались наблюдательные палаты, виднелись помертвевшие лица людей, ожидавших, когда пробьет их час, вернее, придет та неминуемая минута, когда надо будет сказать другим: Я ослеп, или когда их, пытающихся скрыть это, выдаст неловкое движение, поворот головы вслед за мелькнувшей тенью, странная для зрячего спотыкливость на ровном месте. О том, что инструментов нет, знал и доктор, и произнес он эту фразу, подыгрывая жене, которая теперь могла осведомиться: А что, если попросить солдат перебросить нам лопату. Удачная мысль, надо попробовать, и все признали, что мысль и вправду удачная, и одна лишь девушка в темных очках и словечка не вымолвила по вопросу обеспечения шанцевым инструментом, она вообще только плакала и бормотала: Это я виновата, и отрицать ее вину было бы глупо, но, с другой стороны, пусть по служит ей утешением то обстоятельство, что вздумай мы предвирать каждое наше деяние размышлением о последствиях оно, вначале неизбежных, затем вероятных, затем возможных, затем предполагаемых, то, право слово, не сдвинулись бы с того места, на котором застигла нас первоначальная мысль. Добрые и злые плоды наших поступков и слов будут распределяться, надо полагать, более или менее поровну, с соблюдением известного равновесия, на все дни, отпущенные нам в будущем, включая даже и те, что, кроясь в неразличимой дымке времен, освободятся от нашего присутствия, мы же, в свою очередь, – от возможности похвалить себя или осудить, причем иные утверждают, что это вот оно самое и есть – бессмертие, о котором идет столько разговоров. Может быть, и так, но этот человек мертв и должен быть погребен. И потому доктор с женой вызвались идти парламентарями, а безутешная девушка в темных очках сказала, что пойдет с ними, чтобы совесть не так мучила. Едва лишь

показались в дверях, как часовой крикнул: Стой, ни с места, и, опасаясь, вероятно, что устный приказ, даже столь энергично отданный, не возымеет должного действия, выстрелил в воздух. Оробелая троица скрылась под сень полутемного вестибюля, за толстую створку полуоткрытой двери. Тогда жена доктора, рассудив, что может видеть и предвидеть действия часового и, значит, в случае надобности спрятаться, решила идти одна. Не можем похоронить покойника, сказала она, лопата нужна. У ворот, но не там, где застрелили вчера вора, а с внешней стороны, появился еще один военный. Тоже сержант, но другой. Чего надо, крикнул он. Лопату или заступ. Нет здесь ничего, проваливай отсюда. Но мы не можем похоронить убитого. Не можете, и не надо, пускай себе гниет. Но если оставить труп без погребения, он начнет разлагаться и отравлять воздух. Ну и пускай себе отравляет. Воздух, знаете ли, на одном месте не стоит, вам тоже несладко придется. Основательность приведенного довода заставила воина призадуматься. Его прислали на замену караульного начальника, который ночью ослеп и был немедленно отправлен туда, где собирали больных, относящихся к сухопутным войскам. Излишне говорить, что авиация и флот располагают собственными лечебными учреждениями, только помельче и поплоче, поскольку и личного состава в этих видах вооруженных сил поменьше. Она дело говорит, вынужден был признать сержант убедительность аргументации, в таких случаях лучше перебдеть. В качестве превентивной меры двое солдат, надев противогазы, уже давно вылили в кровавую лужу две здоровенные бутылки аммония, от последних испарений которого до сих пор режет глаза, першит в горле, свербит в носу у всего караула. Сейчас что-нибудь придумаем, объявил наконец сержант. И еды бы хорошо, воспользовалась случаем жена доктора. Еды еще не привозили. Только в нашем крыле уже больше пятидесяти больных, мы голодаем, того, что даете, не хватает. Армия снабжением не занимается. Но кто-то же должен решить этот вопрос, правительство взяло на себя обязательства кормить нас. Вот что, идите-ка внутрь, здесь стоять нечего. Лопату дайте, крикнула жена доктора, но сержант уже ушел. Незадолго до полудня зазвучал громкоговоритель: Внимание, внимание, и слепые оживились, думая, что поесть дадут, однако речь зашла о: Вам выделена лопата, отправьте одного человека забрать. Я пойду, сказала жена доктора. Вышла и

сразу, с крыльца, увидела лопату. Судя по тому, как и где она лежала, а лежала она ближе к воротам, можно было понять, что ее швырнули издали. Не забывай, что ты слепая, сказала себе жена доктора и спросила: Где она. Спускайся с крыльца, буду направлять, ответил сержант, ага, вот так, так и иди, прямо, прямо, стой, правой возьми, то есть, тьфу, левой, чуть назад, еще, вот теперь, что называется, не доходя упруешься, тепло-тепло, да нет же, холодно, ага, теплей, теплей, совсем тепло, есть, горячо, теперь налево кругом и давай назад, не торчать же тебе здесь, развернулась и пошла, я буду говорить куда. Не трудись, думала она, сама как-нибудь дойду по прямой до дверей, если и не поверишь, что я слепая, в палату за мной не придешь. Взвалив лопату на плечо, как отправляющийся на работу землекоп, она двинулась прямо к крыльцу. Видал, сержант, воскликнул один из солдат, идет как по ниточке, будто зрячая. Слепцы очень быстро учатся ориентироваться в пространстве, веско изрек тот.

Выкопать могилу оказалось нелегко. Земля была твердая, каменистая, сплошь перебитая длинными корнями деревьев. Рыли по очереди – таксист, оба полицейских и первый слепец. Перед лицом смерти ждешь, что бывшие обиды утратят ядовитую свою силу, хоть и принято говорить, будто давняя ненависть не остывает, чему не счесть примеров в книгах и в жизни, однако здесь, в сущности, о ненависти, тем более давней, речь не шла, ибо что значит кража машины по сравнению со смертью человека, когда-то эту кражу совершившего, да еще если он находится в столь бедственном состоянии, и даже глаз не нужно, чтобы понять, что лицо его лишено рта и носа. Глубже, чем на три пяди, выкопать не смогли. Будь у покойника брюхо, оно бы выпирало из могилы, но вор, и от природы-то поджарый, за последние дни высох до последней крайности, так что в вырытую яму поместился бы еще один такой, как он. Молитвы не читали. Угрызения совести побудили девушку в темных очках спросить: Может, крест поставить, но кто там знает, что при жизни думал покойник про все эти дела с богом и верой, лучше, как велит обычай, просто помолчим над свежей могилой, а кроме того, примите в расчет, что смастерить крест совсем не так легко, как кажется, не говоря уж о том, сколько времени займет работа, за которую, тычась наобум, возьмутся слепцы. Вернулись в палату. Слепцы уже более или менее уверенно передвигаются там, где часто бывают, ну, разумеется, не на открытом

пространстве вроде заднего двора, где только что произошло погребение, уже не теряются, а выставляют вперед руку, пошевеливая растопыренными пальцами, вроде того, как насекомые водят своими усиками-антеннами, да и ходят себе повсюду, где им надо, и очень даже возможно, что у самых одаренных скоро разовьется так называемое фронтальное зрение. Вот взять, к примеру, хоть жену доктора: это же просто уму непостижимо, как она не заплутает в хитросплетении коридоров, палат, переходов, закоулков, как узнает, куда и когда следует свернуть, как безошибочно останавливается перед нужной ей дверью и без колебаний открывает ее, как, не отсчитывая по спинкам, добирается до своей кровати. Сейчас она присела к мужу, разговаривает с ним, тихонько по обыкновению, сразу видно людей воспитанных и культурных, и им всегда есть что сказать друг другу, не то что другой чете: первый слепец и его жена после бурных излияний первой встречи почти и не разговаривают, и у них, сдается нам, нынешняя печаль возобладала над прежней любовью, что делать, привычка для любви губительна. И неустанно, беспрестанно ноет косоглазый мальчик, что, мол, кушать хочет, и это при том, что девушка в темных очках в буквальном смысле куска не доедает, чтобы накормить его. Уже несколько часов не спрашивает мальчик про маму, но почувствует, без сомнения, как ее не хватает, затоскует по ней, когда насытится и дух его воспарит над плоским плотским себялюбием, не ведающим ничего, кроме простой и необоримой тяги к самосохранению. Из-за того ли, что произошло на рассвете, по другим ли, не зависящим от нашей воли обстоятельствам, однако коробки с продовольствием к утреннему столу доставлены не были. Время к обеду, часы, на которые украдкой взглядывает жена доктора, показывают уже почти ровно час, и немудрено поэтому, что подгоняемые бурным выделением желудочного сока несколько слепцов, старожилы и новеньких, решив выйти в вестибюль и там подождать, когда привезут провиант, руководствуются двумя великолепными доводами, причем один высказан вслух и сформулирован в том смысле, что за разговором время пролетит незаметно, второй же, потаенный, зиждется на постулате, гласящем, что кто первее, тот и правее. Так или иначе, не менее десяти слепцов чутко прислушиваются, не открывается ли наружная дверь, не слышны ли шаги солдат, несущих вожделенные коробки. Обитатели же левого,

обсервационного флигеля, убоясь внезапной слепоты, которая может последовать за близким соседством со слепцами, ожидающими в вестибюле, выйти не осмеливались и только подсматривали в щелку, чтоб не пропустить свой черед. А время шло. Кое-кто из утомившихся и истомленных ожиданием слепцов сел на пол, двое или трое вернулись в палату. И вскоре раздался ни с чем не сравнимый скрип и лязг ворот. Воодушевленные слепцы, натыкаясь друг на друга, устремились было туда, где, по их расчетам, находилась дверь, однако, забеспокоившись, что ничего не успеют объяснить, тотчас остановились и в смятении отступили, поскольку шаги солдат, несших коробки, и тех, кто их сопровождал с оружием, слышались уже совершенно явственно.

Все еще пребывая под впечатлением трагических ночных событий, солдаты решили не разносить коробки к дверям, ведущим из вестибюля в оба флигеля, как поступали они прежде, а оставить, то есть на пол поставить, посреди одного вестибюля – и сами свои харчи забирайте, кушайте на здоровье. Резкий переход с яркого света в царящую внутри полумглу помешал солдатам сразу же разглядеть кучку слепцов. Но через миг они их заметили. И, взыв от ужаса, побросали коробки и кинулись к выходу как безумные. Двое автоматчиков, ожидавших на крыльце, повели себя при отражении угрозы нападения просто образцово. Один бог знает, как и почему они, сумев преодолеть вполне понятный страх, с порога открыли оюнь, который на военном языке называется сосредоточенным. Слепые стали валиться друг на друга и, уже падая, получать пули, что нельзя расценить иначе как нерациональное расходование боеприпасов, причем все это происходило страшно медленно, и казалось, они никогда не перестанут падать, громоздя тело на тело, как это показывают иногда в кино и по телевизору. Если в описываемые нами времена солдат еще обязан отчитываться за каждый истраченный патрон, то эти двое смогут поклясться на знамени, что действовали в рамках допустимой самообороны, равно как и в целях защиты своих безоружных сослуживцев, при выполнении гуманитарной миссии подвергшихся нападению численно превосходящей группы слепцов. Впрочем, эти солдаты уже опрометью ринулись к воротам, тогда как остальные прикрывают их отход, чтобы не сказать – беспорядочное бегство, сквозь прутья ограды наведя дрожащие стволы на дверь

клиники, как если бы кто-то из оставшихся в живых слепцов намеревался предпринять вылазку и отплатить кровью за кровь. Один из тех, кто стрелял, говорит, побелев от испуга: Что хотите со мной делайте, я туда больше не пойду. И ведь в самом деле не пошел. В тот же день, во второй его половине, даже скорей ближе к вечеру, после смены караула, стал он всего лишь еще одним слепцом среди слепцов, и его счастье, что военнослужащий, не то остался бы в психушке, составил бы компанию штатским слепцам, товарищам тех, кого изрешетил он из своего автомата, а уж что бы они с ним сделали, один бог знает. Сержант сказал еще: Честное слово, лучше бы оставить их подыхать с голоду, не бойся яда от дохлого гада. Мы-то с вами знаем, что многие именно так думали и часто говорили, но, к счастью, бесценный остаточек человечности побудил сержанта переменить мнение: С этой минуты провиант пусть сами забирают, а мы будем держать их на мушке и чуть что – огонь. Он направился к штабной машине, включил микрофон и, припоминая слышанное в более или менее схожих обстоятельствах, чтобы сцепить слова в наилучшем порядке, сказал: Как представитель вооруженных сил выражаю сожаление в связи с тем, что караул был вынужден применить оружие для недопущения перемещения интернированных, создававшего непосредственную угрозу безопасности, за что на нем не лежит ни прямой, ни косвенной вины, и интернированные, отныне подлежащие получению продовольствия за пределами здания, предупреждаются, что любая попытка нарушения установленных правил будет пресекаться по всей строгости закона, как это было сегодня, а также вчера ночью. Потом помолчал, не зная, чем завершить свою речь, все подходящие слова вдруг как-то позабылись, хотя наверняка имелись в наличии, и смог только выговорить дважды: А мы не виноваты, не виноваты.

А в палатах грохот очередей, многократно усиленный гулким эхом, загремевающим в замкнутом пространстве вестибюля, вызвал настоящую панику. Одни пациенты, решив сначала, что солдаты сейчас ворвутся внутрь, кося из автоматов все живое, ибо правительство, наверно, передумало и приняло решение физически ликвидировать слепцов всех скопом, полезли под кровати, другие от страха застыли на месте, а некоторые подумали, должно быть, что оно и к лучшему, да на кой она сдалась, такая жизнь, и лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Первыми спохватились обитатели обсервационных палат. Когда загремели выстрелы, они шарахнулись прочь от двери, но потом наступившая тишина побудила их вернуться, взглянуть в щелочку, что там творится в вестибюле. Они увидели груды трупов, лужу крови, которая извивающимися ручьями, как живая, ползла по гладким каменным плитам, и коробки с продовольствием. Голод заставил их выбраться наружу, вот она, вожделенная еда, и что с того, что она предназначена слепцам, а зрячим их порции доставят во вторую очередь в соответствии с установленными правилами, но уж какие тут правила, тем более что нас никто не видит, недаром же древняя мудрость, бытовавшая во все времена и у всех народов, гласит, что кто смел, тот и съел, а древние мудрецы съели в таких делах собаку. Впрочем, подхлестнутой голодом отваги хватило лишь на три шага, вовремя проснувшийся разум же предупредил дальнейшее продвижение, напомнив, что наибольшую опасность для неосторожных представляют эти вот безжизненные тела и, главное, эта вот кровь, и кто знает, каких только тлетворных испарений и ядовитых миазмов не исходит, не изошло уже от безжизненной плоти слепцов. Они же мертвые, ничего не могут нам сделать, сказал кто-то с явным намерением успокоить себя и других, однако напрасно он это сказал, только напортил, ибо, хоть слепцы и вправду мертвы, не шевелятся, глядите, не дышат, кто поручится, что эта белая слепота не есть на самом деле болезнь душевная, а если принять эту гипотезу, то никогда еще дух убитых не был так свободен от телесной своей оболочки и, значит, волен веять, где ему заблагорассудится, веять и сеять, что захочет, и прежде всего зло, ибо всякий скажет, что это легче всего прочего. Но коробки с продуктами с неодолимой силой манили, магнитом притягивали к себе взоры, а желудок всегда приводит доводы такого калибра, что устоять нет возможности. Из одной коробки медленно вытекала, подползая к луже крови, белая жидкость, по всем приметам – не иначе как молоко, этот цвет не обманет. Двое, отличавшиеся особой отвагой или склонные к фатализму, благо четкую грань между этими понятиями провести возможно не всегда, выдвинулись вперед и уже почти коснулись загребущими руками вожделенных коробок, как вдруг в дверях, ведущих в левый флигель, показалось сколько-то слепцов. Известно, что у страха глаза велики, а уж в данных обстоятельствах да при таком освещении и антураже у

двух смельчаков, решившихся на вылазку, они просто на лоб полезли, когда почудилось, будто это восстали из мертвых убитые слепцы, которые нимало не прозрели, зато, без сомнения, сделались гораздо более опасны, ибо их, старинным слогом говоря, воспламеняла жажда мести. Смельчаки благоразумно и бесшумно отступили в глубь вестибюля, надеясь, что слепцы, быть может, как требуют того милосердие и обычай, займутся убитыми, а уж если нет, то по слепоте своей оставят незамеченной какую-нибудь коробку, хоть одну, пусть самую маленькую, тем паче что пациентов в обсервационном флигеле не так уж много, и вообще наилучшим выходом из положения было бы попросить: Пожалейте нас, пожалуйста, явите божескую милость, оставьте нам одну коробочку, вроде бы так получается, что после таких дел еды мы сегодня не получим. Слепые, как слепцам и положено, двигались ощупью, волоча ноги и все-таки спотыкаясь, однако с задачей своей справились на удивление успешно и проявили поразительную опять же организованность, применив принцип разделения труда, и покуда одни, оскальзываясь в липком месиве из крови и молока, подбирали и выносили трупы, другие занялись коробками, которые побросали солдаты, и одну за другой отыскивали все восемь. Была среди слепцов одна женщина, поспевавшая, как казалось, везде и всюду, то есть и мертвых помогала выносить, как бы указывая своим сотоварищам путь, что заведомо невозможно для слепой, и, уж не знаем, случайно ли или намеренно, не раз поворачивала голову в сторону жильцов обсервационного флигеля, словно видела их или, по крайней мере, ощущала их присутствие. Очень скоро вестибюль стал пуст, и о недавних событиях напоминало только большое кровавое пятно и впритык к нему – другое, поменьше, оставшееся от пролитого молока, да бесчисленные пересекающиеся отпечатки подошв, опять же кровавые и просто влажные. Зрячие смиренно прикрыли дверь и пошли на поиски хоть каких-нибудь крох, а о том, сколь сильно пали они духом и близки были к отчаянью, судить можно по словам, совсем уж было готовым сорваться с уст одного из них: Раз все равно нам суждено ослепнуть и от судьбы не уйдешь, не перейти ли прямо сейчас в тот флигель, по крайней мере хоть поесть дадут. Может быть, солдаты принесут что-нибудь и на нашу долю, сказал кто-то. Ты сам-то служил, спросил другой. Нет. Оно и видно.

В числе погибших были слепцы из обеих палат, и бывшие их соседи стали держать совет, как поступить – сначала поест, а потом заняться погребением, или наоборот. Никого, похоже, не интересовало, кто именно погиб. Пятеро из девяти убитых были обитателями второй палаты, и осталось неизвестно, знали они друг друга раньше или нет, и если нет, хватило ли им времени и душевной раскованности познакомиться, поговорить по душам. Жена доктора их не запомнила. Другое дело – те четверо, что спали с ней, можно сказать, бок о бок, хоть про одного из них она также никакими сведениями не располагала, да и не могла располагать, потому что уважающий себя мужчина не станет с первым встречным делиться, например, интимными подробностями того, как именно в номере отеля развлекался он с девушкой в темных очках, которая в свою очередь, если, конечно, это она самая и есть, даже не подозревала, что здесь же, и вдобавок так близко, находится тот, кто заставил мир вокруг нее вспыхнуть ослепительной белизной. В числе убитых были также таксист и оба полицейских, и вот эти трое, все крепкие, здоровые мужики, способные и за себя постоять, и, в силу профессиональных обязанностей, позаботиться, пусть каждый и на свой манер, о других, оказались скошены во цвете лет серпом безжалостной судьбины и ждут теперь решения своей участи. А ждать им придется, пока покушают уцелевшие от пуль, и дело тут не в неизбывном эгоизме живых, нет, просто кто-то сообразил, что если копать единственной лопатой девять могил, то дай бог управиться до ужина. А поскольку нельзя допустить, чтобы одни, движимые добрыми чувствами, рыли землю, пока другие брюхо себе набивают, то и было решено оставить покойников на потом. Провиант теперь доставляют уже разделенным на порции, и распределять легко, тебе, тебе, тебе, пока не опустеет картонный короб. Но то, что в обычных обстоятельствах облегчило бы жизнь, теперь сводится на нет мнительной жадностью кое-кого из наименее просвещенных слепцов, хотя, рассуждая здраво и непредвзято, придется согласиться, что имеющие место недоразумения или, иначе говоря, эксцессы отнюдь не безосновательны, если принять в расчет, что никогда не знаешь, уходя, хватит ли тебе еды по возвращении. И конечно, всякому ясно, что очень трудно пересчитать слепцов и каждому раздать его порцию, когда не видишь ни едоков, ни еды. Следует добавить еще, что обитатели второй палаты совершают

более чем непорядочные и предосудительные поступки, а именно – пытаются представить себя в большем количестве, чем на самом деле. Положение, как всегда, спасает жена доктора, для того, в общем-то, она здесь и находится. Несколько вовремя сказанных слов способны устранить трудности, которые пространными увещеваниями можно только еще больше осложнить. Дурные наклонности и дурной нрав обнаруживали также и те, кто не только пытался получить свою порцию дважды, но и преуспел в этом намерении. Жена доктора заметила обман, но сочла, что лучше не предавать вскрывшиеся злоупотребления огласке, потому что боялась даже представить, что только будет в случае разоблачения: в лучшем случае ее превратят во всеобщую служанку, в худшем – сделают рабыней немногих избранных. Высказанная еще в самом начале рекомендация выбрать в каждой палате старосту, глядишь, и помогла бы сгладить эти шероховатости, а то и устранить куда более серьезные трения, но при обязательном соблюдении одного условия, заключающегося в том, чтобы власть, которой был бы облечен этот человек, власть, без сомнения, непрочная, без сомнения, шаткая, без сомнения, ежеминутно оспариваемая, применялась бы ко всеобщему благу и в качестве таковой признавалась бы большинством. А иначе, подумала жена доктора, мы в конце концов друг друга просто перебьем. Она пообещала себе непременно обсудить эту щепетильную тему с мужем и продолжала раздавать пайки.

Одних после еды разморило, у других оказался чересчур чувствительный желудок, но, так или иначе, никого не прельщало исполнять должность землекопа. И когда доктор, просто в силу профессии относящийся ко всему на свете ответственной других, сказал: Ну, пошли, что ли, хоронить, призыв его никем поддержан не был. Слепцы, разлегшись по койкам, хотели без помех предаваться процессу пищеварения, кое-кто из них сразу же задремал, что и неудивительно, ибо после пережитых страхов и треволнений накормленная, пусть и весьма скудно, плоть склонна к биохимической неге. Лишь позже, незадолго до наступления сумерек, когда стало казаться, что из-за естественной убыли дня тусклые лампы разгорелись ярче, освещая по природной слабости своей то немногое, что могли осветить, доктору с женой удалось уговорить двоих соседей по палате отправиться на задний двор, дабы выполнить свою долю

предстоящей работы и разобрать уже окоченевшие тела по принадлежности, благо было решено, что каждая палата хоронит своих. Неоспоримое преимущество слепцов как могильщиков заключалось в том, что можно было бы назвать иллюзией света. Им и в самом деле совершенно безразлично, день на дворе или ночь, безмолвная ли заря или шумный полдень, уже смеркается или еще не рассвело, потому что их постоянно окружает матово-белое свечение, подобное тому, что производит бьющее из-за облаков солнце. И для них потерять зрение – значит не погрузиться в обыденную тьму, но пребывать во славе. Когда же доктор опрометчиво упомянул о том, что они будут отбирать своих, первый слепец, оказавшийся одним из тех двоих, кто согласился помочь, попросил объяснить ему, как именно узнают они своих, и логика этого вопроса, тем более разящая, что прозвучал он из уст слепого, привела доктора в замешательство. А жена подумала, что выручать его не станет, иначе выдаст себя. Доктор сумел выпутаться из трудного положения сам, причем не без грации применил радикальный метод наступления, то есть признал свою ошибку: Мы, молвил он тоном, подразумевающим усмешку по адресу себя самого, настолько привыкли к своим глазам, что и поныне считаем, будто можем ими пользоваться, хоть они уже ни на что не годны, а мы всего лишь знаем, что наших там лежит четверо – таксист, оба полицейских и еще один, так что надо будет взять четыре первых попавшихся тела, предать их земле и тем исполнить наш долг. Первый слепец согласился, и второй тоже, и снова, чередуясь, принялись они копать могилы. Так никогда и не суждено было им по слепоте своей узнать, что все четверо погребенных относились именно к числу тех, о возможности идентификации коих недавно высказывались сомнения, и совершенно лишним будет упоминать, как, будто случайно и наугад, дотрагивался доктор рукою, ведомой рукою жены, до руки или ноги мертвеца, после чего оставалось сказать лишь: Этот. Когда двоих уже закопали, вышли из палаты еще трое пациентов, решившие оказать содействие, но наверняка отказавшиеся бы от своего намерения, скажи им кто-нибудь, что уже поздний вечер. Ибо с точки зрения психологии и слепому совсем даже не все равно, при свете дня роет он могилу или после захода солнца. В тот момент, когда новоявленные могильщики, взмокшие от пота, перепачканные землей, все еще ощущая будто застрявший в ноздрях сладковатый смрад первого тлена, вернулись в

палату, громкоговоритель начал повторять всем известные инструкции. Не было упоминаний о произошедшем, о стрельбе и о застреленных в упор. Предупреждения вроде: Покидать здание без предварительного разрешения запрещается под страхом смерти, или: Труп силами самих изолированных должен быть без соблюдения каких бы то ни было формальностей захоронен у ограды, благодаря обретенному за минувший день жестокому опыту, который в школе жизни ведет все основные предметы, зазвучали с непреложной внятностью, тогда как обещание доставлять трижды в день коробки с продовольствием воспринималось издевательским сарказмом или вовсе уж неуместной иронией. Когда громкоговоритель замолчал, доктор в одиночку, потому что уже довольно прилично ориентировался вокруг, отправился к дверям соседней палаты и объявил: наших мы уже схоронили. Могли бы и наших тоже, небось не надорвались бы, ответил мужской голос. Договаривались же, что каждая палата хоронит своих, мы отсчитали четыре тела и предали их земле. Ладно, сказал другой голос, завтра зароем, и совсем другим тоном: А чего, жратвы-то больше не привозили. Нет, ответил доктор. А грозилась три раза в день кормить. Думаю, не все свои угрозы они приводят в исполнение. Тогда надо будет урезать пайки, раздался женский голос. Это правильно, если хотите, завтра обсудим. Хочу, сказала женщина. Доктор уже был в коридоре, когда мужчина, первым подавший голос, осведомился: Ты откуда такая выискалась, чтоб за нас решать. Доктор остановился в ожидании ответа, и дал его женский голос: Если мы не организуемся как следует, то будем страдать от голода и от страха, и очень стыдно, что мы не пошли с ними хоронить убитых. Вот и пошла бы, чем морали читать, раз такая совестливая и все наперед знаешь. Одна я не справлюсь, но готова помогать. Ладно, чего там спорить, опять вмешался второй мужчина, завтра утром займемся. Доктор вздохнул, предвидя, что ладить с новыми соседями будет трудно. Он уже шел к дверям своей палаты, когда вдруг ощутил настоятельные позывы. Он сомневался, что отсюда, с того места, где находится, сумеет отыскать отхожее, однако ничего иного не оставалось. Хоть бы кто-нибудь, по крайней мере, догадался повесить там рулон туалетной бумаги, доставленной вместе с продуктами. Он дважды сворачивал не туда, возвращался, подгоняемый все более и более обострявшейся нуждой, и, уже совсем на пределе терпения вскочив наконец в искомую дверь,

успел едва ли не в самую последнюю секунды спустить брюки и присесть на корточки над проделанным в полу круглым отверстием, иначе именуемым очком. И едва не задохнулся от зловония. Показалось, а потом и подтвердилось, что он вступил во что-то мягкое, податливо-липкое, причем можно было с уверенностью сказать, что это что-то есть экскременты, оставленные тем, кто, вероятно, промахнулся мимо отверстия или, не утруждая себя поисками оного, махнул рукой на условности и приличия, навалил кучу где пришлось. Доктор попытался представить себе, где находится, но для него все оставалось ослепительно, сияюще белым, белым от пола до невидимого ему потолка, и тут обнаружилось, что сияние это и белизна еще и наделены очень скверным запахом. Мы здесь все рехнемся от ужаса, подумал он. Потом, когда возникла необходимость подтереться, выяснилось, что сделать это нечем. Он оцупал позади себя стену, где должен был находиться держатель для рулона или по крайней мере гвоздь, на который за неимением лучшего накалывают обрывки газеты. Ничего. Он почувствовал себя до того несчастным и был себе так омерзителен и жалок – раскоряченный над сортирной дырой, поддерживающий спущенные штаны, чтобы не касались загаженного пола, слепой, слепой, слепой, – что, не сумев сдержаться, беззвучно заплакал. Ощупью сделал несколько шагов, наткнулся на стену. Протянул руку, потом вторую и наконец нашел дверь. Услышал шаркающие, спотыкающиеся шаги, кто-то, наверно, тоже искал сортир, и: Где же он, черт бы его, пробормотанное до того бесстрастно, словно в глубине души спрашивавшему было это решительно безразлично. Он прошел в полуметре от доктора, не почувствовав присутствия еще одного человека, но это не имело значения, ситуация не успела стать непристойной, хоть и несомненно могла бы, еще бы, мужчина в столь жалком виде, если бы в последний момент доктор в порыве стыдливости не подтянул штаны. Потом, сочтя, что остался один, снова спустил, не ко времени и не к месту оказалась эта его стыдливость, он знал, что грязен, грязен, в жизни еще не бывал так грязен. Существует много способов превратиться в животное, подумал он, это всего лишь первый. Впрочем, особенно плакаться не стоит – у него хоть есть кому подмыть его, не придавая этому никакого значения.

Улегшись на койки, слепцы ожидали, когда сон сжалится над их скорбями. Жена доктора еще некоторое время назад незаметно для других, хотя жалкое зрелище было недоступно их незрячим взорам, помогла мужу привести себя в относительный порядок. Теперь в палате стояла та особенная больничная тишина, какая бывает только там, где люди спят и страдают во сне. Бессонно и зряче оглядывала жена доктора ряды коек, бесформенные очертания фигур под одеялами, бледное лицо, шевельнувшуюся во сне руку. И спрашивала себя, неужели и она когда-нибудь ослепнет и по каким непостижимым причинам не случилось этого до сих пор. Устало поднесла руки к лицу, чтобы отбросить назад волосы, и подумала: Скоро от всех нас будет скверно пахнуть. В этот миг стали слышаться вздохи, постаныванья, приглушенные поначалу вскрики, какой-то невнятный лепет и бормотанье, которые казались, да, наверно, и были словами, только смысл их терялся в бурном крещендо, обращавшем их в крик, в рев, в хрип, подобный предсмертному. Вот ведь свиньи, негодуяще сказал кто-то из глубины палаты. Но это были не свиньи, а всего лишь люди: слепой мужчина и слепая женщина, которые, кроме этих двух обстоятельств, вероятней всего, никогда ничего друг о друге не узнают.

Известное дело, недоешь, так и недоспишь. Иные из слепцов открыли глаза, когда до утра было еще далеко, и в данном случае даже не голод был виноват, а просто из-за сбившихся биоритмов, или как там их еще принято называть, они вообразили, что за окном уже белый день, вот и подумали: Хватит спать, и тут же осознали свою ошибку, услышав, как, не допуская двоякого толкования, сонно дышат их соседи по койкам. Да ну, это из книжек, а вот и нет, скорей уж из опыта прожитой жизни известно, что тот, кто просыпается на заре по своей воле или же по необходимости должен вставать спозаранку, плохо переносит, если другие в его присутствии продолжают, что называется, дрыхнуть без задних ног, и вдвойне справедливо это наше наблюдение в данном конкретном случае, ибо огромна разница между слепым, который спит, и слепым, которому совершенно незачем держать глаза открытыми. Все эти психологические рассуждения, несуразно изысканные рядом с чудовищным масштабом бедствия, которое тщимся мы и силимся представить в нашем повествовании, имеют целью всего лишь объяснить, почему так рано и все разом проснулись

слепцы: и если одних, как было сказано в самом начале, пробудили требования желудка, то других вырвало из объятий сна нервное нетерпение ранних пташек, не посчитавших нужным вести себя тише, чем это неизбежно и терпимо среди обитателей казармы или больницы. Ведь здесь оказались не только приличные, воспитанные люди, имеются и вполне неотесанные мужланы, которые, не глядя, есть ли кто рядом, отхаркиванием и пусканием ветров освобождаются поутру от ночных тягостей, хоть, справедливости ради, заметим, что схожим образом поступают они и во все остальное время суток, отчего дух в помещении стоит тяжелый, впору топор вешать, и ничего с этим не поделаешь, проветрить можно, разве что дверь открыв, потому что окна, как уж было сказано, высоко, не дотянешься.

Лежа рядом с мужем, прикинув к нему тесней некуда, что объясняется не только тем, что койка узка, но и простой тягой друг к другу, так что один бог знает, какого труда стоило им ночью сохранить приличия, не уподобиться тем, кого обозвали свиньями, жена доктора взглянула на часы. Два двадцать три. Сфокусировала взгляд и увидела, что секундная стрелка не движется. Забыла завести часы, будь они прокляты, они или она, то есть я, даже такую малость не смогла выполнить всего-то через три дня после того, как оказалась взаперти. Не в силах сдержаться, вдруг разрыдалась так, словно только чтостряслась горчайшая из бед. Доктор, подумав, что жена ослепла и случилось то, чего он так боялся, чуть было не спросил вслух: Не видишь, и лишь в самый последний момент услышал, как она прошептала ему на ухо: Нет-нет, это не то, а потом, с головою укрывшись и мужа укрыв одеялом, произнесла медленно и едва слышно: Я такая дура, забыла завести часы, и вновь заплакала горько и безутешно. Девушка в темных очках поднялась со своей койки, стоявшей напротив, через проход, вытянув руки, двинулась на звук рыданий. Что случилось, что с вами, повторяла она на ходу, пока не наткнулась обеими руками на два прильнувших друг к другу тела. Скромность потребовала немедленно отдернуть руки, и мозг, без сомнения, отдал этот приказ, однако руки не послушались, разве что прикосновения их стали нежнее, легче, мимолетней, и самые-самые кончики пальцев водят теперь по колючему, сыровато-теплому одеялу. Может, я могу чем-нибудь, спросила девушка, и вот теперь только руки отстранились, поднялись, сгнули в бесплодной белизне. Жена

доктора, все еще плача, поднялась с кровати, обняла девушку: Ничего, это я так, вдруг грустно стало. Если уж вы, такая сильная, пали духом, то, значит, и вправду нет нам спасения, жалобно сказала та. Успокойся, подумала жена доктора, разглядывая ее лицо, конъюнктивит прошел бесследно, как жаль, что нельзя сказать тебе об этом, ты бы обрадовалась. Да уж наверно обрадовалась, хоть это и глупо, и не потому глупо, что слепая, а потому, что все вокруг такие же, и зачем нужны здоровые, красивые глаза, если некому в них смотреть. Жена доктора сказала: У каждого случаются минуты слабости, хорошо еще, что мы способны лить слезы, порой это просто спасение, иногда, если не поплачешь, умереть можно. Нет нам спасения, повторила девушка в темных очках. Эта болезнь ни на что не похожа, может быть, как возникла, так и исчезнет. Мертвых не вернешь. Все мы когда-нибудь умрем. Но я-то убила человека. Не вините себя, обстоятельства так сложились, все мы здесь и виновны, и не виноваты, солдаты, которые нас сторожат, натворили куда больших бед, но ведь и они могут найти себе оправдание, самое сильное из всех, какие есть на свете, сказать, что ими двигал страх. И из-за чего только я взбеленилась тогда, подумаешь, облапил меня этот несчастный, ну и пусть, велика важность, неужели убудет от меня, а он зато был бы жив. Не думайте больше об этом, прилягте, постарайтесь заснуть. Она довела ее до кровати. Вот, ложитесь. Вы такая добрая, сказала девушка в темных очках и потом, понизив голос, добавила: Не знаю, как быть, кажется, месячные начинаются, а тампонов нет. Я дам, у меня есть. Девушка в темных очках ищуще растопырила пальцы, потянулась к ней, и жена доктора, перехватив, сжала ее руки в своих. Успокойся, успокойся. Девушка закрыла глаза, полежала так около минуты и, наверно, заснула бы, не случись тут ссоры, внезапно вспыхнувшей из-за того, что один из слепцов отправился в уборную, а когда вернулся, обнаружил, что кровать его занял другой, но, надо признать, безо всякого злого умысла, просто встал по такой же надобности, и в проходе они даже столкнулись, и, разумеется, никто из них не сказал: Смотри, не ошибись коечкой, когда вернешься. Жена доктора, поднявшись, смотрела, как спорят эти двое, и замечала, что они не жестикулируют да и вообще почти неподвижны, и как же быстро они поняли, что прок и толк есть теперь только от речи и слуха, да, конечно, вполне могло бы и до рук, как говорится, и дойти, благо у

обоих они на месте, так что есть чем садануть, врезать, треснуть, но ошибкой занятая койка того не стоила, дай нам бог больших бед не знать, и вот они уже пришли к согласию: Значит, моя вторая, твоя третья, так тому отныне и быть, уразумел. Этого бы не случилось, не будь мы с тобой слепы. Твоя правда, очень плохо быть слепым. Жена доктора сказала мужу: Здесь, внутри, – весь мир.

Не весь. Еда, к примеру, поступает извне, да еще и с опозданием. По нескольку человек из каждой палаты отправляются в вестибюль, занимают там позицию, ждут. Переминаются в нетерпении с ноги на ногу. Знают, что, когда громкоговоритель прокрякает, надо будет спуститься во двор и забрать коробки, которые солдаты во исполнение обещанного оставят на полдороге от ворот до крыльца, знают, но опасаются какого-нибудь пакостного трюка, засады, ловушки. Откуда известно, что они не перестреляют нас. После того, что уже натворили, с них станется. Им доверять нельзя. Не пойду я никуда. И я тоже. Но кто-то же должен идти, есть-пить надо. А может, лучше уж сразу помереть от пули, чемдохнуть с голоду. Я пойду. И я. Всем вместе нельзя, не надо. Солдатам это может не понравиться. А то еще испугаются, подумают, что мы собрались бежать, из-за этого-то вроде бы и застрелили того, с больной ногой. Ну так надо решать. Осторожность никогда не помешает, вспомните-ка, что вчера было, девять трупов, ни больше ни меньше. Солдаты нас боятся. А я их боюсь. А вот хотелось бы знать, они тоже должны ослепнуть. Кто они. Ну, солдаты. По моему разумению, самыми первыми. Все согласились с этим и даже не спросили почему, не нашлось среди них такого, кто указал бы причину: Потому что тогда они не смогут стрелять. Время шло да шло, а громкоговоритель молчал. Ну что, вы-то своих похоронили, так, для разговора, спросил слепец из первой палаты. Нет пока. Они уж смердеть начинают, заразят тут все кругом. По мне так пусть смердят, пусть заражают, пальцем о палец не ударю, покуда поесть не дадут, недаром же сказал один мудрец, что кашку слопал – миску об пол, именно в таком порядке. Не знаю, кто это сказал, да только неверно это, едят и пьют на поминках, а их прежде похорон не устраивают. Значит, у меня вот как раз наоборот. По прошествии еще нескольких минут сказал один из слепцов: Я тут вот о чем подумал. Ну. Как мы будем делить еду. Да как и раньше, мы знаем, сколько нас, подсчитаем порции, каждый получает свою, самый простой и честный

способ. Да вот не работает он, твой способ, одним ни крошки не достается. А другие жрут за двоих. Значит, неправильно поделили. Так всегда будет, пока не научимся порядок уважать и соблюдать. Эх, нам бы сюда такого, кто хоть чуточку бы видел. Сейчас сбегаю, приведу тебе иностраночку какую-нибудь, она так раздаст, что все тебе достанется. Недаром опять же сказал мудрец, что в стране слепых одноглазый – король. Даром, недаром, надоел ты мне с этим своим мудрецом. Это уже другой. Нет, тут бы и одноглазый не потянул. Насколько я понимаю, наилучшим решением было бы выделить продовольствие в равной пропорции всем палатам, с тем чтобы потом каждая из них распределяла полученное между своими пациентами. Это кто сказал. Я. Кто я. Ну, я, я. Я, я, трели соловья, тебя спрашивают, из какой ты палаты. Из второй. Оно и видно, здорово придумал, у вас там народу меньше, значит, еды на каждого выйдет больше, чем у нас, а у нас все койки заняты. Недаром же сказал мудрец, что кто делит, не оставляя лучшей доли себе, либо дурак, либо делить не умеет. Ох, мать, допек уже мудрецами, просили же тебя по-хорошему, заткнись, не доводи. А я так смекаю, надо бы всю жратву снести в столовую, каждая палата выделяет троих, они и будут считать-делить, и друг за другом следить, чтобы никто не мухлевал. А как узнать, правда ли это, когда скажут, что нас, мол, в этой палате столько-то. А мы честных подберем. А на это мудрец опять же сказал. Нет уж, позволь, я скажу: Многоуважаемый, не знаю, сколько здесь честных, но все хотят жрать.

И в ту же минуту, словно дождавшись, когда прозвучит наконец кодовое слово, ударная, под занавес, реплика и прочий сезам, откройся, раздался наконец голос в громкоговорителе: Внимание, внимание, проходящим карантин разрешается выйти и забрать доставленное продовольствие, в случае приближения к воротам будет дано устное предупреждение, в случае неповиновения – открыт огонь. Слепцы медленно двинулись в путь, причем наиболее самонадеянные избрали тот, который, по их расчетам, должен был прямым путем привести к выходу, а другие, не столь уверенные в своих новообретенных способностях ориентироваться, пошли вдоль стеночки, что уменьшало риск забрести не туда, ибо стоит лишь дойти до угла, а потом свернуть под прямым углом, и вот она, дверь. Громкоговоритель повторил призыв требовательно и нетерпеливо. И эта настойчивость, показавшаяся бы странноватой даже тем, кому нечего было опасаться,

испугала слепых. Один заявил: Не пойду никуда, выманят наружу да и кокнут всех. И я не пойду, подхватил другой. И я, поддержал третий. И они замерли в нерешительности, и страх передался всем. Снова загремел голос: Если через три минуты не выйдете, унесем коробки. Угроза не то чтобы одолела страх, но оттеснила его в какие-то дальние логовища сознания, где он притаился загнанным зверем, чтобы улучшить момент и напасть. Слепцы боязливо, стараясь спрятаться друг за друга, вышли на площадку. Они не могли видеть, что коробки стоят вовсе не там, где они рассчитывали их найти, то есть у нижней ступени крыльца, и не могли знать, что солдаты, боясь заразиться, отказались донести их даже до того места, где начиналась веревка, а сложили примерно там, где жена доктора вчера подобрала лопату. Шевелись, шевелись, прикрикнул сержант. Слепцы, неуклюже тычась друг в друга, попытались было выстроиться цепочкой, чтобы двигаться не вразброд, но сержант не дал: Там коробок нет, отпустили веревку, отпустили, я сказал, и пошли правей, да не туда, направо же, от вас направо, олухи, неужто без глаз не знаете, где у вас правая рука, где левая. Приказ прозвучал своевременно, ибо те из слепцов, кто отличался наиболее косным умом, поняли слова сержанта буквально, раз направо, то, значит, направо от говорящего, и потому могли, отойдя от веревки, удалиться в поисках коробок бог знает куда. Уморительное зрелище являли они собой, и в иных обстоятельствах самый неулыбчивый наблюдатель обхохотался бы до колик, животики, как говорится, надорвал при виде того, как одни слепцы ползают на карачках, почти бороздя носом землю и напоминая опять же свиней, причем каждый выставленной вперед рукой водит по воздуху, а другие, опасаясь, должно быть, затеряться в открытом, не ограниченном потолком пространстве, отчаянно, мертвой хваткой цепляются за веревку, наостряют уши, ожидая, когда первое восклицание возвестит, что коробки обнаружены. Но солдатам хотелось лишь прицелиться и перебить хладнокровно и методично это сборище убогих уродов, что колченогими крабами, припадая на оторванную переднюю клешню, ковыляли мимо. Они слышали, как сегодня на построении командир полка уверял, что вопрос решить можно только физической ликвидацией их всех, всех до единого и без исключения, и тех, кто уже, и тех, кто еще не, и действовать следует, отринув ложно понятую гуманность, но уподобясь хирургу,

отсекающему пораженную гангреной часть тела ради выживания целого: Бешенство дохлой собаки, привел он доходчивый пример, исцелено самой природой. Кое-кто из солдат, менее других восприимчивых к красотам образной речи, не сразу уловил связь между бешеной собакой и слепыми, однако у командира полка, если выразаться в его же стиле, каждое слово на вес, ну, не золота, так свинца, ибо никто не взберется так высоко по лестнице чинов, не доказав, что все и всегда правильно думал, говорил и делал. Передний слепец наткнулся наконец на коробки, обхватил их и закричал: Здесь они, здесь, и если когда-нибудь суждено этому человеку вновь обрести зрение, то и об этой ошеломительной новости не сумеет он возвестить с большим ликованием. В считанные мгновения вокруг ящиков сгрудились тела, началась свалка, форменная куча мала, перепутались руки и ноги, так что непонятно было, где чьи, и вышел спор о приоритетах: Я понесу. Нет, я. Предпочетших путь вдоль веревки обуял теперь страх иного рода, они боялись, что будут в воздаяние своей лености или трусости исключены из процесса дележа: Ах, не хотели на карачках, задницей кверху ползать, побоялись пулю схлопотать, так вот и поголодайте теперь, и вспомним, как сказал мудрец, что жизнь без риска – баланды миска. Побуждаемый этим решающим соображением, один из них выпустил веревку и, водя руками по воздуху, направился туда, где происходила вся эта кутерьма: Я в сторонке стоять не буду, но голоса вдруг стихли, сменились лишь придушенными нечленораздельными восклицаниями, бесформенным смешением звуков, доносившихся отовсюду и ниоткуда. Слепой в нерешительности остановился, хотел было вернуться к надежной веревке, но совсем потерял способность ориентироваться, ибо на белом небосводе звезд не различить, и слышал теперь только сержанта, приказывавшего оттащить коробки к ступеням крыльца, но слова эти имели смысл только для тех, кто дополз до них, а ему, чтобы добраться куда нужно, нужно сперва понять, где он. А слепых, цеплявшихся за веревку, уже не было, им обратный путь оказался легок, и теперь они на крыльце поджидали возвращения остальных. Отцепившийся же не решался сдвинуться с места. В тоске он завопил протяжно: Помогите, того не зная, что солдаты взяли его на прицел и ждут, когда он пересечет невидимую черту, за которой жизнь переходит в смерть. Ну что, пень-слепень, застрял, здесь решил

обосноваться, спросил сержант, несколько, впрочем, нервозно, ибо он не разделял мнения своего командира: Кто поручится, что завтра эта беда не постучит ко мне в дверь, что же касается солдат, то им, дело известное, скажут убить – убьют, скажут умереть – умрут. Без команды не стрелять, крикнул сержант. Тут слепец понял, какой опасности подвергается. Рухнул на колени, взмолился: Да помогите же, ради бога, скажите, в какую сторону идти. Сюда, слепыш, сюда, и попадешь куда надо, с фальшивым дружелюбием отозвался один из солдат, и слепец поднялся, сделал три шага, но вновь застыл, потому что интонация отчего-то насторожила его, и понял, что, если откликнется на зов, не он попадет, а в него, пуля попадет и заменит ему одну слепоту на другую. Но самоуправное решение солдата, известного своим злобным нравом, сержант не замедлил отменить зычным: Стой, кругом, и вслед за этим энергично призвал к порядку строптивца, принадлежавшего, по всему судя, к той категории людей, которым оружие в руки давать нельзя ни в коем случае. Воодушевленные благодетельным вмешательством сержанта слепцы, к этому времени уже достигшие нижних ступеней, не только сами поднялись на крыльцо, но и на нем подняли оглушительный гомон, который и послужил чем-то вроде магнитного полюса для потерявшего правый путь. Уверовав в себя, он двинулся по прямой. Давайте, давайте, повторял он, пока слепцы рукоплескали ему как бегуну, в упорной борьбе выигравшему изнурительный марафон, и принимали его в свои объятия. А как же иначе, ведь именно что в беде, как истинной, так и измышленной, познаются друзья.

Братание, впрочем, было недолгим. Воспользовавшись суматохой, иные из слепцов ускользнули, прихватив сколько-то, а вернее, сколько смогли унести, коробок, что явно не вяжется с недавно высказанным и очень благим намерением стать стеной на пути несправедливого распределения продуктов. Их порядочные сотоварищи, которых, кстати, неизменно оказывается больше, нежели принято считать, возвысили возмущенные голоса в том смысле, что так жить нельзя: Если уж друг другу мы не можем доверять, то куда ж это мы катимся и где остановимся, риторически вопрошали одни, тогда как совершенно справедливо: Ох, попросят они, ох, допрыгаются, с негодованием уверяли другие, и не то чтобы те в самом деле просили или прыгали, всем понятно, что значит это выражение, чью вульгарность может

извинить лишь исключительная его уместность. Уже собравшись в вестибюле, слепцы пришли к соглашению, ибо это был наилучший способ выйти из создавшейся ситуации, о том, что оставшиеся коробки следует разделить поровну между обеими палатами, причем, кому какая достанется, решать будет жребий, а также и о том, чтобы создать комиссию, опять же смешанно-двухпалатную, призванную расследовать хищение, а проще говоря, кражу части коробок и принять энергичные меры по их розыску и возвращению. Какое-то время ушло на дебаты по ставшему уже привычным вопросу очередности действий, а именно: следует ли сперва поесть, а расследовать – потом, или же наоборот, и возобладало мнение, что начать надо с того, чтобы именно сначала заморить червячка, осатаневшего от многочасового вынужденного поста, а уж потом приниматься за все остальное. Да не забудьте, что вам еще надо похоронить соседей, напомнил кто-то из первой палаты. Мы их еще не убили, а ты уж хочешь, чтоб похоронили, ответил какой-то остроумец из второй, и все засмеялись. Вскоре, впрочем, стало не до смеха, ибо выяснилось, что похитителей в палатах нет. У обеих дверей в ожидании кормежки давно уже стояли слепцы, которые якобы слышали, как по коридору торопливо прошло несколько, по шагам судя, человек, но в палаты никто не заходил и уж подавно продукты не приносил, в этом они могут поклясться. Кого-то осенило, что самый верный способ опознать негодяев – это каждому занять свою койку, а какие окажутся пустыми, те и принадлежат, ясное дело, вору, после чего останется только дожидаться, когда они, обливаясь, вернутся из своего укрышка, и тогда уж наброситься на них и воздать по заслугам, чтобы впредь неповадно было покушаться на священный принцип общественной собственности. Принять к исполнению этот план, удачно придуманный и проникнутый истинно правовым духом, мешал один его существенный недостаток, в том состоящий, что для реализации его пришлось бы отложить, да еще неизвестно, как надолго, возделенный и уже простывший к этому времени завтрак. Надо сначала покушать, предложил кто-то, и большинство согласилось, сказав, что да, лучше будет сначала покушать. К великому сожалению, кушать-то после подлого хищения было почти что и нечего. И подумать только, что, пока сейчас, затаюсь где-то в глухих и ветшающих закоулках больницы, кучка бессовестных негодяев сидит и жрет по две, по три порции завтрака, ставшего,

кстати, гораздо вкуснее и разнообразней и состоящего теперь из простывшего кофе с молоком, тоже, разумеется, холодным, галет и хлеба с маргарином, честным, достойным людям ничего не остается, да нет, вы не дослушали, кое-что все же есть, ничего, мы хотим сказать, не остается, как довольствоваться малым, совсем то есть малым, ибо в тарелки положено раза в два-три меньше, чем положено. Снаружи послышался и услышан был насельниками правого флигеля, меланхолично занятыми жалкой своей трапезой, глас громкоговорителя, призвавший обитателей левого явиться за получением причитающейся им еды. И тут, безусловно, под воздействием нездоровой атмосферы, установившейся после совершения мерзкой кражи, одного из слепцов, что называется, осенило: А давайте их подкараулим в вестибюле, они перепугаются, увидав нас, глядишь, и уронят коробку-другую, однако доктор сказал, что это нельзя, нехорошо, несправедливо наказывать тех, кто ни в чем не виноват. По окончании еды жена доктора с помощью девушки в темных очках вынесла в сад картонные коробки, пустые емкости из-под молока и кофе, бумажные тарелки, стаканы – короче, все, что нельзя было употребить в пищу. Надо сжечь мусор, сказала она, мух развелось просто гибель.

Рассевшись каждый на свою койку, слепые принялись ждать, когда вернуться заблудшие овцы. Козлы они и больше ничего, произнес грубым голосом некто, не догадывавшийся, что отвечает на пасторальную реминисценцию того, кто не виноват, что не умеет излагать свои мысли иначе. Злоумышленники меж тем не возвращались, не без оснований предполагая, ибо наверняка нашелся среди них такой, кто остротой ума не уступал слепцу, высказавшему идею о необходимости физического воздействия, что ждет их кара. Минуты шли, и вот один за другим слепые стали укладываться, а иные уже и заснули. Что же это такое, господа, всех занятий у вас – пожрать да поспать. А вообще-то говоря, это совсем не так уж плохо. С тех пор, как еды, без которой долго не протянешь, а если и протянешь, то ноги, стало вдоволь, чем тут вам не отель. Да уж, страшно представить, какая крестная мука ожидала бы слепца там, за оградой в городе, суцкая голгофа. Бродит, то и дело падая по улицам, все от него бегут, семейство в ужасе, боится приблизиться, материнская любовь, сыновняя ли – все чушь собачья, бредни и вымыслы, в лучшем случае

поступили бы родственнички так же, как власти, посадили бы под замок да ставили бы в виде особой милости миску к дверям. Оценив ситуацию хладнокровно и трезво, отбросив предубеждение и обиды, неизменно застилающие умственный взор, признаем поневоле, что власти зрели в корень, когда принимали решение собрать слепых со слепыми, чтоб каждый был с подобным себе, ибо таков непреложный закон добрососедства, ну вот как прокаженных собирают всех вместе, в одном то есть месте, и прав, прав доктор, самую суть ухватил он, сказав, что нам надо организовать, ведь и в самом деле все дело – в организации, сперва, конечно, еда, а потом – организация, без того и без другого жизнь невысказана, надо выбрать скольких-то людей порядочных и умеющих наводить порядок, и вот пусть они руководят, выработаем, придя к консенсусу, простые, простейшие правила общежития, вроде того, кто когда будет подметать, прибираться, мыть и стирать, нам ведь, грех жаловаться, даже мыло выдают и всякие там очищающие средства, постели надо стелить, в смысле койки заправлять, ведь самое главное – не опуститься, не потерять самоуважения, избегать столкновений с военными, памятуя, что они, охраняя нас, исполняют свой долг, убитых и так предостаточно, больше нам не надо, еще бы следовало узнать, кто помнит какие-нибудь занятные истории, чтоб рассказывать по вечерам, истории, всякие забавные случаи, анекдоты, не важно, представьте, какая была бы удача, если бы кто-нибудь из нас знал Библию наизусть, мы бы тогда освежили в памяти все, начиная с сотворения мира, очень важно слушать друг друга, как жаль, что нету радио, музыка ведь так отвлекает, и новости бы слушали, были бы в курсе происходящего, знали бы, например, не изобретено ли уже лекарство от нашей болезни, то-то радости было бы, но не будет.

Затем случилось то, что и должно было случиться. На улице затрещали выстрелы. Нас убьют, крикнул кто-то. Спокойно, сказал доктор, будем рассуждать логически, захотели бы убить, пришли бы сюда. И он оказался прав, приказ стрелять, притом в воздух, отдал сержант, а не то что какой-то внезапно ослепший солдат нажал на спусковой крючок, и надо ведь понимать, что не было другого способа удержать, как-то построить и привести к повиновению слепцов, которые вываливались из дверей четырех автобусов в полном соответствии с тем, как министерство здравоохранения уведомило

министерство обороны: Готовьтесь принять четыре больших автобуса. Это сколько же народу получится. Да человек двести. Ну и куда, интересно бы знать, их рассовывать, в правом флигеле три палаты, по нашим сведениям, на сто двадцать коек, а сейчас там уже шестьдесят-семьдесят больных, минус те десять, которых нам пришлось ликвидировать. Значит, надо будет распределять по всему зданию. Но тогда пациенты из обсервационных палат войдут в прямой контакт со слепыми. Но ведь они все равно рано или поздно ослепнут, и, по тому судя, как идут дела, мы все заражены, ручаюсь, что нет никого, кто не попал бы в поле зрения слепого. Но если слепой не видит, как, я вас спрашиваю, как может он передать свою слепоту взглядом. Генерал, болезнь эта, видимо, проста и логична, как никакая другая, слепой глаз посылает слепоту зрячему, все проще простого. Вот полковник считает, что решил бы проблему, истребляя слепых по мере их появления. Если вместо слепых будут мертвые, это не слишком сильно изменит картину. Не всякий, кто слеп, мертв. Да, но кто мертв, тот и слеп. Ну хорошо, стало быть, вы сказали, двести. Двести. А с водителями автобусов как быть. Изолировать вместе со всеми. В этот же день, только попозже, к вечеру ближе, министерство обороны сообщило министерству здравоохранения: Слыхали новость, тот полковник, о котором я вам говорил, ослеп. Интересно, что он теперь скажет. Ничего не скажет, он застрелился. Что ж, по крайней мере, последовательно. Армия всегда готова подать пример.

Ворота были уже распахнуты во всю ширь. Сержант по строевой привычке скомандовал становиться в колонну по пять, но ничего из этого не вышло, ибо слепцов, не способных считать, а значит, и разбиться на пятерки, получалось в каждой шеренге то больше, то меньше, и в конце концов всей своей беспорядочной оравой сгрудились они у ворот в глубоко штатской, но, впрочем, органически присущей им манере, даже не подумав пропустить вперед женщин и детей, как оно исстари ведется при бедствиях на сухопутье и особенно при кораблекрушениях. Да, еще скажем, чтобы не забыть, что стреляли не только в воздух, один из водителей отказался идти со слепцами, отговариваясь своим прекрасным зрением, и в результате уже через три секунды собственным примером подтвердил мнение министерства здравоохранения насчет того, что кто мертв, тот и слеп. Сержант отдавал уже привычные приказы: Шагом марш, впереди будет крыльцо

о шести ступенях, как дойдете, сбавьте рыси, не хочу даже думать, что будет, если кто-нибудь споткнется, и лишь позабыл напомнить о веревке, но это и понятно, если все будут за нее держаться, шествие вряд ли когда-нибудь кончится. Внимание, провозгласил сержант уже немного поспокойней, потому что толпа втянулась за ворота, направо и налево по три палаты, в каждой по сорок коек, просьба к семейным, если хотите быть вместе, держаться покучнее, при входе отсчитывайтесь, попросите ранее прибывших помочь, ничего привыкнете, освоитесь, главное – сохраняйте спокойствие, продовольствие вам доставят попозже, все будет хорошо.

Еще бы не хорошо, если такая невероятная толпа слепцов влечется покорно, стадом баранов на бойню, разве что не бляя, да, конечно, в тесноте и скученности, не без того, но разве не так жили они всю жизнь, трясь шкурами друг о друга, смешивая дыхание, обдавая друг друга разными ароматами. Одни плачут, другие вопят от страха или гнева, третьи ругаются, а этот вот выкрикнул угрозу, ужасную и бессмысленную: Ну, попадетесь мне когда-нибудь, относящуюся, надо полагать, к солдатам, своими руками глаза вырву. Как и следовало ожидать, когда передние, дойдя до крыльца, должны были остановиться, чтобы пощупать ногой высоту и глубину ступеней, задние поднажали, и двое-трое свалились, коленки расшибли, но, к счастью, только тем и обошлось, так что напутствие сержанта впору счесть благословением. Часть уже проникла в вестибюль, который просто не рассчитан на двести душ, тем более слепых и без поводыря, и к этому обстоятельству, создающему трудности и само по себе, следует прибавить особенности здания, построенного в старину, когда мало заботились о функциональности, и хорошо сержанту, знающему только свои обязанности, говорить: Направо и налево по три палаты, посмотрел бы он, как выглядит это на самом деле, если дверные проемы узкие, как бутылочное горлышко, переходы-коридоры безумием своим под стать прежним обитателям этого дома, начинаются неведь где, ведут незнамо куда, и, короче, сами не понимают, какого рожна им надо. Маневр передовой группы слепых, словно по наитию, разделившейся надвое и в поисках входной двери растекающейся в обе стороны вдоль стен, можно с уверенностью признать удачным при том условии, что на пути не встретится мебель. Рано или поздно, проявив терпение и сметку, новые жильцы в конце

концов обвыкнут и устроятся, но произойдет это не раньше, чем определится победитель в битве, завязавшейся между авангардом левой колонны и зараженными, размещенными во флигеле именно этой стороны. Так что подождем. С самого начала, впрочем, было определено и подтверждено соответствующим циркуляром министерства здравоохранения, что левое крыло отводится под наблюдательные палаты, и если можно с весьма высокой степенью вероятности предполагать, что находящиеся там в конце концов постигнет слепота, то все же, повинаясь формальной логике, нельзя, пока этого не случилось, утверждать и уж тем более ручаться, что случится это неминуемо. И представьте, что вот спокойно сидит человек у себя дома, в уверенности, что при всем обилии примеров обратного в его-то случае все обойдется, и вдруг видит, как с воем накатывает на него лавина тех, кого он и боится пуще всего. В первое мгновение зрячие решили, что эти прибыли такие же, как они, только в большем числе, но ошибка разъяснилась очень скоро. Сюда нельзя, это наш флигель, он не для слепых, вам в другое, правое крыло надо, прокричали дежурившие у дверей. Шедшие в первых рядах попытались было развернуться и отправиться на поиски другого входа, благо им было решительно все равно, что право, что лево, но густая толпа тех, кто продолжал втекать внутрь со двора, неумолимо теснила их вперед. Зрячие обороняли двери руками и ногами, слепцы отбивались, поскольку, хоть и не видели своих противников, очень даже чувствовали, откуда сыплются на них удары. Двести человек в вестибюле поместиться не могут, даже и думать нечего, и потому уже очень скоро центральный вход, хоть и довольно широкий, оказался закупорен намертво, ни вперед, ни назад, ни туда ни сюда, а зажатые и стиснутые со всех сторон люди пытались, чтоб не задавили, отбиваться от соседей локтями и коленями, слышались крики, плакали слепые дети, и слепые женщины падали в обморок, хоть падать-то было и некуда, а снаружи, с крыльца, понукаемые злобными криками солдат, не понимавших, почему эти придурки все еще во дворе, все сильней напирала те, кто не мог войти. Самый ужас начался, когда отхлынула назад мощная волна людей, которые перед неминуемой угрозой того, что их просто раздавят, начали яростно выдираться из этой свалки, и давайте поставим себя на место солдат, увидевших, как вдруг выдавливается из дверей наружу плотное месиво тех, кто только

что зашел внутрь, и сразу же предположивших худшее, а именно что слепцы решили прорваться назад, и вполне могла бы начаться самая настоящая бойня. К счастью, сержант, в очередной раз оказавшийся на высоте положения, сам выстрелил из пистолета в воздух, чтобы привлечь внимание, и закричал в громкоговоритель: Соблюдайте спокойствие, эй, на ступеньках, сдайте назад, задние, не напирайте, полегче, полегче, помогайте друг другу. Пожалуй, он хотел слишком многого, и свалка внутри продолжалась, пока вестибюль все же не разгрузился немного, благодаря тому, что многочисленная толпа слепых устремилась в двери правого флигеля, а там уж их встретили старожилы, которые принялись направлять новичков в третью, до сей поры пустовавшую, палату и на свободные койки в первой и во второй. Какое-то время казалось, что военное счастье перешло на зараженных, и не столько потому даже, что те были сильны, а главное – зрячи, а просто слепцы, обнаружив, что противоположный вход свободен, вышли из соприкосновения с противником, как сказал бы сержант на занятиях по основам тактики. Впрочем, недолги были радости защитников. Из правого флигеля стали кричать, что мест больше нет и все палаты переполнены, и в это же время снаружи поднаперли снова, да с такой силой, что выбили пробку, которая закупоривала главный вход, и слепцы, во множестве заполнявшие двор, прорвались в вестибюль, оказавшись наконец в стенах и под кровом учреждения, где им, как бы там ни грозились солдаты, предстояло жить. В результате этих двух практически одновременных перемещений снова вскипела схватка у дверей в левый флигель, снова посыпались удары, раздались бранные клики, и, как будто этого мало, несколько слепцов, с боем пробившихся к выходу во внутренний двор, шарахнулись назад, крича, что там мертвецы лежат. Сами понимаете, какая началась паника. Итак, они устремились обратно, вопя: Там мертвецы лежат, там мертвецы лежат, беспрестанно и так отчаянно, словно им самим в ближайшие же минуты предстояло лечь бездыханными с ними рядом, и в тот же миг закрутился в вестибюле яростный человеческий смерч, а потом вся эта плотно утрамбованная масса, неожиданно, словно по какому-то внезапному наитию, изменила направление, ринулась в левое крыло, сметая все на своем пути, и прорвала оборону зараженных, из которых одни, кстати сказать, перешли уже в иной разряд, а другие в ужасе бросились врассыпную, все еще пытаясь

убежать от злой своей участи. Напрасно. Один за другим слепли они, одному за другим в глаза вливалась молочно-белая мерзость, заполняя сиянием своим коридоры, палаты и весь мир. Снаружи, равно как и в вестибюле и во дворе, бродили в растерянности избитые, истоптанные слепцы, и большую их часть составляли старики, женщины и дети, существа, которые уже или еще не способны защищаться, и просто чудо, что не прибавилось многих других мертвецов к тем, что ожидали погребения во внутреннем дворе. На земле помимо разнообразной обуви, утерявшей ноги своих хозяев, разбросаны были чемоданы, баулы, корзинки, последнее достояние каждого, ныне уже безвозвратно утраченное, ибо поди-ка скажи-ка нашедшему, что, мол, это не твое.

С заднего двора вернулся в вестибюль старик с черной повязкой на глазу. Вещей у него при себе то ли вообще не было, то ли они потерялись в толкотне и давке. Это он первым обнаружил мертвецов, однако крик поднимать не стал. Приткнулся рядом с ними, возле них, в ожидании, когда восторжествуют мир и спокойствие. Продлилось его ожидание не менее часа. Теперь пришел его черед искать себе прибежище. Медленно, выставив вперед руки, следует он своим путем. Вот нащупал дверь в первую палату правого крыла, услышал доносящиеся оттуда голоса и спросил: Коечки свободной у вас не найдется ли.

В появлении такого множества слепцов было, по крайней мере, одно преимущество. Нет, даже два, и первое относилось, так сказать, к области психологии, ибо, согласитесь, есть разница между тем, чтобы ежеминутно ждать появления новых жильцов, и тем, чтобы, увидев наконец, что помещение заполнилось до отказа, обрести возможность установить с соседями отношения прочные, длительные, не прерываемые, не в пример тому, как случалось до сих пор, прибытиями новых партий, заставлявшими нас постоянно восстанавливать каналы коммуникаций. Второе же преимущество лежит в сфере практической, оно прямо, просто и существенно, потому что власти, как военные, так и гражданские, поняли, что одно дело кормить-поить два-три десятка человек, более или менее покладистых, более или менее склонных уже в силу своей малочисленности смиренно, кротко и покорно терпеть регулярные

задержки или сбои в доставке продуктов, и совсем-совсем другое – внезапно взвалить на себя бремя многообразной ответственности по прокорму двухсот сорока особей разного пола, вида, рода, нрава, происхождения, фасона и покроя. Двухсот сорока, прошу заметить, но это ведь только так говорится, что двухсот сорока, ибо еще человек двадцать слепцов остались без места и спят на полу. Во всяком случае, накормить тридцать ртов тем, что и десяти бы в обрез хватило, и распределить между двумястами сорока едоками продовольствие, предназначенное для двухсот сорока едоков, – совсем не одно и то же. Разница, казалось бы, чисто количественная. Ан нет, возросшее ли чувство ответственности или – и не надо, ох, не надо сбрасывать это со счетов – страх перед возможными беспорядками предопределило перемену поведения и заставило власти доставлять еду вовремя и в должном количестве. Само собой разумеется, после во всех отношениях плачевных и прискорбных событий, свидетелями коих нам пришлось стать, обустройство стольких слепцов не пройдет гладко, будут и сучки, и задоринки, ибо достаточно вспомнить, что среди них много бывших насельников левого крыла, прежде зрячих, а ныне нет, разлученных семей, матерей, потерявших своих детей, достаточно послушать, как стонут и кряхтят пострадавшие в свалке, да не один раз пострадавшие, а дважды или трижды, достаточно посмотреть, как ищут они милые сердцу вещички, ищут и не находят, и, короче говоря, тумбой каменной надо быть, чтобы позабыть, словно ничего и не было, все эти совсем недавние горести и тягости. При всем при том сообщение, что кушать, так сказать, подано, всем пролилось бальзамом на душу. И хотя смешно было бы отрицать, что получение и распределение такого огромного количества провизии при отсутствии даже намека на организованность, необходимую для исполнения этой задачи, равно как и власти, способной установить столь нужную дисциплину, приводило к новым разногласиям и сварам, признаем все же, что, когда во всем здании бывшей психушки слышится лишь, как жуют двести шестьдесят ртов, атмосфера заметно меняется к лучшему. Кто потом убирать за ними будет, это вопрос другой, пока остающийся без ответа, лишь ближе к вечеру громкоговоритель снова начнет повторять правила поведения, которые следует соблюдать для всеобщего блага, вот тогда и увидим, встретят ли они, предписания эти, хоть малую крупичку сочувствия у новеньких. Уже и то хорошо,

что вторая палата правого флигеля соизволила наконец погрести своих покойников, так что от этого смрада мы, по крайней мере, избавлены, а к запаху живых, хоть и он совсем нехорош, привыкнуть все-таки легче.

Что же касается первой палаты, где собрались самые первые обитатели больницы, которые, хотя бы уж потому, что дольше других находятся в больнице, лучше освоились со статусом слепых, то и четверти часа после окончания трапезы не прошло, а на полу уже нет ни соринки, ни крошки, ни использованной одноразовой тарелки или опорожненной емкости. Все собрано и прибрано, мелкие предметы помещены внутрь больших, самые грязные спрятаны в относительно чистые в полном соответствии с правилами рационализированной гигиены, столь рьяно заботящейся, чтобы отходы собирались с максимальной эффективностью и при минимальных затратах труда. Надо сказать, что склад ума и образ мыслей, ну, короче, ментальность, предписывающая вести себя в обществе именно так, а не иначе, на пустом месте не вырастает, из ничего не рождается. В рассматриваемом нами случае решающую роль, судя по всему, играет просветительская деятельность обосновавшейся на самой последней койке слепой, знаете, той, что замужем за глазным врачом, так вот у нее, наверно, уже мозоли на языке, столь часто и неустанно твердит она: Если не можем жить совсем как люди, постараемся жить не совсем как животные, и столько раз повторяла она эти слова, что при всей их простоте и обыденности они сделались в первой палате чем-то вроде максимы, заповеди, доктрины или даже кредо. Очень может быть, что побочным действием такого вот состояния духа, настроенного на понимание разных житейских нужд и надобностей, стал благожелательный и радушный прием, оказанный старику с черной повязкой на глазу, когда тот, ну, не глаз же, разумеется, тем более что его давно нет, а этот самый старик, появился в дверях и осведомился: Кочки свободной у вас не найдется ли. По счастливому и, несомненно, многообещающему стечению обстоятельств коечка нашлась, одна-единственная и неведомо как сумевшая пережить, с позволения сказать, нашествие, коечка, которую прежде занимал угонщик автомобилей, претерпевший на ней несказанные муки, и, быть может, это аура страдания, окутывающая ее, отгоняла претендентов. Так распорядается судьба, таинственно сплетая свои замысловато вычерченные арабески, и ведь это уже не первое, далеко

не первое совпадение, достаточно вспомнить лишь, что в этой палате сошлись все, кто сидел и ждал приема у окулиста в тот день и час, когда появился там первый слепец, до сих пор пребывающий в этом статусе. Жена доктора по обыкновению тихонько, чтобы не выдать секрет своего пребывания здесь, прошептала мужу на ухо: Наверно, тоже твой пациент, пожилой такой, лысый, седенький, на глазу у него черная повязка, я помню, ты говорил о нем. На каком глазу. На левом. Похоже, он и есть. Доктор вышел в проход и сказал, несколько повысив голос: Мне бы хотелось дотронуться до нашего нового сотоварища, только что присоединившегося к нам, прошу вас двигаться в этом направлении, а я иду к вам навстречу. На полдороге они сошлись, и пальцы их соприкоснулись, как усики-антенны у муравьев, которые опознают ими своих, впрочем, в данном случае это было не совсем так, потому что доктор, извинившись, оцупал лицо старика и обнаружил черную повязку: Сомнений нет, вас-то нам и не хватало, теперь все в сборе, а пациент с черной повязкой на глазу спросил: Что это значит, кто вы такой. Глазной врач, верней, был глазным врачом, смотрел вас, не помните, мы еще хотели назначить дату операции, катаракту надо было удалить. Как же вы меня узнали. По голосу, голос – это зрение незрячих. Да-да, теперь и я вас узнал, вот ведь как все обернулось, доктор, теперь вам уж не надо будет меня оперировать. Если существует лекарство от этой болезни, мы оба нуждаемся в нем. А ведь я помню, доктор, как вы мне сказали, что после операции не узнаю мир вокруг себя, и вот теперь только стало понятно, до какой же степени вы оказались правы. Когда же это с вами случилось? Вчера вечером. И сегодня вас уже привезли сюда. Там все до того перепуганы, что ослепших скоро начнут отстреливать. Там только еще начнут, а у нас уже десять убитых, отозвался мужской голос. Я обнаружил их, просто сказал старик с черной повязкой. Они были из другой палаты, мы своих сразу похоронили, произнес тот же голос, словно завершая доклад. Подошла девушка в темных очках: Помните меня, я была в темных очках. Как же не помнить, никакая катаракта не помешает разглядеть вашу красоту, и девушка улыбнулась: Спасибо, и вернулась на свое место. И уже оттуда сказала: И мальчик тоже здесь. Я к маме хочу, сказал детский голос, будто надтреснутый от непролитых и бесполезных слез. А я тот, кто самым первым ослеп, сказал первый слепец, и жена моя здесь, А я

регистраторша, сказала регистраторша. Ну, кажется, и мне пора представиться, сказала жена доктора и представилась. Тогда старик, словно бы в благодарность за радушие, объявил: У меня радио есть. Радио, вскричала, захлопав в ладоши, девушка в темных очках, музыку послушаем, какая прелесть. Да, только это транзистор, на батарейках, а они скоро сядут, напомнил старик. Только не говорите, что мы здесь навечно, попросил первый слепец. Да нет, не навечно, навечно – это слишком долгий срок. Будем новости слушать, сказал доктор. И музыку, ну, хоть немножко, настаивала девушка в темных очках. Музыка каждому нравится разная, а вот что там делается в мире, интересно всем, и потому побережем батарейки. Присоединяюсь, сказал старик с черной повязкой. Из бокового кармана он извлек приемничек и включил его. Стал шарить по частотам и диапазонам, но его еще не очень уверенная рука сбила настройку, так что поначалу не слышалось ничего, кроме треска статических разрядов, обрывков музыки и бессвязных слов, но вот она обрела твердость, нащупала станцию, и музыка сделалась узнаваемой. Оставьте, пусть поиграет капельку, взмолилась девушка в темных очках, уже и слова можно разобрать. Но это не новости, сказала жена доктора и потом, словно ее вдруг осенило, спросила: Который час, хоть и знала, что ответа ни от кого не получит. Стрелка еще поползала по шкале, извлекая из ящичка звуки, потом замерла, и зазвучала песня, ничего в ней не было особенного, однако слепцы начали медленно, не толкаясь, придвигаться поближе, пока не ощутили присутствие стоявших впереди, и остановились, слушая, устремив широко раскрытые глаза туда, откуда исходил голос певца, причем некоторые плакали, как, наверно, умеют плакать только слепые, когда слезы просто льются как бы сами собой и, что называется, ручьем. Песня отзвучала, и голос диктора произнес: Внимание, передаем сигналы точного времени, начало третьего сигнала означает четыре часа. Одна из слепых осведомилась со смехом: Утра или дня, и смех этот словно причинял ей боль. Жена доктора незаметно переставила стрелки, покрутила головку завода, скорей всего, было четыре пополудни, хотя на самом деле часам это совершенно все равно, они идут от одного до двенадцати, а все прочее люди выдумали. Что это за звук, спросила девушка в темных очках. Да это я, когда услышала, сколько времени, часики свои завела, знаете, просто машинально, каждый из нас ведь

совершает эти неосознанные действия, нашлась жена доктора. И подумала, что зря она так рисковала, надо было просто посмотреть на запястье кого-нибудь из тех, кто прибыл сегодня, наверняка у кого-то часы еще идут. Часы обнаружили на руке у старика с черной повязкой, и время они показывали верное. Тогда доктор попросил: Рассказали бы, что там, на воле. Старик с черной повязкой ответил так: Охотно, только позвольте, я присяду, ноги не держат. Слепцы, по трое-четверо разместившись, уж как пришлось, в тесноте, как говорится, да и так далее, на соседних койках, смолкли, и старик начал рассказывать обо всем, что видел, пока еще видел, обо всем, что слышал за несколько дней, протекших от начала эпидемии до того момента, когда он ослеп.

В первые сутки, начал он, если не врут распространившиеся слухи, было несколько сот совершенно одинаковых случаев, когда вдруг, в одно мгновение, при полном и обескураживающем отсутствии повреждений и какой бы то ни было симптоматики, не сопровождаясь болями ни до, ни после, закрывала все поле зрения сверкающая белизна. На вторые сутки количество заболевших пошло на убыль и исчислялось уже не сотнями, а десятками, так что правительство разлетелось с заявлением, что ситуация очень скоро будет взята под контроль. С этого места начиная изустное повествование старика с черной повязкой будет, за исключением нескольких комментариев, которые опустить невозможно, передаваться не дословно, но в несколько реструктурированном виде, призванном повысить его информативную компоненту путем более корректного и адекватного словоупотребления. Именно это, то есть необходимость отказаться от просторечных и обыденных выражений, использованных рассказчиком, чья роль, таким образом, постепенно сводится к изложению ряда дополнительных подробностей, отчего вовсе не становится менее важной, поскольку иначе мы бы просто не узнали, что же творится за стенами больницы, да, так вот, дополнительных подробностей относительно тех чрезвычайных происшествий, описание которых только выиграет от лексической строгости, от терминологической точности, и есть основной побудительный мотив для смены стиля. Итак, сделав это предупреждение, скажем, что правительство после предварительного обсуждения решительно отклонило версию того, что в стране якобы началась не имеющая

прецедентов, не знающая аналогов эпидемия, вызываемая неким не поддающимся идентификации возбудителем и получающая ураганное развитие при полном отсутствии видимых признаков латентной фазы или инкубационного периода. Напротив, происходящие события в полном соответствии с мнением передовой научной общественности, последовательно и мощно подпертой административно, следует трактовать исключительно и не иначе как прискорбное, но при этом случайное и временное совпадение целого ряда факторов неясного генезиса и этиологии, однако в их патогенной активности, как можно судить на основании обработки имеющихся в нашем распоряжении данных, указывающих на приближение спада, прослеживается, как особо подчеркивалось в правительственном меморандуме, явная тенденция к ослаблению. Один телевизионный обозреватель весьма удачно и метко сравнил эту напасть, как ее там ни называй, с пущенной в небо стрелой, которая, достигнув высшей точки, на мгновение, как подвешенная, замирает в зените, после чего обязательно начинает описывать нисходящую кривую, и дай бог, продолжал он, этим упоминанием всеуе возвращая зрителей к обыденности земных забот и к собственно эпидемии, чтобы сила земного тяготения постоянно увеличивалась, пока вовсе не исчезнет мучающий нас кошмар. Примерно этот же набор слов постоянно повторялся во всех средствах массовой информации, непременно выражавших жалостливое пожелание, чтобы все, кто потерял зрение, в самом скором времени обрели его вновь, а в ожидании этого суливших несчастным поддержку и братскую солидарность всего общества как со стороны его официальных представителей, так и простых граждан. В далеком прошлом неизбывный оптимизм простонародья облакал подобные перспективы в такие, например, речения: Счастье с бессчастьем – ведро с ненастьем или: Как веревочка ни вейся, а конец будет, как и на нашей улице праздник, являвшие собой квинтэссенцию житейской мудрости тех, кто успел за отпущенный ему земной срок привыкнуть к переменчивости фортуны и каверзам судьбы, а в стране слепых долженствовавшие, вероятно, звучать так: Вчера видели, нынче нет, завтра увидим, причем последнюю треть фразы произносить, вероятно, следовало бы с неназойливо-вопросительной интонацией, как если бы благоразумная осторожность в самый

последний миг решила бы добавить к радужной концовке легчайший обертон сомнения.

Но, к величайшему сожалению, не замедлило обнаружиться, что и заклинания эти, и обещания правительства, и благоприятные прогнозы ученых – все звук пустой. Слепота распространялась неудержимо и неуклонно, но мы бы уподобили ее не грозной приливной волне, которая все затопляет и гонит перед собой, а скорей коварному просачиванию наружу не исчислимого множества проворных ручейков, медленно, исподволь пропитывающих землю, пока однажды вдруг вся она не окажется под водой. Перед лицом общенационального смятения, уже грозящего закусить, что называется, удила, власти стали собирать медиков, в первую очередь, конечно, офтальмологов и невропатологов, и хотя до созыва съезда за недостатком времени дело не дошло, зато не было недостатка в разного рода симпозиумах, коллоквиумах, конференциях, всяческих круглых столах, которые проводились либо публично, либо за закрытыми дверями. Двойной эффект, вызванный, во-первых, полнейшим отсутствием результата от всех этих дебатов и научных дискуссий и, во-вторых, несколькими случаями внезапной слепоты, имевшими место прямо посреди заседания, когда докладчик вдруг кричал: Я ослеп, я ослеп, привел к тому, что эти мероприятия перестали интересовать средства массовой информации, разве что несколько изданий, весьма достойных и заслуживающих всяческих похвал, но живущих исключительно за счет разного рода сенсаций, чужих несчастий и триумфов, не пожелали упускать ни малейшей возможности преподнести с пылу с жару, с приличествующим случаю драматизмом известие, например, о том, как прямо посреди доклада лишился зрения заведующий кафедрой глазных болезней профессор такой-то.

Убедившись, что морально-политическое состояние общества ухудшается с каждым днем, правительство было вынуждено уже во второй раз за шесть дней изменить свою стратегию. Прежде всего сочли возможным и необходимым пресечь распространение болезни путем изоляции слепых и зараженных в скольких-то закрытых помещениях, вот вроде нашей с вами психушки. Затем неуклонный рост заболеваемости побудил нескольких влиятельных членов кабинета, опасавшихся, что инициатива властей, дойдя до низовых исполнителей, будет извращена так, что вызовет политические

осложнения, выступить со встречной идеей, суть которой состояла в том, что надзор за слепыми следует поручить их родственникам, а те должны будут держать их дома, не выпуская на улицу, чтобы, во-первых, не создавать помех и без того уж затрудненному уличному движению, а во-вторых, не оскорблять чувств временно зрячих, которые, не внемля более или менее успокоительным заверениям, свято верили, что белая болезнь передается при визуальном контакте, на манер сглаза. И в самом деле, стоит ли ожидать иной, более благостной, реакции от человека, который идет, погруженный в свои печальные, нейтральные, а то даже и радостные, если еще у кого таковые остались, думы, и вдруг видит, как искажается лицо встречного прохожего, как проявляются на лице этом все признаки полнейшего ужаса, а затем раздается неизбежный вопль: Я ослеп, я ослеп. Какие нервы это выдержат. Однако самое скверное заключалось в том, что семьи слепых, особенно малочисленные, мгновенно становились слепыми семьями, и кому, спрашивается, их водить и за ними ходить как не соседям, разумеется, покуда еще зрячим, и ясно, что такая семья, где членов раз, два, ну, три – и обчелся, не может сама о себе позаботиться и станет, значит, живой репродукцией с известной картины, на которой слепцы вместе ходят, вместе падают и вместе умирают.

Увидев перед собой такую перспективу, правительство вынуждено было дать самый полный назад, то есть расширить установленные им же критерии при годности мест, отведенных под карантин, в результате чего началось немедленное и на самую скорую руку производимое переустройство закрытых фабрик, заброшенных церквей, спортивных залов, пустующих складов и: Уже два дня идут разговоры, что, мол, за городом будут разбиты палаточные городки, добавил старик с черной повязкой на глазу. Поначалу, причем по самому поначалу, кое-какие благотворительные организации еще посылали волонтеров ухаживать за слепыми, стелить им постели, мыть унитазы, стирать белье, стирать, то есть проявлять тот минимум заботы, без которого жизнь очень скоро делается невыносимой даже для тех, кто видит. Бедные, милые эти люди, то бишь добровольцы, немедленно слепли, но, по крайней мере, остался в истории их благородный почин. Из них тут есть кто, спросил старик с черной повязкой на глазу. Нет, отвечала жена доктора. А может, вообще все это басни. Ну а город-то как,

машины-то ходят, осведомился первый слепец, вспомнив свой автомобиль и таксиста, который вез его на консультацию и которого он потом своими руками опустил в могилу. Хаос полнейший, отвечал старик, и пустился в подробности аварий и катастроф. Когда в первый раз случилось так, что на полном ходу и на оживленной магистрали ослеп водитель автобуса, на это никто, кроме, разумеется, погибших и покалеченных, не обратил особенного внимания, и все та же причина, то есть сила привычки, побудила пресс-секретаря транспортной компании заявить, ни больше ни меньше, что несчастье произошло по вине водителя, то есть пресловутый человеческий фактор подвел, и что происшествие прискорбное, спору нет, но, если вдуматься, предвидеть его было бы так же трудно, как заподозрить инфаркт у человека, ни разу в жизни не жаловавшегося на сердце. Все сотрудники нашего предприятия, продолжал он, так же как и все выходящие на линию автобусы, регулярно проходят строжайший осмотр, соответственно медицинский и технический, прямым следствием чего является чрезвычайно низкий процент аварийности, которым до самого последнего времени наша компания выгодно отличалась от всех остальных. Пространное это объяснение попало на страницы газет, но гражданам было над чем подумать и кроме как над заурядным транспортным происшествием, ведь, в конце концов, едва ли было бы хуже, если бы просто отказали тормоза. Именно это через два дня привело к еще одной аварии, но так уж создан мир, что правде нужно многократно прикидываться ложью, чтоб добиться своего, отчего и разнесся слух, что на этот раз ослеп кондуктор. Не было решительно никакой возможности переубедить публику и втолковать ей, как все было на самом деле, и в результате, не замедлившем сказаться, люди перестали пользоваться автобусами, твердя, что лучше самому ослепнуть, нежели погибнуть из-за чужой слепоты. В третью аварию, последовавшую почти сразу же за второй и по той же причине, попал автобус без пассажиров, что сейчас же дало повод для таких примерно негодующих комментариев: Глаза бы мои не видели это безобразие. Даже и вообразить себе не могли говорившие так, что очень скоро сбудется это их пожелание. Не заставила себя ждать и авиакатастрофа: из-за мгновенной слепоты, одновременно постигшей командира корабля и второго пилота, рухнул на землю, развалился на куски и вспыхнул лайнер, причем погибли все пассажиры и члены экипажа,

несмотря на то что на этот раз все системы находились в идеальном состоянии, если верить показаниям черного ящика, который один только и уцелел. Ни в какое сравнение с банальной аварией автобуса не шла трагедия такого масштаба, лишившая последних иллюзий тех, кто их еще питал, так что вскоре повсюду стих рокот моторов, и ни одно колесо, большое ли, маленькое, скорое или медленное, больше не вращалось. И тот, кто привык жаловаться, что из-за пробок час едешь, два стоишь, и тот, кто сетовал, что припаркованные где попало или мчащиеся автомобили не дают ему следовать избранной стезей, и тот, кто, до одури покосив по окрестным улицам, чтобы где-нибудь приткнуться машину, и отыскав наконец прогалину на обочине, превращался в пешехода и принимался ругать водителей, к ним обращая ту же хулу и пени, что прежде адресовались ему самому, – словом, все должны были бы теперь испытать чувство законного удовлетворения, если бы не одно обстоятельство, заключавшееся в том, что, поскольку никто больше не решался сесть за руль и проехать хоть два шага, легковушки, грузовики, мотоциклы и даже смиренные велосипеды, оставленные владельцами, в душе которых страх возобладал над чувством собственника, хаотически заполняли весь город, и зримым символом этой чудовищной очевидности мог бы послужить эвакуатор, стрелой автокрана подцепивший, вздернувший, но так и оставивший болтаться в воздухе аварийную машину, ибо, надо полагать, первым ослеп его водитель. Всем было плохо, но хуже всех – слепцам, ибо не видели они, куда идут, не ведали, куда ногу ставят. И жалко было смотреть, как натываются они на брошенные тут и там машины, валяться один за другим на манер костяшек домино, разбивают колени, и одни, упав, плачут: Да помогите же кто-нибудь, ради бога, подняться, а другие с бранью и проклятиями отталкивают протянутую им благонамеренную руку помощи: Да пошел ты, погоди, скоро и твой черед придет, отчего жалостливый прохожий, осознав внезапно, какому риску подвергался из-за своей доброты, в ужасе шарахался, бежал, скрывался в молочно-белой мгле и, быть может, уже через несколько метров тоже слеп.

Вот как обстоят дела на воле, завершил свой рассказ старик с черной повязкой, и это еще при том, что я всего не знаю, а говорю о том лишь, что видел собственными глазами, тут он осекся и поправился: Хочу сказать, не глазами, а глазом, потому что он у меня

был один, а теперь ни одного, ну, то есть один есть, да толку от него никакого. Я вас все хочу спросить, почему не вставьте себе искусственный, а носите повязку. Объясните, пожалуйста, на кой мне сдался стеклянный глаз. Ну, как-то это принято, смотрится красивей, и потом гораздо гигиеничней, вынул, вымыл, вставил, вроде как зубной протез. Да уж, представляете, какая была бы красота, если бы все, кто потерял не только зрение, а и глаза тоже, вставили себе по паре стеклянных, сильно бы они имгодились. Едва ли. Поскольку все мы слепы, а к тому вроде все идет, то до красоты ли тут, а насчет гигиены, извините, вот вы мне скажите, как доктор, ну какая тут может быть гигиена. Вероятно, только в мире слепых все становится таким, как оно есть на самом деле, ответил на это доктор. А люди, спросила девушка в темных очках. И люди тоже, никто ведь их не увидит. Вот что мне в голову пришло, молвил старик с черной повязкой на глазу, давайте-ка для препровождения времени сыграем в одну игру. Как же играть, когда не видишь чем, возразила жена первого слепца. Ну, это не совсем игра, а просто пусть каждый из нас подробно расскажет, что он видел в тот миг, когда ослеп. Неудобно может получиться, усомнился кто-то. Кто не захочет играть, посидит в сторонке, а остальные расскажут, только как было, выдумывать ничего не надо. Вот вы и начните, сказал доктор. Ладно, могу и я начать, сказал старик с черной повязкой на глазу, я ослеп, когда хотел понять, что там с моим отсутствующим глазом. То есть. Да очень просто, почувствовал как бы жжение в пустой глазнице, словно она воспалилась, снял повязку, чтобы понять, что там такое, и в этот миг ослеп. Это прямо какая-то притча, произнес тут неизвестно чей голос, притча про глаз, отказавшийся признать свое отсутствие. А я, сказал доктор, рылся в книгах, искал в медицинской литературе что-нибудь как раз по этому поводу, и последнее, что видел, были мои руки на странице. А я, сказала жена доктора, видела салон санитарного фургона, куда подсаживала мужа. А у меня так получилось, я уж доктору рассказывал, подъезжаю к перекрестку, как раз красный, и люди пошли через дорогу, вот тут я и ослеп, и тот мальчик, которого потом застрелили, отвез меня домой, и лица его я уже, ясное дело, не увидел. А я, сказала жена первого слепца, дома сидела, плакала и только поднесла к глазам платок, как в тот же миг и ослепла. А я, сказала регистраторша, вошла в лифт, протянула руку кнопку нажать и вдруг

перестала что-либо видеть, представляете, до чего перепугалась, одна, в закрытой кабине, не знаю, вверх ехать или вниз, на что нажать, чтобы двери открылись. Нет, сказал аптекарь, со мной все проще было, я уже слышал, что люди слепнут, подумал, как это будет, если и я тоже, закрыл глаза, захотел попробовать, на что это похоже, а когда открыл, уже ничего не видел. И это похоже на притчу, вновь отозвался неведомый голос, захочешь ослепнуть – ослепнешь. Воцарилось молчание. Кое-кто из слепцов вернулся на свое место, что, кстати, далось им совсем нелегко, потому что они, хоть и знали, кто где лежит, найти свою койку могли, только произведя отсчет от одной или от другой стены, от первого номера к окну, от двадцатого к дверям, и только так удостовериться, что добрались куда надо. Когда стихло их монотонное, как молитва, бормотание, девушка в темных очках рассказала о том, что случилось с ней: Я была в номере отеля, ну, с мужчиной, и замолчала, стесняясь рассказать, чем она с ним занималась и отчего все вокруг внезапно стало белым, но старик с черной повязкой на глазу пришел ей на выручку, спросив: И все вокруг внезапно стало белым. Да, ответила она. Может быть, ваша слепота не такая, как у нас у всех, молвил старик. Оставалась теперь только горничная. Я постель стелила в номере, там до этого кто-то ослеп, сняла простыню, взяла ее, как обычно, за два угла, растянула и только собралась соединить руки, как перестала видеть, помню еще, что все-таки сумела потихоньку сложить простыню, и прибавила неизвестно зачем, словно это имело какое-то особое значение: Это нижняя была. Ну, что же, все рассказали, кто что видел последним, спросил старик с черной повязкой. Если больше никого, давайте тогда я расскажу, произнес неизвестный голос. Если даже кто и остался, он расскажет в свой черед, говорите. Последнее, что я видел, была картина. Картину, уточнил старик, а где. В музее, я в музей пошел, ну и вот, на картине, значит, поле, вороны на нем, кипарисы, и солнце, причем впечатление такое, будто оно состоит из кусочков других солнц. По описанию, скорей всего, голландец. Да, очень возможно, и там еще пес был, и он, бедняга, вроде бы наполовину уже провалился в яму. А-а, тогда это один испанец, до него никто так не писал собак, а уж после тем более никто не решался. Весьма вероятно, и еще там был воз сена, лошади везут его по берегу реки. Слева еще домик, да. Да. Стало быть, это английский живописец. Не исключено, однако маловероятно, потому

что была там еще и женщина с младенцем на руках. Младенцев на руках у матери чаще всего и видишь на картинах. В самом деле, я и сам замечал. Я только вот чего не пойму, как это на одном холсте уместилось столько разных картин разных художников. И еще какие-то люди за столом. В мировой живописи такое множество обедов, застолий, ужинов, что по одной этой примете не определишь, что за люди. Тринадцать человек, все мужчины. А, это облегчает дело, продолжайте. И еще какая-то обнаженная белокурая женщина в раковине, а раковина плывет по морю, а вокруг цветы, цветы. Итальянец, ясное дело. И еще битва. Это как в случае с младенцами на руках у матерей и с трапезами, так не узнать. Убитые, раненые. Это естественно, все младенцы рано или поздно умирают, да и солдаты тоже. И испуганный конь. Глаза будто вот-вот выскочат из орбит, да. Точно. Да, за конями подобное водится, а какие еще картины были на той картине. Не успел рассмотреть, я ослеп, чуть только увидел этого коня. Страх ослепляет, заметила девушка в темных очках. Верные ваши слова, мы уже были слепыми в тот миг, когда ослепли, страх нас ослепил, страх не дает нам прозреть. Кто это сейчас говорил, спросил доктор. Слепой, был ответ, всего лишь слепой, других тут нет. Тогда осведомился старик с черной повязкой: Сколько потребуется слепых, чтобы создать слепоту. Никто не смог ответить ему. Девушка в темных очках попросила включить радио, может быть, новости передают. Передавать их начали немного погодя, а пока послушали немного музыку. Через какое-то время появились в дверях палаты несколько слепцов, и один сказал: Жаль, гитару с собой не прихватил. Новости были не очень-то обнадеживающие, по неподтвержденным пока сведениям, планируется создание правительства национального единства и спасения.

Когда слепцов было наперечет, хватало обмена двумя-тремя словами, чтобы незнакомые стали товарищами по несчастью, и еще тремя-четырьмя – чтобы простить друг другу все промахи и ошибки, иногда весьма серьезные, и если прощение это выйдет неполным, подожди несколько дней и поймешь тогда, какая, в сущности и вообще-то говоря, чепуха томила прежде души несчастных, поймешь и будешь снова и снова убеждаться в этом всякий раз, как плоть потребует срочно и безотлагательно удовлетворить те надобности,

которые принято называть естественными. Несмотря на это и на то, что безупречное воспитание встречается крайне редко и что, как ни старайся, не всегда возможно соблюсти должные приличия, отдадим должное тем слепцам первого призыва, кто оказался способен с достоинством нести крест сугубо скатологической природы человека. Однако теперь, когда заняты все двести сорок кроватей, да еще и не всем хватило, так что сколько-то слепых спит на полу, самое богатое, живое и даже разнузданное воображение не подыщет сравнений, эпитетов и метафор, чтобы должным образом описать вопиющее, напоказ выставленное свинство, воцарившееся в стенах бывшей психушки. И дело даже не только в том, что уборные в кратчайшие сроки уподобились тем нестерпимо зловонным пещерам в преисподней, в которых, надо полагать, удовлетворяют свои естественные потребности обреченные на вечное проклятие грешники, но еще и в том, что, благодаря бесцеремонной простоте нравов одних или острейшей нужде других, в места общего пользования, иначе называемые отхожими, стремительно превратились коридоры и всякое прочее межпалатное пространство, причем если сначала в этом качестве использовали их лишь изредка, от случая, извините, к случаю, то затем это вошло в обычай, и не сказать, чтоб добрый, ну а как вошло в обычай, сделалось не до приличий. И те, кто не заботился о стыдливости или подгоняемый спешной надобностью отдать долг природе, думали, наверно, так: А-а, ничего, нестрашно, все равно никто не видит, и далеко не ходили. Когда же в туалеты стало в полном смысле слова не зайти, отправлялись слепцы на задний двор и оправлялись там. Черезчур деликатные по натуре или по воспитанию целый божий день терпели и сдерживались, ожидая ночи, причем понималось под нею время, когда большая часть обитателей палат засыпала, и лишь тогда, держась за живот или скрещивая ноги, шли искать проплешинку чистой земли, если таковую вообще можно было найти на сплошном и постоянно обновляемом ковре экскрементов, непрестанно месимых, с места на места носимых бесчисленными подошвами, тем более что поиски эти сопряжены с опасностью заблудиться на просторе заднего двора, где нет иных ориентиров, кроме редких и чахлых деревьев, сумевших пережить естествоиспытательский зуд прежних, безумных обитателей клиники, да маленьких, почти уже сровнявшихся с землей холмиков над

могилами погибших. Раз в день, вернее, к концу дня, с неизменностью будильника, заведенного на одно и то же время, голос из громкоговорителя повторял предписания и запреты, настоятельно доказывал преимущества использования моющих и чистящих средств, напоминал, что в каждой палате имеется телефон, чтобы сообщить, что, мол, запас их истощается, хотя нужны были на самом деле всего лишь пожарный шланг, чтобы мощной струей смыть все дерьмо, бригада сантехников, чтобы привести в порядок смыв и слив, ну и еще вода, вода в изобилии, чтобы уносила в канализацию все, что нужно, вернее, не нужно, и, наконец, хорошо бы нам еще пару глаз, самых обыкновенных, но только зрячих, да руку, чтоб вела нас и направляла, да голос, который скажет: Сюда. Если не вмешаться, они очень быстро станут просто скотами, да не просто скотами, а слепыми. Нет, не тот неведомо чей голос, который рассказывал о картинах и образах мира, произнес эти слова, их, может быть, в ином порядке расставив, однажды глубокой ночью выговорила жена доктора, лежа рядом с ним. Надо как-то противостоять этому ужасу, не выдержу больше, не могу притворяться, будто не вижу. Подумай о последствиях, вероятней всего, тебя захотят превратить в рабыню, во всеобщую прислугу, будешь ходить за всеми, а они будут требовать, чтобы ты их кормила, мыла, укладывала и поднимала, водила отсюда сюда и отсюда туда, чтоб вытирала им сопли и осушала им слезы, а они будут будить тебя посреди ночи и ругать, если замешкаешься. А ты хочешь, чтобы я по-прежнему смотрела на все это скотство и свинство, смотрела, видела и сидела сложа руки. Ты и так делаешь очень много. Да что там я делаю, если главная моя забота – как бы кто не заметил, что я зрячая. Не боишься, что тебя возненавидят, от слепоты мы лучше не делаемся. Но и хуже тоже. Мы стремительно идем по этой дорожке, достаточно лишь вспомнить, что творится, когда надо раздавать еду. Но ведь о том и речь, зрячий человек должен взять на себя распределение продуктов, чтобы всем хватило и каждому доставалось поровну, тогда прекратятся эти свары, эти ссоры, от которых можно спятить, ты ведь не знаешь, что это такое, когда дерутся двое слепцов. Драка – всегда в той или иной степени форма слепоты. Нет, здесь все по-другому. Делай, как считаешь нужным, как тебе кажется лучше, только помни, что все мы здесь – слепцы, просто слепцы, без красивых слов, без сострадания, нет больше колоритного и ласкового мира забавных и милых

слепышат, пришло царствие жестоких, неумолимых и суровых слепцов. Если бы ты видел то, что вынуждена видеть я, то захотел бы ослепнуть. Верю, но в этом нет необходимости, я и так слеп. Прости, мой милый, но если бы ты только знал. А я и знаю, знаю, я всю жизнь заглядывал людям в глаза, а ведь это единственная часть тела, где, быть может, еще пребывает душа, и если их тоже не станет, то. Завтра я объявлю, что вижу. Дай бог, чтобы ты в этом не раскаялась. Завтра всем скажу, потом помолчала и добавила: Если только сама не войду наконец в этот мир.

Но еще не сейчас. Когда жена доктора проснулась утром, как всегда, очень рано, глаза ее видели так же ясно, как и прежде. Все слепцы в палате спали. Она стала думать, как бы сообщить им, собрать ли, что ли, всех и огорошить новостью, или, может быть, лучше, обставить это потише, поскромней, сказать, например, будто не придавая особенного значения этим словам: Кто бы мог подумать, что сохраню зрение среди стольких ослепших, а еще лучше, может быть, притвориться, что была слепой, а теперь прозрела, это бы и им подало надежду: Если она прозрела, скажут они друг другу, то, глядишь, и мы тоже, но не исключено, что выйдет как раз наоборот: Ну, если так, уходи отсюда, скажут они ей, а она ответит тогда, что мужа оставить не может, а раз армия не выпустит из карантина ни одного слепца, значит, придется им согласиться, чтобы она осталась. Как всегда, под утро кое-кто из спящих заворочался на койке, пустил ветры, и нельзя даже сказать, испортил воздух, ибо это уже невозможно, должно бы и. уровень предельного насыщения достигнут. Позывающий на рвоту смрад шел волна за волною не только из уборных, его выпускали пропитанные собственным потом, протушенные в нем тела двухсот сорока человек, которые не мылись и мыться не смогли бы, не меняли белья и одежды, спали в грязи и собственных нечистотах. И кому нужны забытые здесь мыло, щелок, стиральный порошок, если почти все души, да нет же, не те, о которых вы подумали, засорены либо бездействуют, если из забитых водопроводных труб грязная вода идет обратно, заливая ваннные комнаты, пропитывая деревянные полы в коридорах, проступая между швами облицовки. Куда я лезу, с ума, что ли, сошла, засомневалась вдруг жена доктора, если даже они не потребуют, чтобы я их обслуживала, а это более чем сомнительно, я сама немедленно начну тут все мыть да чистить, и надолго ли меня

хватит, ведь в одиночку такую гору не сдвинешь. И прежняя ее решимость, казавшаяся совсем недавно тверже гранита, теперь, когда пришла пора от слов переходить к делу, вдруг стала трескаться, крошиться, осыпаться и рушиться от столкновения с гнусной действительностью, бившей в ноздри и оскорблявшей глаза. Мне страшно, вот и все, прошептала она почти в изнеможении, и потому лучше бы я ослепла и не корчила из себя миссионерку. Трое слепцов, и среди них – аптекарь, уже поднялись и отправлялись занимать позиции в вестибюле, чтобы получить причитающийся первой палате паек. Никак нельзя было утверждать, что распределение и дележка производятся на глазок, поскольку именно его-то и не было, то есть порцией меньше, порцией больше, нет, совсем наоборот, жалко смотреть, как, сбившись со счета, начинают они заново, и всегда найдется человек особо скверного и недоверчивого нрава, кому во что бы то ни стало надо удостовериться, что другим не досталось лишнего, и потому непременно возникали разногласия, а затем начинались отпихивания, слышались и две-три оплеухи, нанесенные, как и положено, вслепую. В первой палате все уже проснулись и готовы были получить корм, благо здесь уже установился относительно удобный порядок распределения: всю провизию сначала оттаскивали в самый конец палаты, где обосновались доктор с женой и девушка в темных очках с мальчуганом, звавшим мать, а потом слепцы отправлялись за своей долей по двое, начиная от ближайших ко входу коек, один слева, другой справа, вторая слева, вторая справа, и так вот по очереди, без ругани и толкотни, получали свое, и хоть времени на это уходило больше, но неужели ради мирного сосуществования нельзя немного подождать. И первые, то есть те, перед кем вся еда лежала на расстоянии вытянутой руки, съедали ее последними, если не считать, конечно, косенького мальчика, уж он-то со своей порцией всегда расправлялся еще прежде, чем девушка в темных очках принималась за свою, и в результате большая часть причитающегося ей неизменно оказывалась в желудке у него. Слепцы давно уже повернули головы к двери, ожидая, когда же раздадутся шаги товарищей, несущих еду, шаги хоть и нетвердые, но безошибочно возвещающие, что кто-то идет с кладью, однако внезапно слышались иные звуки, показалось даже, будто по коридору трусят рысцой, если такой подвиг по плечу или, вернее, по ноге слепцам, не

видящим, куда эту ногу ставить. И тем не менее ничего иного, как: Что у вас там стряслось, что вы бегом бежите, сказать не пришлось, когда все трое, запыхавшись и пытаясь протиснуться в двери разом, сообщили неожиданную новость: Нам не отдали еду, сказал один, и двое других подтвердили: Не дали. Кто, солдаты, спросил чей-то голос. Нет, слепые. Какие, мы все тут слепые. Мы не знаем, кто они, сказал аптекарь, но, кажется, из последней партии, из тех, кого доставили всех скопом Ну и почему же они вам не позволили забрать продукты, спросил доктор, до сих пор вроде бы хоть с этим сложностей не было. Они сказали, что, как раньше было, больше не будет, отныне кто хочет есть, должен платить. Стены палаты содрогнулись от возмущенных криков: Да быть такого не может. Отняли нашу еду. Ворье проклятое. Какой позор, обирать таких же слепцов, как они сами, не думал, что до живу до такого. Надо пожаловаться сержанту. Кто-то из самых решительных предложил всем вместе идти выручать свое законное достояние. Не так-то это будет просто, высказался аптекарь, их много, мне показалось, целая орава, и, что самое скверное, они вооружены. Как, чем. Ну, палки у них, по крайней мере, точно есть, по руке мне так саданули, до сих пор болит, сказал еще один из троицы. Надо попробовать уладить дело миром, сказал доктор, я пойду с вами, поговорю, думаю, это недоразумение. Пойдемте, провожу, сказал аптекарь, только, судя по тому, как они настроены, очень сомневаюсь, что они вас послушаются. Как бы то ни было, надо идти, не сидеть же здесь. Я с тобой, сказала жена доктора. Она заменила пострадавшего слепца, который считал, что уже выполнил свой долг, и потому остался в палате рассказывать остальным про это рискованное предприятие, еда – вот она, в двух шагах, а попробуй-ка взять, стоят стеной: Да еще с палками, особо подчеркивал он.

Двигаясь плечом к плечу, они прокладывали себе порогу среди слепых из других палат, и в вестибюле жена доктора с первого взгляда поняла, что никакие дипломатические переговоры сейчас невозможны и, скорей всего, возможны не будут никогда. Посреди вестибюля, плотным кольцом окружив коробки с продовольствием, выставив на манер штыков или копий палки и выломанные из спинок кроватей железные прутья, одни слепцы держали круговую оборону, противостояли отчаянному натиску других, которые беспорядочными

наскоками, не заслуживающими звания атаки, силились прорвать строй, пытались нащупать в ней брешь, оставленную случайно или по беспечности, и получали палками по вздетым и вытянутым рукам, иные же ползли на четвереньках, пока не утыкались в ноги неприятелю, встречавшему их ударами по спине или пинками. Не хочется даже и добавлять, что происходило это все вслепую, ибо как иначе могло бы это происходить. Картину боя дополняли негодующие вопли, яростные крики: Отдайте нашу еду. Требуем права на хлеб. Сволочи. Да что же это за паскудство такое. Да быть этого не может, и нашелся даже человек, столь наивный или по рассеянности забывший, где он, что крикнул: Вызовите полицию, хотя не исключено, что и полиция уже здесь, слепота, как известно, на профессии не смотрит, и двое известных нам блюстителей закона давно убиты и, хоть и с большим трудом, в землю зарыты. Влекомая абсурдной надеждой на то, что власть вмешается и вернет в сумасшедший дом порушенный мир, восстановит справедливость, порядок, спокойствие, одна слепая сумела подобраться к центральному входу и в буквальном смысле на ветер бросить отчаянный призыв: Помогите, у нас отнимают еду. Но солдаты если что и сделали, то лишь вид, будто ничего не слышат, ибо от капитана, побывавшего тут с инспекцией, сержант получил приказ предельно ясный: Ни во что не вмешивайтесь, пусть хоть поубивают друг друга. Слепая между тем исходила криком, похожим на те, которыми оглашались стены психушки в прежние времена, хоть и не была безумной, а всего лишь обезумела от чистого отчаянья. Осознав наконец всю тщету своих призывов, она, рыдая, повернула назад, не сознавая, куда идет, и тотчас подвернулась под удар, и дубинка, угодив ей по голове, свалила замятство. Жена доктора хотела было броситься, поднять ее, но в толчее не смогла сделать и двух шагов. Те слепцы, которые считали, что у них есть право есть, дрогнули и, теперь уже напрочь утратив способность ориентироваться, начали в беспорядке отступать, спотыкаться и натекаться друг на друга, падать, подниматься, снова падать, а кое-кто, измученный, избитый, скорченный от боли, больше и не пытаясь встать, сдавался, оставался лежать лицом в пол, в каменные его плиты. Тут жена доктора, к ужасу своему, увидела, как один из грабителей достал из кармана пистолет, резко поднял его дулом кверху. Пуля скovyрнула с потолка изрядный кусок штукатурки, обрушившийся на головы и

усиливший общее смятение. Стрелявший крикнул: А ну тихо, заткнулись все, если кто пикнет, буду стрелять, на кого бог пошлет, потом не жалуйтесь. Слепцы замерли. Сказано ведь уже было раз и навсегда, продолжал человек с пистолетом, жратвой отныне распоряжаемся мы, все слышали, и чтоб никому больше даже в лоб не влетало ходить за ней, в дверях поставим своих, кто попробует нарушить наш закон, пусть на себя пеняет, еда отныне будет продаваться, хочешь кушать, плати. Чем платить, спросила жена доктора. Я сказал, молчать всем, взревел тот, водя стволом пистолета из стороны в сторону. Но ведь мы же должны понять, как все это будет происходить, как мы будем получать еду, все вместе или каждый сам по себе. До чего ж деловая, заметил кто-то из бандитов, кокни ты ее, чтоб не выступала, одним ртом меньше будет. Давно бы кокнул, кабы глаза при мне были, ответил главарь, и потом, обращаясь ко всем: Разойдись, по палатам, давай-давай, пошевеливайся, двигай копытами, когда занесем жратву внутрь, скажем, что дальше делать. Но как же все-таки будет с платой, во что нам обойдется кофе с молоком и галета, не унималась жена доктора. Нет, ну она прямо нарывается, сказал тот же голос. Ладно, с ней потом разберусь, сказал главарь и уже другим тоном добавил: Значит, так, выделяете двоих с каждой палаты, сдаете им все, что есть ценного, все равно что, лишь бы денег стоило, все принимаем, деньги, кольца-перстни, цепочки-брелочки, серьги-бусы, часы, браслеты, у кого что есть, и они несут это все в третью палату левого крыла, мы там будем, и мой вам дружеский совет, не дай вам бог смухлевать, наперед знаю, что кое-кто постарается прикопать ценности, но я так скажу, этот номер не пройдет, мало соберете – жрать не получите, жуйте тогда свои банкноты, грызите брильянты. Слепец из второй палаты правого крыла осведомился: А скажите, как все же это будет организовано, мы отдадим все сразу или же будем вносить плату за каждый прием пищи. Я, видать, непонятно объяснил, рассмеялся главарь, сначала платите, потом кушаете, а дальше платить будете соответственно тому, на сколько наедите, бухгалтерия, конечно, та еще, мозги вывихнешь, так что лучше собрать да принести все одним разом, а мы посмотрим, сколько еды вы заслужили, только еще раз честно предупреждаю, не вздумайте что-нибудь припрятать, потому что вам это очень дорого станет, а чтоб не говорили, что, мол, нечестно поступаем, учтите, что, как все будет отдано, мы проверим,

все ли, ну и, если найдем хоть одну монетку, не обижайтесь, а теперь пошли отсюда, живо. Он вновь поднял пистолет и выстрелил. Отвалился еще один пласт штукатурки. А твой голос, деловая, я запомнил. И я твое лицо не забуду, ответила жена доктора.

Никто, похоже, не обратил внимания на эту нелепость: как можно не забыть лицо, если ты его не видишь. Слепцы уже поспешали по мере сил к дверям, и вскоре первой палате были уже предоставлены объяснения. Судя по тому, что мы слышали, сказал доктор, нам остается только подчиниться, пока, но крайней мере, их много и они вооружены. Мы тоже можем раздобыть себе чего-нибудь, заметил аптекарь. Ну да, ветки деревьев, если дотянемся, какие-нибудь оторванные от кроватей железяки, с которыми едва ли управимся, а у них имеется один, по крайней мере, пистолет. Я этим слепцам свое кровное отдавать не собираюсь, сказал чей-то голос. Я тоже, отозвался еще один. Ну, вот что, возразил доктор, либо все, либо никто. Выбора у нас нет, сказала его жена, и потом, здесь действует тот же самый закон, что навязали нам снаружи, на воле, кто не хочет платить, не платит, это его право, но в этом слу чае он и не ест, ибо нельзя питаться за счет других. Отдавать будем все, отдавать будем всё, сказал доктор А кому нечего, спросил аптекарь. Кому нечего, тот будет есть, что другие дадут, кто-то ведь верно рассудил, что от каждого по способностям, каждому по потребностям. После недолгого молчания раздался голос старика с черной повязкой: Кому же мы поручим это. Доктору, сказала девушка в темных очках. Голосовать не пришлось, вся палата оказалась единогодушна. Двоих надо, напомнил новоизбранный, есть желающие. Я могу, если больше никто не претендует, сказал первый слепец. Ну и прекрасно, давайте начнем, нам потребуется мешок, сумка, чемоданчик, что-нибудь в этом роде. Вот, и с этими словами жена доктора стала выкладывать из сумочки свою косметику и прочие дамские мелочи, положенные туда в ту пору, когда она и вообразить не могла, в каких условиях доведется жить. Среди тюбиков, флакончиков, коробочек, попавших сюда из другого мира, обнаружили и довольно длинные, с острыми концами, ножницы. Она и не помнила, как сунула их в сумочку, однако они там были. Жена доктора подняла голову. Слепцы ждали, доктор, отойдя к кровати первого слепца, переговаривался с ним, девушка в темных очках сказала мальчику, что скоро можно будет поесть, и, сунутый с детской и бесполезной

стыдливостью под прикроватную тумбочку, словно его все еще нужно было скрывать от посторонних взглядов, лежал на полу выпачканный кровью тампон. Жена доктора разглядывала ножницы, пытаясь понять, почему она это делает, почему смотрит так, как так, ну, так, и не находила этому никакого объяснения, а какое могло бы найтись объяснение в лежавших у нее на ладони обыкновенных длинных ножницах, в их никелированных лезвиях и тонких блестящих остриях. Нашла, спросил муж. Нашла, сказала она и одной рукой протянула сумочку, а другую, с зажатыми в кулаке ножницами, спрятала за спину. Ты что, спросил доктор, и она ответила: Ничего, а могла бы ответить: Ничего, что ты мог бы увидеть, наверно, тебя удивил мой голос, только и всего. Доктор вместе с первым слепцом приблизился, неуверенными руками принял сумочку и сказал: Ну, начинаем собирать, давайте у кого что есть. Жена расстегнула ремешок своих часов и браслет на запястье у доктора, вынула из ушей серьги, сдернула с шеи золотую цепочку, потянула с пальцев колечко с темно-красным рубином, потом обручальные кольца, свое и мужа, и снялись они неожиданно легко: Пальцы у нас похудели, подумала она, аккуратно уложила все в сумку, добавила взятые из дому деньги, несколько купюр разного достоинства и пригоршню монет. Все, сказала она. Ты уверена, спросил доктор, ничего больше нет, посмотри хорошенько. Ценного больше ничего. Девушка в темных очках прибавила свои сокровища, примерно все то же самое, плюс два браслета, минус обручальное кольцо. Жена доктора подождала, когда повернутся спиной муж и первый слепец, когда девушка в темных очках склонится над косеньким мальчуганом со словами: Представь, что я твоя мама, плачу за тебя и за себя, и отступила к стене. Вдоль нее, как и вдоль других стен, были там и сям вбиты длинные гвозди, предназначавшиеся для того, наверно, чтобы умалишенные вешали на них свои, бог знает какие, сокровища и мании. Она выбрала самый верхний и, с трудом дотянувшись, повесила на него ножницы. Потом села на кровать. Ее муж и первый слепец медленно подвигались к дверям по проходу между койками, останавливаясь у каждой, чтобы забрать то, что протягивали им слева и справа, одни повторяли, что это бессовестный грабеж, и были совершенно правы, другие избавлялись от своего достояния почти безразлично, словно считали, что, если поразмыслить, нет в мире ничего такого, что в абсолютном смысле принадлежало бы им

безраздельно, и это тоже, в сущности, была истина неоспоримая. Все собрав, доктор уже от самых дверей спросил: Все отдали, и несколько голосов с явной покорностью судьбе откликнулись: Да, а кто-то промолчал, и мы в свое время узнаем, не для того ли, чтобы не солгать. Жена доктора подняла глаза, увидела ножницы. Удивилась, что, повешенные за одно из колец на гвоздь, они оказались так высоко, словно и не она сама поместила их туда, и потом похвалила себя, что додумалась прихватить их из дому, теперь сможет подровнять бороду мужу, придать ему более приличный вид, раз уж попали в такие условия, где мужчина не может нормально побриться. Когда она перевела взгляд на дверь, двое уже исчезли в коридорной полутьме, направляясь в третью палату левого флигеля, куда было им велено явиться за покупкой еды. Еды на сегодня, на завтра и, может быть, на всю неделю. Ну а потом что, и вопрос этот остался без ответа, ведь мы же отдали все, что было.

Против обыкновения, коридоры были пусты, хотя обычно, только выйдешь из палаты, сейчас же и непременно зацепишься ногой, споткнешься, упадешь и будешь, пострадав, материть и проклинать без вины виноватых в твоём падении, а те ответят тем же, но близко к сердцу никто эту брань не принимает, всякий человек, а тем более слепой, имеет право облегчить душу. Впереди слышались шаги и голоса, и это наверняка были эмиссары второй палаты, исполнявшие такую же повинность. Что же это такое, доктор, спросил первый слепец, мало того что сами ослепли, так еще и угодили в лапы слепому вору, видно, судьба у меня такая, сначала машину угнали, теперь вот еду отнимают, да еще и пистолетом грозят. Пистолет создает существенную разницу. Да, но патроны-то кончатся рано или поздно. Как и все на свете, но в данном случае лучше, чтобы этого не произошло. Почему же. Потому, что патроны кончаются, когда их расстреливают, их, а значит, кого-то еще, а у нас и так убитых слишком много. Но мы попали в невыносимые обстоятельства. Причем уже давно, с той минуты, как оказались здесь, однако же ничего, выносим как-то. Вы оптимист, как я погляжу. Да нет, просто хуже, чем сейчас, быть не может. На сей счет у меня большие сомнения, предел этому нет. Вероятно, вы правы, сказал доктор, а по том, словно обращаясь к самому себе, добавил: Здесь скоро что-нибудь случится, и это высказывание содержало известное противоречие, либо и в самом деле

есть кое-что похуже теперешней нашей жизни, либо с какой-то минуты станет лучше, хотя никаких признаков этого пока нет. Судя по пройденному расстоянию, по количеству поворотов направо и налево, они приближались к третьей палате. Ни доктор, ни первый слепец прежде здесь не бывали, однако архитектурное решение предполагает некоторую логику, то есть симметричное расположение двух крыльев, или флигелей, или корпусов, и кто освоился в правом, тот и в левом не заблудится, и наоборот, стоит лишь здесь свернуть налево, если там сворачивал направо. Слышались голоса тех, кто шел впереди. Придется подождать, прошептал доктор. Почему. Эти, из третьей, захотят точно узнать, что и сколько им принесли, а они уже поели, так что торопиться не станут. Но вроде бы скоро обед. Если бы даже наши соседи по флигелю были зрячими, им это ничем бы не помогло, тем паче что и часов у них уже нет. Примерно через четверть часа, минутой больше, минутой меньше, обмен состоялся. Двое прошли мимо доктора и первого слепца, и по речам их было ясно, что не с пустыми руками: Осторожно, не урони, сказал один, а второй пробурчал: Этого на всех не хватит. Придется, стало быть, подтянуть ремешочек. Ведя рукой вдоль стены, доктор, на шаг впереди своего спутника, почувствовал наконец под пальцами дверной косяк. Мы из первой палаты правого крыла, сообщил он. Хотел было шагнуть через порог, но наткнулся на какое-то препятствие. Понял, что это кровать, призванная исполнять роль прилавка или стойки: Все обдумали заранее, не с бухты-барахты действуют, подумал он. Услышал голоса, шаги: Сколько же их, жена успела шепнуть, что человек десять, но, скорей всего, намного больше, не все же явились в вестибюль отбивать хлеб наш насущный. Тот, с пистолетом, наверняка главный, и это его подлый голос произнес сейчас: Ну, первая палата правого крыла, давай показывай, чего притаранил, а потом, потише, явно обращаясь к кому-то рядом: Оприходуй. Доктор растерялся. Что же может значить это слово, если не то, что кто-то здесь может писать, а следовательно, сохранил зрение, неужели в больнице уже двое зрячих. Следует быть поосторожней, завтра этот второй может незаметно оказаться с нами рядом, и эта мысль не слишком сильно отличалась от той, что пронеслась в голове у первого слепца: Если к пистолету прибавить соглядатая, мы пропали, они нам головы поднять не дадут. Главварь между тем уже открыл сумочку и проворно извлекал и сортировал ее

содержимое, на ощупь отделяя золотые вещицы от прочих, на ощупь же раскладывая купюры по достоинству, монеты по номиналу, что, наверно, нетрудно при длительном навыке, и лишь через несколько минут доктор смятенным слухом уловил характерный, одновременно и глуховатый, и звонкий звук, по которому сведущий человек мгновенно и безошибочно определит, что рядом кто-то иголкой прокалывает толстую бумагу насквозь, до какой-то железки, служащей пюпитром, то есть пишет по системе Брайля или, иначе говоря, владеет навыками анаглифии. И это значит, что среди слепых бандитов есть обычный слепой, такой же точно, как все, кто носил это имя прежде, до начала эпидемии, и что мелкаячеистая сеть подцепила его и загребла вместе со всеми, ибо не такое нынче время, чтобы разбираться, из прежних ты слепцов или из нынешних, и это ты бабушке своей будешь рассказывать, давно ли и как именно не видишь. Но как же несказанно повезло бандитам, мало того что счетовод к ним затесался, так еще и слепец старой школы, слепец, который прошел специальное обучение, годен в поводыри и навыками своими и умениями, как небо от земли, отличается от теперешних, золото, а не слепец. Опись продолжалась, и голос главаря время от времени справлялся у счетовода: Что скажешь, и тот, прерывая на миг труды, ощупывал предложенную на экспертизу вещь, выносил авторитетное суждение, например: Фальшак, и тогда главарь отвечал: Стало быть, попостятся, или, напротив: Годится, на что следовала реплика: С честными людьми одно удовольствие дело иметь. Наконец на прилавок были поставлены три коробки: Тащи в норку. Этого мало, поочередно потыкав пальцем в каждую, нам давали по четыре еще в самом начале, когда нас было шестеро, возразил доктор и, почувствовав па шее стальной холодок дула, в тот же миг оценил редкостные для слепого проворство и точность движений. В следующий раз как рот раскроешь, так одну коробку долой, а сейчас забирай, что дают, и пошел отсюда, скажи спасибо, что тебя вообще кормят. Ладно, пробормотал доктор, сгреб две коробки, третью взял первый слепец, и они, медленней, чем прежде, ибо шли с грузом, пустились в обратный путь. И вестибюле, по всем приметам – пустом, доктор сказал: Больше такого случая не представится. Вы о чем, спросил его спутник. Он приставил мне пистолет вот сюда, к шее, можно было попытаться вырвать его. Рискованно. Да не очень, я ведь знал, где ствол, а он мои руки видеть не мог. Ну и. Ну и вот, я уверен,

что в ту секунду из нас двоих он был слепее, чем я, жаль, не подумал об этом или подумал, но не решился. А потом, спросил первый слепец. Что потом. Ну, предположим, вы и в самом деле вырвали бы у него пистолет, не думаю, что вы сумели бы пустить его в ход. Сумел бы, будь я уверен, что это решит вопрос. А вы не уверены. Пожалуй, нет. Тогда лучше, чтобы оружие было у них, по крайней мере, пока они на нас не нападают. Угроза оружием – это уже нападение. Если бы вы завладели его пистолетом, началась бы настоящая война и мы едва ли унесли оттуда ноги. Вы правы, сказал доктор, я притворюсь, что принял в расчет все эти соображения. И еще, доктор, вы должны помнить о том, что сказали мне совсем недавно. И что же я сказал. Сказали – что-то должно случиться. Уже случилось, да я этим не воспользовался. Нет, не это, будет другое.

Когда же, войдя в палату, они должны были предъявить, сколь мало припасено для общего стола, нашлись такие, кто их стал винить в этой скудости, спрашивать, почему, мол, не потребовали больше, ибо для того их обоих и выбрали представителями всего сообщества. Доктору пришлось объяснять, как было дело, упоминать о незрячем счетоводе, о грубой несдержанности человека с пистолетом и, естественно, о самом пистолете. Тогда недовольные несколько снизили тон, а потом и вовсе признали, что защита интересов палаты передана в надежные руки. Раздали пайки, причем кое-кто не преминул, разумеется, заметить, что мало все же лучше, чем ничего, а, кроме того, по времени судя, уже скоро и обед. Плохо только, если мы разделим судьбу той коняги, которую хозяин приучал не есть и совсем уж было приучил, но тут она и околела, заметил кто-то. Остальные бледно улыбнулись в ответ, а еще кто-то сказал: Кстати, неглупо придумано, если только коняга эта, околевая, не знала, что околует.

Старик с черной повязкой вовремя сообразил, что его портативный радиоприемник, как в силу хрупкости своего корпуса, так и благодаря имеющимся сведениям о продолжительности его полезной жизни, не должен и не может быть занесен в список ценностей, подлежащих обмену на еду, рассудив, что, будет ли этот прибор действовать, зависит, во-первых, от того, есть ли внутри батарейки, а во-вторых, от их долговечности. По хриплому подвыву голосов, еще исходящему из него, можно предположить, что век его будет недолог и часы сочтены.

Однако старик с черной повязкой решил прекратить коллективные прослушивания еще и потому, что слепцы из третьей палаты левого крыла могли, внезапно нагрянув, высказать на этот счет иное мнение, руководствуясь не столько материальной ценностью этого пластмассового ящичка, которая определялась величинами, стремящимися к нулю, сколько, так сказать, сиюминутной пользой, а вот она как раз была велика невероятно, не говоря уж о высокой степени вероятности того, что где имеется один по крайней мере пистолет, там и батарейки найдутся. И объявил старик с черной повязкой, что отныне будет слушать свое радио сам, один, под одеялом, а если услышит что-нибудь интересное, расскажет всем. Девушка в темных очках просила, правда, дать ей послушать музыку, ну хоть немножко, просто чтоб не забыть, на что это похоже, однако старик остался неумолим и сказал, что гораздо важнее знать, что происходит в мире, а если кому нужна музыка, то пусть слушает ее в собственной своей голове, ибо зачем-то ведь дана человеку память. Прав, прав был старик с черной повязкой, ибо музыка, звучащая из приемника, царапала душу, как способно царапать только тяжкое, постыдное воспоминание, и потому в ожидании выпуска новостей он уменьшал звук до предела. Потом прибавлял немного, наострял ухо, чтобы не пропустить ни слова. А уж потом своими словами пересказывал услышанное ближайшим соседям, а те – своим, и так вот медленно, от кровати к кровати, обходили новости палату, неизбежно искажаясь от передачи к передаче, потому что важность сообщений подчеркивалась или затушевывалась в зависимости от того, насколько оптимистично был настроен каждый из этих живых трансляторов. И продолжалось так до тех пор, пока однажды не смолкли слова и старик с черной повязкой не обнаружил, что сказать ему нечего. Но не потому, что сели наконец батарейки или испортилось что-то в приемнике, нет, опыт прожитой жизни, да и не только его собственной, с исчерпывающей полнотой показал, что над временем никто не властен, машинки этой хватит ненадолго, и кто-то должен наконец замолчать прежде, чем смолкнет она. Весь день, первый день, прожитый под пятой злодеев, старик с черной повязкой на глазу принимал и передавал новости, па собственному разумению опровергая бодрую брехню официальных прогнозов и сообщений, и вот сейчас, к ночи, высунув наконец голову из-под одеяла,

прислушивался к хрипам, в которые из-за слабого электропитания превращался голос диктора, как вдруг голос этот сорвался на крик: Я ослеп, сменившийся тяжелым ударом по микрофону, чередой неразборчивых звуков, нечленораздельных восклицаний и наконец глухой тишиной. Единственная станция, которую здесь, в клинике, мог утлыми своими силами уловить приемник, замолчала. Но еще долго старик с черной повязкой прижимал ухо к безмолвной коробочке, словно ожидая, что голос вернется и выпуск продолжится. Впрочем, он догадывался, он знал наверное, что не будет этого. Белая болезнь поразила не одного лишь диктора. Как пламя, бегущее по запальному шнуру, стремительно и неуклонно настигала она одного за другим всех, кто был в студии. Тогда старик с черной повязкой швырнул приемник об пол. Если бы, почуяв утаенные драгоценности, явились сюда злодеи, то нашли бы здесь подтверждение тому, что совершенно правильно сделали, не включив портативные транзисторы в список ценных вещей. Старик с черной повязкой натянул на голову одеяло, чтобы поплакать без помехи.

Залитая грязновато-желтым светом слабых лампочек палата постепенно погружалась в глубокий сон, чему весьма способствовала кормежка, отныне происходящая трижды в день, что раньше бывало далеко не всегда, чтобы не сказать – только изредка. Вели так и дальше пойдет, придем мы в очередной раз к выводу, что и в самом злом зле, как искру – в золе, возможно отыскать толику добра, достаточную, чтобы сносить эти тяготы и беды, по отношению же к текущей ситуации это означает, что, вопреки первым тревожным предчувствиям, концентрация продовольствия в одних руках с последующим его распределением опять же из одного источника имеет и свои положительные стороны, что бы там ни твердили неисправимые идеалисты, которые по-прежнему предпочли бы бороться за жизнь сами, собственными средствами, даже если в результате такого упорства им и придется посидеть не жрамши. Не обременяя себя раздумьями о том, что ждет их завтра, не утруждая себя напоминанием о том, что кто вперед платит, тому не катит, а кто платит вперед, тому не прет, большинство обитателей всех палат крепко уснуло. А меньшинство, отчаявшись найти достойный выход из этого постыдного положения, тоже мало-помалу засыпает, взлелеяв перед сном надежду на пришествие светлого будущего, где житься будет не вольнее, так хоть сытнее. И в первой палате правого крыла бессонной оставалась только жена доктора. Лежа на койке, она вспоминала слова мужа о том, как ему вдруг показалось, что среди слепых злодеев есть один зрячий и его со временем могут использовать как соглядатая и лазутчика. Забавно, что больше они на эту тему не говорили, словно доктору и в голову не пришло, что собственная его жена тоже пока еще не утратила зрения. Вспомнила об этом она сама, но промолчала, не захотела произносить очевидное: То, чего он не сможет, смогу я. Что именно, спросил бы доктор, притворяясь, что не понял. И теперь, уставившись на висящие над головой ножницы, жена доктора сама себя спрашивала: Что толку от того, что я вижу. Толк в том, что познала ужас, который никогда прежде не смогла бы даже вообразить, толк в том, что желала ослепнуть, вот и все. Она осторожно приподнялась в кровати, села. Через проход спали девушка в темных очках и косоглазый мальчуган. Заметила, что койки их стоят очень близко одна к другой, наверняка это девушка в темных очках придвинула их вплотную, чтобы оказаться

рядом с мальчиком, если надо будет утешить его, утереть ему слезы, пролитые по исчезнувшей матери. Как же я-то не сообразила сдвинуть кровати, подумала она, мы спали бы вместе, и я не боялась бы постоянно, что он свалится во сне, взглянула на мужа, который спал тяжелым сном человека, умученного вконец. Она не успела сказать ему, что, оказывается, прихватила из дому ножницы и сможет теперь подстричь ему бороду, ибо с такой работой справится и слепая, если, конечно, не будет щелкать лезвиями у самой кожи. И тотчас нашла тому, что не сказала, прекрасное объяснение: Все мужчины выстроятся в очередь, и я буду целыми днями стричь им бороды. Она развернулась, спустила ноги на пол, нашарила туфли. Хотела было надеть, но вдруг остановилась, мотнула головой и бесшумно отставила их под кровать. Вышла в проход и медленно двинулась между кроватями к двери. Босые ступни липли к загаженному полу, но она знала, что снаружи, в коридоре, будет еще хуже, и namного. Огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что никто из слепцов не проснулся, хотя не имело ни малейшего значения, спит или бодрствует один, другой или хоть вся палата, раз идет она совершенно бесшумно, а если бы даже и не бесшумно, все равно, какая разница, всякому известно, как требовательны бывают естественные потребности, которые времени для удовлетворения не выбирают, ну, и в общем, не хотелось бы только, чтоб проснувшийся муж успел спросить: Куда идешь, вопрос, который вкупе с другим: Где была, мужчины задают чаще всего. Одна из слепых полусидела в кровати, прижавшись спиной к низкому изголовью, уставив невидящий взгляд в стену, и не почувствовала ее присутствия рядом. Жена доктора на миг задержалась, боясь тронуть эту невидимую ниточку, парящую в воздухе, как будто это прикосновение могло оборвать ее непоправимо, навсегда. Как бы уловив легчайшее дуновение, слепая подняла и сейчас же вяло опустила руку, довольно и того, что храп соседей не дает уснуть. Жена доктора пошла дальше, ускоряя шаги по мере приближения к двери. Прежде чем двинуться к вестибюлю, оглядела коридор, куда выходили палаты этого крыла, а дальше, в глубине, находились уборные, потом кухня и наконец столовая. Вдоль стен расположились несколько слепцов, которым не хватило кроватей, хотя это лишь следствие того, что им прежде всего не хватило силы и настырности ввязаться в борьбу за эту самую кровать, ввязаться и

победить, а может быть, они при штурме просто оказались позади. В десяти метрах лежал, вдвинувшись меж разведенных ног слепой, слепой, оба, вероятно, относились к числу людей стеснительных и старались делать свое дело как можно тише, однако не требовался особо изоощренный слух, чтобы понять, чем они занимаются, тем более что наставал миг, когда уже не вмоготу сдерживать вскрики и стоны, неразборчивое бормотание, лепет и прочие внятные признаки того, что они весьма близки к тому, чтобы завершить, или, если угодно, кончить. Жена доктора постояла немного, глядя на эту пару, и не потому, что позавидовала им, благо имела мужа, а от мужа удовлетворение, нет, а руководствуясь чувством иной природы, объяснить которое сама затруднилась бы, и чувство это было близко то ли к симпатии: Не обращайтесь на меня внимания, продолжайте, я тоже знаю, что это такое, думала она, то ли к состраданию: Даже если бы этот миг высшего наслаждения продолжался всю вашу жизнь, никогда вам двоим не стать единым существом. Слепые, уже разъединясь, лежали теперь рядом, но все еще держались за руки, они были молоды и, вероятно, влюблены, может быть, пошли в кино и там ослепли, а может быть, чудесная случайность свела их здесь, но как же тогда они узнали друг друга, что за вопрос, по голосу, разумеется, не только ведь голос крови не нуждается в глазах, любви, которая, как принято говорить, слепа, тоже есть что сказать. Но скорей всего, обоих схватили одновременно, так что руки их сплелись не сейчас, а были сплетены с самого начала.

А собственные руки жена доктора со вздохом поднесла к глазам, пришлось это сделать, потому что вдруг все расплылось перед ними, однако она не испугалась, ибо знала, это всего лишь слезы. Потом пошла дальше. Оказавшись в вестибюле, направилась к выходу во двор. Выглянула. За воротами был свет, и, черный против света, виднелся силуэт часового. В домах на другой стороне улицы все окна были темные. Вышла на площадку крыльца. Это нестрашно. Солдат, если и заметит ее, будет стрелять, только когда она, спустившись по ступенькам, пойдет дальше, не остановится после оклика и оборвет еще одну невидимую нитку, которой часовой как бы обозначил границу поста и меру своей безопасности. Успев привыкнуть к неумолчному шуму в палате, жена доктора поразилась тишине, которая словно бы заполнила пространство, принадлежащее отсутствующему человечеству, что в полном составе исчезло, оставив

свет у ворот больницы и часового, призванного охранять его, ее и кучку мужчин и женщин, которые не могут видеть. Она села на крыльце, привалясь спиной к двери, так же, как сидела в кровати та слепая, и так же устремила взгляд перед собой. Ночь была холодная, вдоль фасада посвистывал ветер, и казалось невероятным, что он еще есть на свете, что ночью может быть темно, и она не сказала себе, но подумала о слепцах, для которых белый день длится круглые сутки. На свету возник еще один силуэт, наверно, смена пришла: Без происшествий, скажет солдат, отправляясь спать в палатку на весь остаток ночи, и невдомек ему и всем, что происходит за этой дверью, наверно, и выстрелов слышно не было, такой пистолет тихо бьет. А ножницы – еще тише, подумала жена доктора. Она не спросила себя, откуда вдруг приплыла эта мысль, а только удивилась, что так долго медлило первое слово, прежде чем появиться, так неспешно возникли следующие, и что ей показалось, будто вся фраза уже находилась здесь раньше, здесь, то есть неизвестно где, и только слов, ее составляющих, не хватало, подобно тому, как тело, растянувшись в постели, находит удобную вогнутость, уже давно приготовленную ему самим намерением в эту самую постель лечь. Солдат подошел к воротам, и, хоть стоял против света, жена доктора заметила, что он смотрит в ее сторону, внимание его привлекла, наверно, фигура на крыльце, но в такой темноте не увидишь женщину, которая сидит на каменном крыльце, обхватив руками колени и опустив на них голову, и тогда солдат направил в ту сторону луч фонаря и убедился, что да, так и есть, это женщина, она поднималась во весь рост так же медленно, как чуть раньше проникала в ее сознание мысль о ножницах, чего солдат, разумеется, знать не мог в отличие от того, что боится этой фигуры, которая вроде бы вовеки не распрямится, и спросил себя, не надо ли поднять тревогу, но тут же решил, не надо, это всего лишь женщина и к тому же далеко, но на всякий случай, мало ли что, надо бы взять ее на прицел, но для этого пришлось поставить фонарь, и тут от неловкого движения сноп ярчайшего света ударил ему прямо в глаза и будто обжег сетчатку, ослепив на мгновение, а показалось, что навсегда. Когда солдат вновь обрел способность видеть, женщина уже исчезла, лишив его возможности сказать смене: Без происшествий.

А жена доктора уже в левом флигеле, в коридоре, и он выведет ее к третьей палате. И здесь слепцы тоже спят на полу, и таких здесь

больше, чем в правом крыле. Она идет медленно и бесшумно, чувствует, как ступни прилипают к полу. Заглядывает в двери двух первых палат и находит то, что и ожидала, – очертания фигур под одеялами, слепца, который никак не может уснуть и с отчаяньем говорит об этом под прерывистые переливы соседского храпа. Ну а запах, окутывающий все, ее не удивляет, так пахнет во всем здании и от нее самой, от ее тела, от одежды, которую носит. Свернув за угол, она попадает в тот отрезок коридора, где расположена третья палата, и останавливается. У дверей и здесь стоит часовой, слепец с дубинкой в руке. Он медленно машет ею в воздухе, из стороны в сторону, как бы перекрывая путь всякому, кто попытается шагнуть через порог. Здесь вдоль стен нет спящих, коридор пуст. Слепец у двери продолжает помахивать дубинкой, кажется, он никогда не устанет от этих однообразных движений, но нет, через несколько минут переложил ее из руки в руку и начал снова. Жена доктора прижалась к противоположной стене, чтобы не задело. Но дуга, которую прочерчивает в воздухе дубинка, не достигает и середины коридора, и женщине хочется сказать часовому, что оружие его разряжено. Она стоит прямо напротив него и может заглянуть в палату. Там заняты не все кровати. Сколько же их, подумала она. Сделала еще шаг вперед, рискуя попасть под маятниковый размах дубинки, и снова остановилась, а слепец повернул к ней голову, словно почуял что-то необычное, какое-то колебание воздуха или уловил ее дыхание. Рослый, с крупными ручищами, он сначала вытянул руку с дубинкой в пустоту перед собой, сделал несколько взмахов, потом шагнул вперед, и на миг жене доктора показалось, что он видит ее и просто примеривается, как подручней нанести удар. Эти глаза не могут быть слепыми, в испуге подумала она. Да могут, могут, глаза как глаза, такие же, как у всех, кто заключен в эти стены, помещен под этот кров, у всех, у всех, кроме нее. Тихо, почти беззвучно слепец спросил: Кто здесь, нет, не окликнул, как положено: Стой, кто идет, чтобы услышать в ответ: Свои, и отозваться: Стой, обойти вправо, здесь устав караульной службы не действует, и потому лишь покачал головой, словно говоря себе: Что за дурь такая, никого здесь нет и быть не может, все спят. Ощупывая воздух свободной рукой, чуть попятился к двери и, успокоенный собственными словами, опустил дубинку. Его клонило в сон, он уже давно ждал, когда кто-нибудь из товарищей

придет ему на смену, но для этого нужно было, чтобы кто-нибудь из товарищей этих, разбуженный внутренним голосом долга, проснулся сам, ибо нет здесь ни будильников, ни возможности пользоваться ими. Жена доктора неслышно приблизилась к двери с другой стороны, заглянула в палату. Да, не заполнена и наполовину. Быстро прикинула и получилось – человек девятнадцать-двадцать. В глубине громоздились коробки с продуктами, другие были сложены на кроватях. Копят еду, не раздают все, что получают, подумала жена доктора. Часовой снова словно обеспокоился, но никаких действий не предпринял. Минуты шли. Кто-то раскатился сильным кашлем курильщика. Часовой обрадованно завертел головой, может, теперь его сменят и он пойдет спать. Но никто из лежавших не вставал. Тогда он медленно, словно боясь, что его застигнут на месте преступления, выразившегося в нарушении единым махом всех пунктов, регламентирующих поведение часового на посту, присел на край кровати, перекрывавшей вход в палату. Поклевал немного носом, а потом нырнул в реку сна и, погружаясь в нее с головой, подумал, наверно: Ничего, все равно никто не видит. Жена доктора снова пересчитала обитателей палаты: Вместе с часовым двадцать человек, что ж, по крайней мере, она добыла достоверные сведения, ночная вылазка не прошла впустую. Но неужели я только за ним сюда пришла, спросила она себя и ответа не получила. Часовой спал, прижавшись щекой к косяку, выпавшая из его руки дубинка чуть слышно стукнулась об пол, и перед женой доктора был просто безоружный слепец. Она принуждала себя думать, что этот человек украл еду, что отнял у других законное, но праву принадлежащее им достояние, что из-за него будут голодать дети, но, даже и вспомнив все это, не сумела вызвать в себе ни злости, ни даже легкого раздражения, а чувствовала только странную жалость при виде обмякшего тела, откинутой назад головы, длинной, со вздувшимися жилами шеи. Впервые за все это время ее вдруг пробрала дрожь, показалось, что каменные плиты пола, как льдом, обжигают босые ступни. Только еще простыть не хватало, подумала она. Да нет, это не жар, а просто бесконечная усталость, желание свернуться, спрятаться в самое себя, да, и глаза, особенно глаза, глаза пусть обернутся внутрь, еще, еще, еще, чтобы различить наконец внутренность собственного мозга, где разница между способностью и неспособностью видеть становится на вид невидимой.

Медленно, еще медленней прежнего, протащила она свое тело назад, на положенное ему место, миновав сомнамбулически бредущих слепцов, которые, наверно, и ее принимали за лунатичку, так что даже не нужно было притворяться слепой. Двое влюбленных уже не держались больше за руки, а спали на боку, прильнув друг к другу, чтобы сохранить тепло, и ее тело было заключено как бы в раковину, образованную его телом, и, всмотревшись, жена доктора поняла, что ошиблась: нет, они все-таки держались за руки, он обхватил ее сверху, и пальцы были переплетены. В палате слепая, которая тогда не могла уснуть, по-прежнему сидела в кровати, дожидаясь, когда усталость тела станет такою, что сломит упрямое сопротивление духа. Все остальные вроде бы спали, причем кое-кто укрылся с головой, словно продолжая искать недостижимую тьму. На тумбочке у кровати девушки в темных очках стоял пузырек с каплями. Глаза у нее уже выздоровели, только она об этом не знала.

Если бы слепец, которому поручено регистрировать незаконные поборы, производимые разбойничьей палатой, решился бы под внезапным воздействием некоего озарения, осветившего потемки его сомнительной души, перебраться в правый флигель со своими письменными принадлежностями, то есть железным пюпитром, толстой бумагой, иглой, то, безо всякого сомнения, он был бы занят теперь сочинением поучительного и прискорбного повествования скверном и скудном питании и многих других тяготах, переносимых, причем – с места на место, его новыми, как липка ободранными, дочиста ободранными товарищами. И начал бы с того, что там, откуда он пришел, хватчики не только выкинули вон из своей палаты прежних, добропорядочных ее обитателей, дабы полноправно править, самовластно владеть всем этим пространством, но еще и воспретили насельникам двух других палат левого крыла доступ в соответствующие места общего пользования. И продолжил бы тем, что такое бессовестное и подлое бесчинство немедленно привело к наплыву всех этих обездоленных в сортиры правого крыла, и последствия такового нашествия легко представит себе читатель, не успевший еще забыть, в каком состоянии пребывали эти заведения прежде. И отметил бы, что на заднем дворе теперь шагу не ступить, чтоб не наткнуться на слепцов, претерпевающих скорби потуг, которые

принято именовать тщетными, ибо сулят много, но не увенчиваются, в сущности, ничем, или, напротив, слепцов, исходящих поносом, и, будучи по природе своей склонен к сопоставлению природных явлений, не смог бы не удивиться, кстати, вопиющему противоречию между скудостью поглощенного и обилием выделенного, что, вероятно, навело бы его на мысль о том, что доверять пресловутой, столько раз помянутой выше логике причинно-следственной связи, по крайней мере в аспекте количественном, можно не всегда. И еще занес бы в свои летописи, что, пока третья, разбойничья палата буквально ломится от продовольствия, все остальные обездолены и в самом скором времени принуждены будут подбирать с загаженной земли крошки. И, верно, не преминул бы слепой счетовод осудить, пребывая в двойном качестве участника событий и историографа их, совершенно преступное поведение слепых бандитов, которые предпочитают, чтобы еда испортилась, нежели досталась тем, кто столь остро в ней нуждается, поскольку если иные из этих продуктов могут на протяжении нескольких недель оставаться пригодными к употреблению, то иные, особенно из числа прошедших кулинарную обработку, киснут, если не съесть их немедленно, тухнут, плесневеют и делаются, следовательно, опасны для жизни, если, конечно, это можно назвать жизнью. И, сменив предмет, но не тему, с душевной болью занес бы он в свои анналы, что цветут здесь отнюдь не только болезни кишечного-желудочного тракта, проистекшие от недостаточного и неправильного питания или скверной, извините за неблагозвучие, усвояемости поглощенного, ибо не все доставленные сюда были при всей своей слепоте здоровы, хоть и попадались такие, кто мог бы здоровье свое продавать, но даже и они теперь, как и другие, простерты на своих убогих лежаках, страдая от жестокого гриппа, неизвестно кем занесенного в эти стены. И ни в одной из пяти палат днем с огнем не сыщешь облатки аспирина, чтобы сбить температуру, унять жутчайшую головную боль, потому как все, что было, давно кончилось, и не ищи, не завалилось ли чего за подкладку дамских сумочек. И, движимый сугубой осторожностью, отказался бы наш хронист продолжать разнообразно скорбный перечень прочих недугов, терзающих многих из этих почти трехсот человек, которые мучаются в таком бесчеловечном карантине, но все же упомянул бы о двух случаях довольно запущенного рака, не тронувших сердце властей в час, когда

отлавливали и свозили сюда слепцов, и они, власти эти, сказали даже, что закон, он, мол, один для всех, а демократия, она, мол, несовместима с какими-то особыми условиями. А врач среди этого множества людей, не иначе как по особому коварству судьбы, оказался всего один, да к тому же еще и глазной, то есть именно такой, какого нам меньше всего надо. Дойдя до этого места, слепой счетовод, утомясь описывать все беды и злосчастья, бросил бы на стол металлический свой пробойник и дрожащей рукой принялся бы нашаривать черствый ломоть хлеба, который отложил в сторонку, пока исполнял обязанности летописца конца времен, однако искомого бы не обрел, ибо его уже нет, украл другой слепец, вы подумайте, как может в этих обстоятельствах пригодиться хорошо развитое обоняние. И тогда, обругав себя за не к месту возникшее братское чувство, отринув благой порыв солидарности, повлекший его в правое крыло, решит слепой счетовод, что лучше поскорей вернуться, пока не поздно, в крыло левое, в третью его палату, ибо там, как бы ни пылал праведным негодованием его разум, хотя бы голодать не будет.

Насчет голода, кстати, это не метафора. Всякий раз, как посланные за едой возвращаются с той ничтожной малостью, которую получили, поднимается в палатах яростный крик. Непременно находится кто-нибудь, кто предложит программу совместной борьбы, хорошо организованное коллективное выступление, массовую акцию, приведя в качестве самого сокрушительного довода диалектическую способность воли, которая обычно лишь служит дополнением к другой воле, в определенных обстоятельствах умножаться до бесконечности. Однако страсти утихают уже очень скоро, стоит лишь самому благоразумному из обитателей палат, в законном стремлении уяснить соотношение выгод и рисков предложенной акции, напомнить энтузиастам простую и объективную истину, а она в том, что воздействие огнестрельного оружия, как правило, оказывается убийственно эффективным: Те, кто будет в первых рядах, говорит благоразумный, должны знать, что их ждет, а кто в задних, пусть даже и не пытаются вообразить себе, что только начнется, едва лишь грянет первый выстрел, а второго и третьего даже и не понадобится, мы все просто передавим друг друга. В качестве полумеры или промежуточного решения, принятого в одной из палат и поддержанного другими, придумали, что в следующий раз отправят за

едой не тех, кого обычно посылали, а усиленный отряд, человек из десяти-двенадцати, и вот они-то постараются сводным хором довести до сведения разбойников всю степень всеобщего недовольства. Стали вызывать добровольцев, но, вероятно, опасения людей осторожных так запали в душу всем, что ни в одной из других палат не нашлось желающих идти своей охотой. Слава тебе господи, это очевидное свидетельство слабости духа не возымело никакого значения и даже не заставило никого устыдиться, ибо вскоре, подтверждая пагубность опрометчивых шагов, распространилось известие о том, чем именно окончилась экспедиция, предпринятая палатой, где и зародилась эта идея. Восемь храбрецов, решившихся высказать претензии, побили палками и прогнали восвояси, и если правда, что выстрел был всего один, то, не в пример прошлому разу, произведен не в воздух, ибо жалобщики дружно клялись, будто пуля просвистела у них над самой головой. О том, имелось ли в виду стрелять на поражение, мы, бог даст, узнаем в свое время, а пока давайте укроем стрелка под сенью благодетельного сомнения, а иными словами, изберем одно из двух: либо это и в самом деле было всего лишь предупреждение, хоть и очень серьезное, но главарь ошибся в отношении роста ходатаев, сочтя его меньшим, нежели в действительности, либо – и вот это уже внушает тревогу – наоборот, взял несколько выше, чем нужно, и последний случай следует со всей неизбежностью признать не чем иным, как покушением на убийство с заранее обдуманной намерением. Оставив в стороне эти частные вопросы, перейдем к более общим, то есть затрагивающим интересы большинства, и скажем, что исключительно божьим промыслом можно объяснить заявление ходочков о том, что они представляют палату номер такой-то. И потому она одна вынуждена была поститься трое суток, и еще, считай, повезло, могли бы вообще навсегда без еды оставить, что, в общем, справедливо, ибо нечего кусать руку, которая тебя кормит. И обитатели мятежной палаты принуждены были все эти трое суток мыкаться от двери к двери и клянчить ради всего святого хоть корочку хлебца и, если возможно, с чем-нибудь сверху, и с голоду они, конечно, не померли, но уж наслушались вдоволь и досыта: Так вам п надо, нечего дурью маяться, Страшно подумать, что мы бы вас послушались, но хуже всего, когда им говорили: Потерпите, потерпите, нет слов более невыносимых для слуха, лучше бы уж просто обругали. Когда

же минули три дня, отведенные под наказание, и поверилось, будто рождается новый день, оказалось, что несчастная палата, где обитали все сорок бунтарей, вроде бы все же не прощена, потому что еду, которой раньше едва хватало на двадцать человек, урезали настолько, что и десять не накормишь. Можете себе представить ярость и гнев, но также и, битой собаке только плеть покажи, страх, объявивший прочие палаты, которые уже оказывались в осаде нуждающихся и теперь разрывались между классическими догматами человеческой солидарности и столетней выдержки предписанием, гласившим, что истинное милосердие начинается с тебя самого.

Так обстояли дела, когда из третьей палаты поступило требование собрать и вручить новую дань, поскольку, по логике бандитов, стоимость еды давно превысила первоначальный оброк, который к тому же по их же, бандитов, доброте и широте душевной оприходован был с большим походом. Палаты удрученно ответили, что у них нет больше ни единого медного грошика, что ценности все до единой цацки собрали и отдали и что – это, честно говоря, был аргумент довольно постыдный – никак нельзя признать взвешенным и разумным решение намеренно не учитывать разницу между взносами, вовсе не эквивалентными друг другу, что в переводе на обычный язык значило: Не пристало праведнику платить за грешника, и вообще, дружба дружбой, а табачок врозь, и нехорошо лишать еды тех, кому ты еще остался должен. Никто, разумеется, не знал, сколько именно внесли в бандитскую кассу другие, но каждый был уверен, что уж ему-то еда причитается по праву, даже если у соседа по койке кредит давно исчерпан. К счастью, затлевшей распре не суждено было разгореться, ибо злодеи недвусмысленно дали понять, что приказ их относится ко всем без исключения, а разница если и была, то осталась тайной, запрятанной в бухгалтерских ведомостях слепого счетовода. В палатах шли острые и ожесточенные дискуссии, перераставшие иной раз в потасовки. Высказывались обвинения в том, что кое-кто себялюбиво и коварно припрятал часть ценностей и, стало быть, питается за счет людей, все отдавших на благо сообщества. Им отвечали, используя в личных целях аргументацию, которая до сей поры служила коллективу, что отдали, мол, столько, что могли бы сладко и сытно есть еще много-много дней, а не содержать захребетников и паразитов. Высказанная же бандитами угроза произвести ревизию всех палат и покарать

укрывателей была в конце концов приведена в исполнение. Никаких особых сокровищ не нашли, однако обнаружили сколько-то часов и колец, причем по большей части мужских, а не дамских. Что касается обещанной кары, то свелась она к нескольким, на месте преступления отвешенным оплеухам и затрещинам и неточно направленным зуботычинам, больше же всего слышалось различных оскорблений, в числе коих предьявлен был дивный образец старинной обвинительной риторики: Ты бы и мать родную донага раздел, представьте себе, какой это позор, но также и много других, столь же мало сообразующихся с действительностью, ибо, чтобы увидеть, как совершены будут эти пакости, пришлось бы дожидаться, когда нее ослепнут и вслед за светом очей померкнет и свет приличия. Злодеи взимали плату, обещая лютые казни и репрессалии, однако обещания свои так никогда и не исполнили, вероятно, по забывчивости, поскольку, как не замедлило выясниться, уже роились у них в голове новые плодотворные замыслы. А если бы исполнили, то, глядишь, новые несправедливости, еще больше осложнив ситуацию, привели бы к самым драматическим последствиям, потому что две палаты для сокрытия своей вины в сокрытии ценностей назвались другими номерами, взвалив ее вместе с бременем ответственности на палаты, в плутовстве не замешанные и, более того, до такой степени честные, что одна, по крайней мере, все сполна отдала в первый же день. И, опять же по счастью, устроило и правых и виноватых, что во избежание лишней мороки слепой счетовод решил записать отдельно, на особом листе, от кого сколько и чего поступило в казну, ибо, занеси он сведения о новых поступлениях на соответствующую страницу ведомости, неравномерность этого фискального сбора просто бросалась бы ему в незрячие его глаза.

Прошла неделя, и злодеи оповестили, что хотят женщин. Так вот, просто: Женщин хотим. Как легко себе представить, это нежданное, хоть и не вовсе необычное требование, вызвало взрыв такого негодования, что ошеломленные эмиссары, принесшие его, вынуждены были тотчас вернуться и заявить, что три палаты правого корпуса, две палаты левого, равно как и слепцы обоого пола, ночующие из-за нехватки кроватей на полу в коридоре, единодушно постановили не удовлетворять наглое притязание, попирающее человеческое достоинство, а в данном случае – и женскую честь, ибо на них никак невозможно возложить ответственность за то, что в

третьей палате левого крыла нет женщин. Последовал краткий и сухой ответ: Не дадите – жрать не дадим. Униженные посланцы вернулись в палаты и сообщили: Либо пойдут, либо мы все с голоду умрем. Женщины одинокие, то есть те, у кого либо вообще не было пары либо партнеры часто менялись, в возмущении закричали, что не собираются платить за прокорм чужих мужей своим, так сказать, телом или частью его, известно где расположенной, а одна, окончательно отринув приличествующее ее полу целомудрие, имела бесстыдство заявить: Я сама себе хозяйка, и мне решать, идти туда или нет, но, что получу, никому не отдам, себе возьму, а понравится, так и вообще останусь с ними жить, по крайней мере сыта буду. Именно так высказала она свое отношение, однако от слов, хоть и вполне недвусмысленных, к делу не перешла и, вовремя спохватившись, представила, какво это в одиночку утолять любовный пыл двадцати вконец разнуздавшихся жеребцов, с цепи сорвавшихся кобелей, ослепленных, хотя, спрашивается, куда уж больше слепнуть-то, похотью. Впрочем, тут же в очередной раз подтвердилось, что слово – не воробей, и на нем, на слове этом, столь легкомысленно прозвучавшем в стенах второй палаты правого крыла, поймал ее один из эмиссаров, отчего-то сильнее прочих проникшийся своеобразием ситуации и предложивший, чтобы кто-то вызвался идти добровольно, ибо если в охотку, то, какую мерзость ни делай, лучше выйдет, чем по принуждению. Лишь в самый последний миг остатки благоразумия, крохи осторожности заградили ему уста, с которых чуть-чуть бы еще – и сорвалось известное изречение: По своей воле и пройдешь подоле, но, хоть и вовремя прикусил он язык, все равно немедленно грянул взрыв возмущенных воплей, и исполненные праведного гнева женщины налетели со всех сторон, фуриями накинулись на мужчин и без жалости и сострадания просто смешали их с грязью, обозвав, в зависимости от уровня собственной образованности, стилевых пристрастий и общей культуры, козлами, скотами, слизняками, пиявками, упырями, эксплуататорами, сводниками, сутенерами. Многие горько раскаивались в том, что, единой жалости ради, повинуюсь исключительно чистому чувству милосердия, пошли, так сказать, навстречу притязаниям, уступили домогательствам своих товарищей по несчастью, а те вон как их теперь отблагодарили, вот какую злую долю уготовили. Мужчины пытались оправдываться,

блеять, мол, все совсем не так, не надо драматизировать, что, черт возьми, вы тут развели, мы думали, вы понимаете, что обычай требует сначала вызывать тех, кто добровольно пойдет на опасное и трудное дело, а что, разве не так: Ведь голодная смерть всем грозит, и вам, и нам. Женщины, этими доводами призванные образумиться, притихли было, но тут нашлась такая, кого они только пуще распалили, она-то и плеснула маслица в огонь, вскричав с горькой насмешкой: А если б они потребовали себе не женщин, а мужчин, что бы вы стали делать, а, расскажите-ка, мы послушаем. Прочие с новыми силами подхватили хором: Да, да, расскажите, радуясь, что приперли мужчин к стене, загнали в ту самую логическую ловушку, которую те уготовили им, и намереваясь посмотреть, как далеко способно завести их хваленое мужское самосознание. Здесь педерастов нет, осмелился возразить один из них, и: И потаскух – тоже, отбрила его задавшая провокационный вопрос, да и были бы, думаю, они бы вами погнушались. Мужчины беспокойно ёжились, твердо зная тот единственный ответ, который мог бы удовлетворить мстительное бабье: Мы бы пошли, но ни один из них не отважился выговорить вслух эту краткую, ясную и раскованную фразу, и сколь же велико было их смятение, если они даже не вспомнили, что могли бы, в сущности, и произнести ее безо всякого для себя риска, поскольку эта мразь из третьей палаты отдает предпочтение женщинам, ну да, предпочтение отдает, а их самих, наоборот, берет.

Да, мужчины не вспомнили, зато вспомнили женщины, ибо чем иным можно было объяснить тишину, которая мало-помалу объела палату, где бурлила эта стычка, вспомнили и словно бы поняли, что для них победа в словесной перепалке ничем не отличается от поражения, а оно не замедлит, и, надо полагать, в прочих палатах происходила такая же полемика, поскольку известно, что рассуждения человеческие часто повторяются, как, впрочем, и безрассудства. А здесь финальная реплика принадлежала женщине лет, наверно, уже пятидесяти, находившейся в карантине вместе со старенькой матерью, которую надо ведь чем-то кормить: Я пойду, сказала она, не зная, что слова ее эхом откликнулись на те, что сию минуту произнесены были женой доктора в первой палате правого крыла: Я пойду, где протесты были не столь бурными оттого, наверно, что женщин мало, и в самом деле, жена первого слепца, девушка в темных очках, регистраторша,

горничная из отеля, потом та, про кого ничего не известно, да еще та, которая не спит по ночам, но она, впрочем, уж такая несчастная, такая убогая, что лучше бы, право, оставить ее и покое, освободить от этой повинности, дело известное, от женской солидарности мужчины – в проигрыше. Первый слепец завел было речи о том, что жена его не опозорит себя, не отдаст свое тело неизвестно кому во имя чего бы то ни было, что не захочет пойти на это, да и он не допустит, что достоинство и честь ценнее всего остального, что стоит лишь раз поступиться чем-то на первый взгляд пустячным, как утратишь вскоре и самый смысл жизни. Доктор спросил его тогда, какой смысл усматривает он в жизни, где сложилась ситуация, в которую сейчас попали они все, голодные, до ушей заросшие грязью, заеденные вшами, искусанные блохами, заживо сожранные клопами: Может быть, и я свою жену не хочу отпускать туда, но от моего хотения ничего не изменится, она сказала, что пойдет, и это ее выбор, и я знаю, что моя мужская гордость, то, что мы называем мужской гордостью, если после всех этих унижений сохранилось нечто, заслуживающее этого названия, так вот, моя мужская гордость пострадает, уже пострадала, и это неизбежно, но, вероятно, иначе просто не выжить. Каждый поступает в соответствии со своими моральными принципами, я думаю не так, как вы, и менять свои убеждения не собираюсь, довольно запальчиво ответил первый слепец. Тогда сказала девушка в темных очках: Там ведь не знают, сколько тут женщин, и потому вы можете оставить жену исключительно для собственного употребления, мы вас обоих прокормим, я только хотела бы знать, как тогда будут у вас обстоять дела с достоинством и честью, не горек ли будет принесенный нами хлеб. Вопрос не в том, начал первый слепец, а в том, но фраза повисла в воздухе, потому что он и сам не знал в чем, и все сказанное прежде было не более чем некими разрозненными суждениями из другого, не этого мира, и следовало бы, наверно, воздеть руки да возблагодарить небеса, что ниспослали счастливую возможность оставить позор в черте семейного круга, а не терзаться стыдом за то, что поступаешь на содержание к чужим женам. К жене доктора, если быть совсем точным, потому что у остальных обитательниц первой палаты, исключая девушку в темных очках, особу незамужнюю и свободную, о чьей рассеянной жизни мы уже получили более чем исчерпывающие сведения, мужья если и были, то

не здесь. Молчание, повисшее за этой оборванной фразой, будто просило, чтобы кто-нибудь окончательно разъяснил ситуацию, и вот заговорила та, кто и должен был, то есть жена первого слепца: Я такая же, как все, и делать буду то же, что все, произнесла она недрогнувшим, что называется, голосом. Делать будешь, что я скажу, прервал ее муж. Ты бы оставил этот тон, а, потому что видишь не больше, чем я. Это недостойно. В твоей власти поступить достойно, с этой минуты откажись от еды, прозвучал ответ, неожиданно жестокий в устах женщины, которая до сих пор казалась всем человеком кротким и глубоко почитающим мужа. Внезапно зашлась пронзительным смехом горничная: Да как же он, бедняжка, откажется, и смех вдруг сменился плачем, и слова послышались другие: Что ж делать, и звучали они почти как вопрос, на который нельзя ответить иначе, как уныло покачать головой, что и сделала регистраторша, прибавив: Что ж делать. По выражению глаз, вскинутых женой доктора к висящим на гвозде ножницам, можно было бы сказать, что и она спрашивает о том, однако направление взгляда отвечало на встречный, ими заданный вопрос: Что ты хочешь делать нами.

Впрочем, всему свой черед, и кому судьба ночью помереть, уж будьте уверены, до рассвета не дотянет. Слепцы из третьей палаты левого крыла, как люди порядливые, решили начать с тех, кто поближе, то есть с женщин своего крыла. Применение метода ротации, а слово это здесь совершенно уместно, предоставляет все выгоды и избавляет от неудобств потому, прежде всего, что позволяет знать, что было сделано, что делается сейчас, это все равно как взглянуть на часы и сказать о минувшем дне: Я прожил от сих до сих, еще ого-го сколько, или: Ах, как мало осталось, а во-вторых, потому, что, когда вереница палат будет пройдена и круг замкнется, возвращение к изначальным истокам освежит легким сквознячком новизны, и особенно тех, у кого неважная сенсорная память. Стало быть, женщинам правого крыла скомандовано стоять вольно или гуляй пока, ведь, как известно, чужое горе вполгоря горевать, этих слов никто не произнес, но подумали все именно так, и, по правде вам сказать, еще не родилось на свет первое человеческое существо, лишённое этой второй кожи, называемой эгоизмом, что куда прочней первой, которая закровит, чуть только ткни ее. Ну, впрочем, следует отметить, что женщины довольно своеобразно исполнили отданную им команду, ибо непостижимо таинственны

изгибы души нашей, и близость неминуемой и несомненной опасности и унижения, которым совсем скоро должны будут их подвергнуть, разбудила и обострила тягу к другой близости, разожгла во всех палатах волчий телесный голод, неутолимый плотский аппетит, сильно поутихший за время карантина, так что мужчины словно бы с неким отчаянием впечатывали в женщин свой след, метили, пока их не увели, своим тавром, а те хотели покрепче запечатлеть в памяти ощущения, полученные добровольно, чтобы выстоять под грядущим натиском ощущений, навязанных насильно, тем паче что их может и не быть. И, взяв для примера первую палату правого крыла, неизбежно должны будем спросить себя, как удалось преодолеть столь значительную количественную диспропорцию между представителями обоих полов, даже если не считать негодных к половой жизни, а они тут наверняка должны быть, взять хоть старика с черной повязкой, да найдутся ему под стать и другие, старые и молодые, по тем или иным причинам оказывающиеся в данном вопросе некомпетентны, чтоб не сказать похуже, но в рифму. Ибо ведь уже давно известно, что женщин в первой палате всего семь, включая ту, которая не спит по ночам, и ту, про кого ничего не известно, а супружеских пар всего две, и это обстоятельство выводит, извините, из игры непомерно значительное число мужчин, косоглазый мальчуган пока не в счет. Быть может, в соседних палатах больше женщин, однако неписанный закон, здесь родившийся и от долгого применения обретший свойственную закону непреложность, велит решать все проблемы там, где они возникли, не вынося их за стены палаты, тем более что пример этого подан был еще в старину и отлит в бронзе народной мудрости, не устающей снова и снова восхищать нас: Ступил за порог да смутился, к жене прилег – излечился. И значит, потребности мужчин первой палаты правого крыла удовлетворяют только женщины, находящиеся с ними под одной крышей, все, кроме жены доктора, которую неведомо почему никто не осмеливается домогаться ни словесно, ни посредством протянутой руки. Вот и жена первого слепца, сделав столь решительный шаг, каким следует признать резкий ответ мужу, делает, стараясь, правда, чтобы вышло понезаметней, то же, что все остальные, о чем в свое время и предупреждала. Случается, однако, и не поддающееся ни доводам рассудка, ни сердечной нежности сопротивление вроде того, которое оказывает девушка в темных очках аптекарю, и сколько бы ни

множил тот свои аргументы, как бы ни растекался в мольбах, так ничего и не добился, поплатившись таким образом за слишком развязную реплику, отпущенную некогда из-за прилавка вместе с глазными каплями. И вот эта самая девушка в темных очках, поди их, женщин, пойми, а она здесь самая красивая, лучше всех сложена и сильней прочих, едва лишь разнеслась весть об ее достоинствах, желанна, однажды ночью наконец сделала свой выбор и сама, своей волей, легла в кровать к старику с черной повязкой, а тот принял ее как летний дождь после засухи и расстарался как мог, и, кстати, для своего возраста очень даже недурно, доказав этим, причем в очередной раз, что внешность обманчива и что не гладкостью лица и не ладным кроєм фигуры определяется сердечная крепость. Все обитатели палаты поняли, что девушка в темных очках предложила себя старику с черной повязкой из чистого сострадания, но иные мужчины, наделенные нравом чувствительным и мечтательным и к тому же раньше уже имевшие случай насладиться ею, задумались о том, что нет, наверно, в этом мире награды выше, чем так вот лежать одному в своей постели, грезя о недостижимом и невозможном, и вдруг почувствовать, как женщина откидывает одеяло, проскальзывает под него, медленно протягивается рядом, едва касаясь телом тела, и затихает, замирает, безмолвно ожидая, когда вскипевшая кровь уймет внезапную дрожь ошеломленной кожи. И ни за что, за так, просто потому, что ей так захотелось. Значит, судьба-то не всегда рассыпает свои дары вслепую и наугад, значит, иногда хорошо быть стариком и закрывать черной повязкой пустую глазницу. А может быть, и вообще есть на свете такое, что не надо даже и пытаться объяснить, ни доискиваясь причин, ни копаясь в чужой душе, как и поступила жена доктора, когда ночью поднялась с кровати, чтобы укрыть одеялом разметавшегося во сне косоглазого мальчика. А легла потом не сразу. Прислонившись к стене, в узком пространстве между двумя рядами коек, она через всю палату с отчаянием смотрела на дверь, в которую в один прекрасный день, ныне кажущийся таким далеким, вошли они и из которой теперь им нет выхода никуда. Так стояла она, пока вдруг не увидела, что муж встает и, как лунатик, устремив перед собой неподвижный невидящий взор, направляется к той кровати, где спит девушка в темных очках. Она даже не попыталась остановить его. Не шевелясь, смотрела, как он поднял одеяло, прилег рядом, и как

девушка проснулась, приняла его безропотно, как поискали и нашли друг друга губы, как потом случилось то, что и должно было случиться, смотрела, как дарят и получают, обмениваясь им, наслаждение, слушала, как на приглушенно прошептанное: Доктор, что могло бы прозвучать смешно и нелепо, но почему-то не прозвучало, шепчут в ответ: Прости, сам не знаю, что на меня нашло, ну, так оно и есть, как было заявлено нами чуть выше, и в самом деле, как можем мы, посторонние, всего-то лишь свидетели и очевидцы, судить о чем-то, раз уж он и сам не знает. Лежа на узкой кровати, не могли представить себе те двое, что за ними наблюдают, но доктор вдруг встревожился, спросил себя, спит ли жена, может быть, как всегда по ночам, бродит где-нибудь в коридоре, и уж приподнялся было, чтобы вернуться к себе, но раздался голос: Лежи, и рука, легче присевшей на ветку птички, легла ему на грудь, он хотел что-то сказать, может быть, объяснить, что сам не знает, что на него нашло, но вновь раздался голос: Если ничего не будешь говорить, я лучше пойму. Девушка в темных очках заплакала: Какие мы все несчастные, пролепетала она, а потом: Это я сама, сама, я тоже хотела, доктор не виноват. Молчи, мягко ответила жена доктора, мы все помолчим, бывает, что от слов никакого проку и толку, ах, если бы я тоже могла плакать, все высказать слезами и обойтись без слов, чтоб тебя поняли. Она присела на край кровати, простерла руку над обоими, словно обнимая разом и его и ее, и, всем телом перегнувшись к девушке в темных очках, еле слышно прошептала ей на ухо: Я вижу. Та осталась спокойна и неподвижна, хоть и удивилась, что не чувствует никакого удивления, будто знала об этом с самого первого дня, но просто считала, что нельзя вслух говорить об этом, как нельзя разглашать доверенный тебе секрет. Чуть повернула голову и в свой черед шепнула на ухо жене доктора: Я знала, не знаю, что сейчас уверена в этом, но, мне кажется, знала. Только это тайна, никому ни слова. Будьте покойны. Смотри, я тебе доверилась. Не подведу, не выдам, умру, а не обману вас. Говори мне ты. Не могу, это я не могу. Все это говорилось на ухо, то на одно, то на другое, и губы скользили по волосам, дотрагивались до мочки, и разговор шел о сущих пустяках, и разговор шел о самом главном, если только могут сочетаться такие противоположности, и это был разговор сообщниц, и вроде бы не касался мужчины, лежавшего между двух женщин, но вовлекал его в

себя логикой, которая была не от мира сего с расхожими его идеями, с обыденной действительностью. Потом жена доктора сказала ему: Побудь еще, если хочешь. Нет, я пойду к нам. Постой, я помогу. Она привсталала, освобождая ему место, и мгновение разглядывала две слепые головы на грязной подушке, немые лица, сбитые в колтун волосы, и только вот глаза, да, глаза сияли неистово и бесполезно. Медленно, ища опору, поднялась, постояла у края кровати, словно внезапно перестала сознавать, где находится, потом, как всегда она это делала, ухватила мужа за руку, но теперь ее движение обрело новый смысл, потому что никогда еще доктор до такой степени не нуждался в том, чтобы его вели и направляли, хоть даже и не догадывался об этом в отличие от двух женщин, которые узнали это досконально в миг, когда свободной рукой жена доктора прикоснулась к щеке девушки, а та порывисто перехватила эту руку и поднесла к губам. Доктору почудился плач, тихий, почти неслышимый, да и мог ли он быть иным, если всего несколько слезинок медленно прокатились по щекам к углам рта, исчезли там, чтобы снова начать вечный цикл непостижимых горестей и радостей человеческих. Одна остается девушка в темных очках, и, значит, утешать надо ее, и потому-то жена доктора все медлила, все не отнимала руки.

На следующий день, во время ужина, если это не слишком громко сказано по отношению к жалким ломтям хлеба и полупротухшего мяса, в дверях появились трое слепцов из левого флигеля. Сколько у вас тут женщин, спросил один. Шесть, ответила жена доктора, исполненная благого намерения отставить в сторону ту, которая не спит по ночам, но угасший голос поправил: Семь. В ответ захохотали: Негусто, сказал один, стало быть, придется как следует потрудиться нынче ночью, а другой предложил: Может, из следующей доберем, но: Не надо, отозвался третий, знавший арифметику, получается по трое на каждую, выдержат, небось не смылятся. Все трое снова рассмеялись, и потом тот, кто спрашивал, сколько тут женщин, сказал: Ну, как покушаете, идите в третью, и добавил: Если, конечно, и впредь хотите есть и мужьям своим сиську совать. Эта острота звучала во всех палатах, но продолжала пользоваться не меньшим успехом, чем в тот день, когда ее придумали. Они корчились от смеха, дрыгали ногами, стучали толстыми палками об пол, но один из них вдруг предупредил: Только смотрите, если у кого месячные, тех не надо, до

другого раза пусть остается. Таких нет, спокойно ответила жена доктора. Ну, нет, так и хорошо, давайте, собирайтесь, и не тяните, мы ждать не любим. Повернулись и пошли. Палата затихла. Через минуту сказала жена первого слепца: Больше не лезет, и, хотя в руке у нее была самая что ни на есть малость, доесть не смогла. И в меня тоже, сказала та, которая не спит по ночам. И в меня, сказала та, про которую ничего не известно. А я уже, сказала горничная из отеля. И я, сказала регистраторша. Меня вывернет на первого, кто ко мне притронется, сказала девушка в темных очках. Все они уже встали и, как ни была их дрожь, были тверды. Сказала жена доктора: Я пойду первой. Первый слепец натянул на голову одеяло, как будто это могло помочь ему, слепцу, ничего не видеть, доктор притянул жену к себе, мимолетно коснулся губами ее лба, что еще оставалось ему, в отличие от всех остальных мужчин, у тех, кроме утех, ничего супружеского не было – ни прав, ни обязанностей, и потому никто не заслуживал звания двойного рогача, такого то есть, кто знает, но терпит. Следом за женой доктора двинулась девушка в темных очках, за ней стали горничная, регистраторша, жена первого слепца, та, про кого ничего не известно, и наконец та, которая не спит по ночам, замкнула эту жутковато-комичную цепочку оборванных, грязных женщин, воняющих так, что поневоле задумаешься, сколь же неодолимо могущественна должна быть животная сила похоти, если удастся ей отбить обоняние, деликатнейшее из всех пяти чувств, ведь недаром же уверяют нас иные богословы, что грешникам в аду жить более-менее сносно не дает именно царящий там смрад. Медленно, положив руку на плечо впереди идущей, зашагали они за женой доктора. Все были босы, потому что боялись потерять туфли в грядущих горестях и бедствиях. Когда оказались в вестибюле, жена доктора направилась к центральному входу, хотела, наверно, узнать, стоит ли еще мир. Ощувив свежесть, горничная испугалась: Нельзя выходить, там солдаты, но та, которая не спит по ночам, сказала: Да это бы лучше, уже через минуту были бы мертвыми, не так, как сейчас, а по-настоящему, целиком. Мы, спросила регистраторша. Мы и все остальные, все, кто здесь, получили бы, по крайней мере, наилучшее объяснение своей слепоте. Впервые с того дня, как ее привезли сюда, она произнесла столько слов подряд. Жена доктора сказала: Пошли, раньше смерти умирать не надо, она сама выберет и о выборе не

оповестит. Отворили дверь, ведущую в левый флигель, повлеклись по длинным коридорам, а о том, что ждет их, могли им при желании рассказать женщины из первых двух палат, но они затравленными зверьками лежали скорчась по койкам, и мужчины не осмеливались ни дотронуться до них, ни хотя бы подойти поближе, потому что те немедленно принимались кричать.

В глубине последнего коридора жена доктора увидела слепца, как обычно, стоявшего если не на часах, так на стреме. Заслышав, должно быть, медленные, шаркающие шаги, он оповестил: Пожаловали. Из палаты понеслись крики и ржание, подобное конскому. Четверо быстро подошли к перегородивающей вход кровати: Давай, девчонки, давай заходи, мы тут все, как жеребцы стоялые, заждались, сказал один. Слепцы окружили вошедших женщин, потянули к ним руки, но тотчас неуклюже шарахнулись в стороны, едва лишь главарь, а им наверняка был обладатель пистолета, крикнул: Я первый выбираю, забыли, так я напому. Все обитатели палаты жадно искали женщин невидящими глазами, кое-кто протягивал к ним жадную руку, словно уразумев наконец, куда надо смотреть. Женщины стояли в проходе между кроватями, как солдаты на строевом смотре. Главарь, с пистолетом в руке, подошел так уверенно и проворно, будто глаза у него на лице были зрячими, свободной рукой общупал спереди и сзади крайнюю слева, и ею оказалась та, которая не спит по ночам, помял ей груди, бедра, ягодицы, залез между ног. Слепая вскрикнула, он отпихнул ее в сторону: Никуда не годишься, трухлявая ты какая-то. Перешел к следующей, это была та, про кого ничего не известно, и, сунув пистолет в карман, повторил процедуру уже обеими руками, приговаривая: А эта вроде ничего, ничего, потом взялся за жену первого слепца, потом за регистраторшу, потом за горничную и тут воскликнул: Ребята, отличные телки, все при них, без обмана. Слепцы отозвались радостным ржанием, топотом, ревом: Ну давай, давай, не томи, пусти. А ну тихо, сказал главарь, еще не все. Плотно ухватил девушку в темных очках и восхищенно присвистнул: Ух ты, пофартило нам сегодня, такое богатство подвалило. Войдя в раж и не выпуская девушку, другой рукой провел по телу последней в шеренге и снова присвистнул: Малость переспелая, но тоже хороша, хороша, очень даже. Дернул к себе обеих и, в предвкушении едва не захлебываясь слюной, объявил: Эти две мои, потом получите, как оприходую. И

потасил в глубь палаты, где штабелями громоздились коробки, жестянки, пакеты с продовольствием, которого хватило бы на целый полк. Все женщины уже подняли крик, перебиваемый звоном оплеух, глухими ударами, ревом: Да не ори, тварь, что вы за народ такой, не можете не скулить. Врежь ей еще, пусть заткнется. Ничего, это поначалу, распробует, потом сама еще попросит. Ну, разложите вы ее, сколько можно, нет больше сил терпеть. Уже пронзительно выла под грузным слепцом та, которая не спит по ночам, четырех других взяли в кольцо, плотно обступили, тянули в разные стороны, отпихивая друг друга, огрызаясь, как гиены над полуобглоданной падалью, стягивали с себя штаны. Жена доктора, сведенными судорогой руками вцепившись в железную спинку кровати, к которой ее толкнули, видела, как главарь рванул и разодрал юбку на девушке в темных очках, сорвал трусики, направил, помогая себе пальцами, и с усилием вдвинул член, слышала, как он хрипит, бормочет что-то невообразимо похабное, девушка же в темных очках, не произнося ни слова, отвернула от него голову, устремив глаза на жену доктора, выгнулась в спазмах неукротимой рвоты, покуда главарь, не замечая этого, даже не чуя характерного запаха, потому что для этого нужно, чтобы воздух в палате был иным, резко, с маху, со всей мочи, двигал тазом вперед-назад, будто заколачивал сваю, потом еще трижды конвульсивно дернулся и с каким-то кабаньим придушенным хрюканьем обмяк. Девушка в темных очках беззвучно плакала. Главарь высвободил еще подкапывающий член, переводя дыхание, сказал, протягивая руку к жене доктора: Не ревнуй, сейчас и до тебя очередь дойдет, и громче, обращаясь к своим приспешникам: Эй, эту можете забрать, только поласковой с ней, пригодится еще. Человек шесть, сшибая друг друга, ринулись в проход, схватили девушку, едва ли не волоком потащили в свой угол: Я первый, я первый, наперебой слышалось оттуда. Главарь, как был, в спущенных штанах, присел на край кровати, свесив вялый, поникший член, сказал: На колени становись, сюда вот. Жена доктора повиновалась. В рот возьми. Не буду. Побью и жратвы не дам. А не боишься, что откушу. Попробуй только, я ж буду держать тебя за горло и сверну шею, чуть только зубки пустишь в ход, ответил он. И потом вдруг: А-а, знакомый голос. И я тебя узнала. Как ты могла меня узнать, ты же не видишь. Нет, не вижу. Чего тогда врешь, что узнала. Легко представить, какое лицо у человека с таким голосом. Ладно, хватит

разглагольствовать, соси давай. Не буду. Либо отсосешь, либо твоей палате крошки хлеба больше не перепадет, ты им расскажешь, по чьей милости они жратвы лишились, а потом вернешься сюда, покажешь, как они тебя приласкали. Жена доктора подалась вперед, двумя пальцами правой руки взяла и приподняла липкий мужской орган, левую уперла в пол и вдруг ощутила ладонью под тканью спущенных брюк твердую, увесистую холодную сталь. Можно убить его, подумала она. Нет, нельзя. Нечего и думать, чтобы залезть в карман брюк, гармошкой спускавшихся до щиколоток, и достать пистолет. Вытянула шею, открыла, потом закрыла рот, зажмурилась, чтобы не видеть, и начала.

Отпустили их только под утро. Ту, которая не спит по ночам, пришлось нести, хотя шесть остальных сами еле передвигали ноги. Сколько-то часов кряду женщины переходили из рук в руки, от унижения к унижению, из одного издевательства в другое, испытали все, что только можно вытворить над женщиной, оставив ее при этом в живых: Ну, сами знаете, платим натурой, скажете там своим задохликам, пусть за супчиком приходят, нальем, сказал на прощанье главарь. И уже вслед глумливо произнес: До скорого свидания, красавицы, до новых встреч, вы уж готовьтесь. Остальные подхватили более или менее слаженным хором: До свидания, до свидания, и одни добавляли: Сучки, а другие: Кисоньки, но в самом тоне чувствовалась уже некоторая пресыщенность и отсутствовал прежний половой задор. Женщины, слепые, а теперь еще оглохшие и онемевшие, спотыкаясь, влачили по коридору, и сил хватало лишь на то, чтобы держаться за руку идущей впереди, да, именно за руку, а не за плечо, словно в те времена, когда были зрячими, и спроси их: Почему вы за руки-то взялись, ведь споткнетесь, чего доброго, ни одна не смогла бы ответить, ибо есть движения, которые просто не объяснить, да, впрочем, и сложно тоже едва ли получится. Когда пересекали вестибюль, жена доктора снова выглянула наружу, где были солдаты и стоял грузовик, который, наверно, развозил продовольствие по карантинам. В этот самый миг та, которая не спит по ночам, вдруг упала замертво, без вскрика, как будто ее обезглавили одним ударом, раз – и нету, и сердце тоже раз – и разорвалось, не успев сменить систолу диастолой, наконец-то узнали мы, почему ей не спалось по ночам, но теперь-то уж поспит, не добудимся. Умерла, сказала жена

доктора голосом, лишенным всякого выражения, если только бывает так, чтобы не мертвенный, а столь же мертвый, как произнесенное им слово, голос исходил из живых покуда уст. Она подняла на руки истерзанное тело женщины, у которой вдруг будто вывихнулись все суставы, ноги были окровавлены, живот весь в кровоподтеках, жалкие, ничем не прикрытые груди яростно исципаны, и на плече остался след от зубов. Так выглядит и мое тело, подумала жена доктора, и всех, кто идет сейчас рядом, между нами и ею разница ничтожная и состоит она в том лишь, что мы пока живы. Куда понесем, спросила девушка в темных очках. В палату, потом похороним, сказала жена доктора.

Мужчины ждали у двери, за исключением первого слепца, который при появлении женщин снова натянул одеяло на голову, и косоглазого мальчика, который спал. Ни на миг не замешкавшись, не отсчитывая койки, жена доктора уверенно положила тело той, кто не спал по ночам, на ее кровать. Ей дела не было, что другие могут удивиться, в конце концов, вся палата знает, что она лучше всех ориентируется. Умерла, повторила она. Как, спросил доктор, но жена не ответила ему, потому что вопрос мог означать лишь то, что вроде бы и значил: Как она умерла, но мог быть и обрывком другого: Как вы перенесли все это, и ни на тот ни на другой ответа не имеется, умерла, вот и все, и не важно, как и отчего, глупо спрашивать, от чего умер человек, с течением времени причина забывается, остается одно только слово: Умерла, и шесть женщин вернулись не такими, как уходили отсюда, а слова, которые они могли произнести еще вчера, сегодня уже не выговорить, что же до иных слов, есть на свете такое, что ими вообще не выразить, так оно и называется, только так и никак иначе. Идите за едой, сказала жена доктора. Случай, судьба, удел, доля или как там еще называется то, что носит столько имен, состоит, конечно, из одной лишь иронии, а иначе как еще объяснить, что именно законным мужьям двух тутошних женщин было поручено от имени первой палаты ходить за продуктами в те времена, когда никому и в кошмарном сне бы не приснилось, что придется за эти продукты платить тем, чем было только что заплачено. Почему же не выделили для этой цели мужчин свободных, холостых, не обязанных защищать свою супружескую честь, но нет, выпал жребий им, а им, без сомнения, не хочется сейчас переживать этот стыд, этот срам и протягивать руку за милостыней к подонкам, изнасиловавшим их жен.

И первый слепец так и сказал, этими самыми словами: Я не пойду, пусть еще кто-нибудь сходит. А я пойду, сказал доктор. Я с вами, сказал старик с черной повязкой. Там, конечно, не очень много, но смотрите, не тяжело ли вам будет нести. Пропитание себе дотащить сил хватит, своя ноша, известно, не тянет. Но тянет чужая, и как еще тянет. Жаловаться не приходится, потому что за мою долю расплатились другие, и сполна.

Представим себе, да нет, не этот диалог, он уже остался позади, представим себе тех двоих, которые вели его, они сейчас стоят лицом к лицу, словно видят друг друга, что в данном случае вполне возможно, если память каждого из них сумела вытянуть из сияющей белизны окружающего мира сначала шевелящиеся, произносящие эти слова губы, а потом, наподобие медленного излучения, идущего из этого центра, проступят и остальные черты этих лиц, одно старческое, другое еще вроде бы нет, и не надо называть слепым того, кто еще способен видеть хоть так. Когда они вышли из палаты, отправившись за сдой, оплаченной ценой позора, как тогда еще с негодованием выразился первый слепец, жена доктора сказала остальным женщинам: Побудьте здесь, я скоро. Что ей нужно, она знала, не знала только, где это взять. А нужна ей была какая-нибудь емкость, ведро или что-то вроде, чтобы наполнить его водой, пусть вонючей, пусть протухшей, и обмыть тело той, которая не спала по ночам, смыть собственную ее кровь и разнообразные чужие выделения, чтобы в землю оно легло чистым, если еще имеет хоть малейший смысл говорить о телесной чистоте оказавшихся в этом бедламе, ну а в смысле чистоты душевной до них, как известно, не достигнет никто.

На длинных столах в обеденной зале лежали слепцы. Из незакрытого крана бежала в заваленную мусором раковину тоненькая струйка воды. Жена доктора оглянулась по сторонам в поисках чего-нибудь подходящего и ничего не нашла. Кто-то из слепцов почувствовал ее присутствие, спросил: Кто здесь. Она не ответила, зная, что радушный прием ей не окажут, не скажут: Нужна вода, так возьми, пожалуйста, а если это, чтобы покойницу обмыть, бери, сколько надо. На полу валялись пластиковые мешки, в которых доставлялась еда, и были среди них большие, подходящего размера. Рваные, наверно, но если сунуть один в другой, а другой в третий, воды прольется немного. Она действовала стремительно, потому что

слепцы уже слезали со столов, окликая: Кто здесь, кто здесь, и встревожились еще сильнее, когда услышали шум льющейся воды, двинулись на этот звук, и жене доктора пришлось перегородить им путь столом, а потом она снова взялась за мешки, в отчаянии рванула кран, и еле-еле до этого текшая вода вдруг ударила, будто вырвавшись наконец на волю, мощной струей, хлынула потоком, окатила ее с ног до головы. Слепцы оробели, попятились, подумав, что, наверно, трубы прорвало, и получили еще больше оснований для такого предположения, когда вода стала подступать к ногам, ибо кто же мог подумать, что некто вторгшийся сюда открыл кран, и тут жена доктора поняла, что такую тяжесть не удержит. Туго закрутила горловину мешка, взвалила его на спину и выбежала, уж как смогла, прочь.

Когда доктор и старик с черной повязкой вошли в палату, неся кормежку, они не увидели, не могли увидеть семь голых женщин, из них одна, та, которая не спала по ночам, лежала на своей кровати, такая чистая, какой, наверно, никогда в жизни не была, а другая по очереди омывала тела своих подруг и потом – свое собственное.

На четвертый день бандиты появились снова. Они шли призвать к уплате натурального налога вторую палату, но задержались на минуточку у двери первой, чтобы осведомиться, оправились ли тамошние женщины от последствий веселой ночки: Веселая была ночка, воскликнул, облизываясь, один, и другой подтвердил: Каждая из этих семи стоит двух, одна, правда, подкачала, совсем ледащая была, но за компанию и она сошла, так что повезло вам, мужики, с соседками, цените свое везение, если можете, конечно. Лучше бы не могли, возразил первый, нам больше достанется. Из глубины отозвалась жена доктора: Нас уже не семь. Одна сбежала, что ли, с хохотом осведомился тот. Нет, не сбежала, умерла. О черт, ну так вам придется в следующий раз и за нее постараться. Вы немного потеряли, она совсем ледащая была, сказала жена доктора. Несколько сбитые с толку посланцы не нашлись, что ответить на это, только что прозвучавшие слова показались им совершенно неподобающими, и один по зрелом размышлении пришел к выводу о том, какие же все-таки женщины, в сущности, суки, потому что нехорошо так говорить про свою же подругу, тем более покойную, только потому, что у той были сиськи не на месте и зад стесанный. Жена доктора смотрела, как

неуверенно, движениями своими напоминая заводных кукол, переминаются они в дверях. Она их узнала, все трое насильовали ее. Наконец один стукнул палкой в пол: Пошли, ребята. Снова стук и предупреждения: С дороги, с дороги, постепенно затихавшие в глубине коридора, затем вновь тишина и неразборчивый шум голосов – это женщины второй палаты получали приказ явиться после ужина. Снова стук по каменным плитам и: С дороги, с дороги, три фигуры проплыли мимо двери, исчезли.

Жена доктора, рассказывавшая на ночь сказку косоглазому мальчику, встала, подняла руку и бесшумно сняла с гвоздя ножницы. Сказала мальчику: Потом дорасскажу, что там дальше было. В палате никто не спросил ее, почему она так пренебрежительно отозвалась о той, которая не спала ночами. Через сколько-то минут разулась, сказала мужу: Я скоро приду. Еще минут через десять показались в коридоре женщины из второй палаты. Их было пятнадцать. Кое-кто плакал. Шли они не цепочкой, а группами, связавшись полосами какой-то материи, надо полагать, простыню разорвали. Когда они миновали дверной проем, жена доктора двинулась за ними следом. Никто не заметил ее. Женщины знали, что их ждет, творившееся в третьей палате ни для кого не было секретом, да и нового в этом тоже ничего не было, надо думать, так повелось от начала времен, спокон веку. В ужас их приводило не само насилие, а разнузданное бесстыдство, свальный грех ожидающей их ночи, когда пятнадцать женщин распнут на койках и на полу, и мужчины, сопя и фыркавая, как кабаны, будут переходить от одной к другой. Страшней всего, если я вдруг испытаю наслаждение, вот какая мысль мелькнула в голове одной из них. Когда вошли в коридор, ведущий в пункт назначения, часовой еще издали оповестил своих: Идут, идут, я их слышу. Быстро убрали перегораживавшую дверь кровать, и женщины по очереди стали входить в палату. Ой, сколько же вас, воскликнул счетовод и принялся за радостный подсчет: Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, пятнадцать, все. Устремился вслед за последней, на ходу запуская жадные руки ей под юбку, приговаривая: Это моя, эту мне, никому не отдам. Смотрины на этот раз устраивать не стали, обошлись без предварительной оценки физических данных. В самом деле, если всем уготовано одно и то же, зачем сравнивать претенденток по росту, бюсту и объему бедер, только время терять да

расхолаживаться. Женщин уже поволокли на койки, уже срывали с них как попало одежду, и вскоре не замедлили раздаться привычные плач, мольбы, вопли, на которые отвечали, если отвечали, одинаково: Захочешь есть – раскинешь ноги. И женщины повиновались, а кое-кому из них приказывали за щеку взять, вот как той, которая сидит на корточках меж расставленных коленей главаря и молчит, разумеется. Жена доктора, войдя в палату, неслышно проскользнула по проходу, хотя предосторожности эти были излишни, никто бы не услышал, даже если бы она гремела деревянными башмаками, и, наткнись на нее какой-нибудь слепец, почуявший рядом женщину, она в худшем случае разделила бы судьбу остальных, не более того, потому что в этой вакханалии нелегко заметить, что к пятнадцати присоединилась шестнадцатая.

Кровать главаря, как и прежде, стояла в глубине палаты, где высились штабеля коробок и ящичков с продовольствием. Соседние койки были отодвинуты подальше, главарь, судя по всему, любит простор и терпеть не может наткаться на товарищей по несчастью. Что ж, так проще убить его. Медленно продвигаясь по узкому проходу, жена доктора не сводила глаз с того, кого наметила себе в жертву, следила за его движениями, видела, как под наплывом приятных ощущений он откинул голову, будто подставляя ей горло. Крадучись, она подошла совсем близко, обогнула кровать, остановилась у него за спиной. Слепая продолжала свое дело. Жена доктора медленно подняла ножницы, чуть разведя лезвия, чтобы удар получился двойным. В этот миг, последний свой миг, слепец почувствовал ее присутствие, но приближение оргазма увело его из мира привычных реакций. Не успеешь, подумала жена доктора и резко опустила занесенную руку. Двойной клинок, направленный со всей силы, глубоко вонзился в горло, повернулся вокруг собственной оси, рассекая хрящи и соединительную ткань, прошел дальше, покуда не застрял в неподатливых шейных позвонках. Вскрик был едва слышен, да и вообще почти неотличим от утробного стона или хрипа, звукового, так сказать, сопровождения эякуляции, какие уже не раз звучали в палате, а может, это он и был, ибо одновременно с тем, как кровь толстой струей ударила слепой в лицо, в рот ей судорожными толчками пошла сперма. И слепцов встревожил не этот крик или хрип, а женский вопль, непохожий на те, которых они наслушались вдоволь.

Слепая, не понимая, вопила, что происходит, откуда кровь, в ужасе от того, что, может быть, бессознательно, безотчетно, сама не зная, как это вышло, осуществила мысль, невольно приходившую ей в голову раньше, то есть сомкнула челюсти. Слепцы бросили женщин, ощупью стали пробираться ближе: Что стряслось, чего так орешь, но чья-то рука вдруг зажала ей рот, и голос шепнул на ухо: Молчи, а потом ее мягко оттащили назад. Молчи, повторил голос, женский голос, и это немного успокоило ее, если это вообще возможно в таких обстоятельствах. Вышедший вперед счетовод и до трупа, навзничь лежавшего поперек кровати, дотронулся первым, ощупал его и: Он мертвый, определил. Голова была закинута за дальний край койки, и кровь еще хлестала из раны. Его убили, воскликнул он через минуту. Слепцы замерли, не веря своим ушам: Как убили, кто убил. У него вся глотка перерезана, это, наверно, та сучка, что была с ним, надо ее найти. Слепцы вышли из столбняка, но, явно опасаясь напороться на клинок, зарезавший их главаря, прошли недалеко. И не могли видеть, как счетовод, проворно обшарив карманы убитого, нашел и достал пистолет и маленький пластиковый мешочек с десятком патронов. Внимание отвлекли на себя женщины, которые в панике вскакивали на ноги, с истошным криком металась по палате и, потеряв представление о том, где выход, натыкались на слепцов, а те думали, что на них нападают, и в результате началось то, что смело можно было бы назвать столпотворением. Жена доктора тихо стояла в глубине, выжидая, когда можно будет улучшить минуту и выскользнуть из палаты. Одной рукой она обхватила и крепко прижимала к себе слепую, в другой держала выставленные вперед ножницы, готовясь свалить одним ударом первого, кто приблизится. Пока что свободное пространство вокруг кровати главаря благоприятствовало ей, но она знала, что это ненадолго. Кто-то из женщин прорвался наконец к дверям, кто-то отбивался от слепцов, а кто-то даже уже стиснул горло своего насильника, явно намереваясь увеличить счет потерь. Счетовод, взяв команду на себя, крикнул своим: Тихо, замри, сейчас разберемся, и, желая, вероятно, придать убедительности своим словам, выстрелил в воздух. Эффект, однако, оказался обратным ожидаемому. Слепцы не знали, что пистолет обрел нового хозяина, а они, следовательно, нового вожака, а потому перестали драться с женщинами, прекратили попытки сломить их сопротивление, причем один из них – навсегда,

потому что, судя по всему, его все-таки задушили. В этот миг жена доктора решила, что время пришло. И ринулась вперед, рассыпая удары направо и налево. Теперь уже слепцы, давя друг друга, вопя дурными голосами, кинулись врассыпную, спотыкались, падали сами и сбивали с ног ближнего, и имеющий глаза увидел бы, что первая свалка по сравнению с этой была попросту невинной детской возней. Жена доктора никого больше не хотела убивать, а стремилась всего лишь выбраться отсюда, но так, чтобы не оставить позади себя ни одной женщины. Этот, вероятно, не выживет, подумала она, всадив ножницы кому-то в грудь. Грянул еще один выстрел. Пошли, пошли, кричала она, толкая перед собой всех попадавшихся ей женщин. Поднимала упавших, повторяла: Живей, живей, и как ни кричал из глубины палаты счетовод: Держи их, держи, не давай уйти, было уже поздно, все женщины успели выметнуться в коридор, понеслись по нему, полуголые, прикрываясь остатками одежды. С порога жена доктора яростно прокричала в открытую дверь палаты: Вспомните, как я сказала тогда, что не забуду его лица, а теперь отныне и впредь думайте над тем, что я и ваши лица не забуду. Заплатишь за это, крикнул в ответ счетовод, и ты, и эти суки, и ваши козлы, все заплатите, кровью все умоетесь. Ты не знаешь, кто я и откуда пришла. Ты из того крыла, из первой палаты, возразил один из тех, кто приходил за женщинами, а счетовод добавил: Голос-то не спрячешь, скажешь словечко рядом со мной, и нет тебя. Ваш главарь тоже говорил так, и где он теперь. Ты меня с ним не равняй, ни с ним, ни со всей вашей шатией, когда вы ослепли, я уже знал все на свете. О моей слепоте ты ничего не знаешь. Ты не слепая, меня не проведешь. Да будь я хоть сто раз слепая, слепей всех, кто здесь есть, я уже убила и буду еще убивать, если потребуется. Раньше с голоду сдохнешь, теперь ни крошки больше не получите, хоть на карачках приползете, хоть на тарелочке сюда принесете все свои три дырки, с которыми на свет появились. За каждый день без еды буду убивать одного из вас, пусть только за порог шагнет. Ничего у тебя не выйдет. Выйдет, и еду теперь мы будем получать, а вы жрите, что припрятали. Счетовод в бешенстве выстрелил в сторону двери. Пуля прошла над головами, никого не задев, и ударила в стену. Не поймалась, крикнула жена доктора, и побереги-ка лучше патроны, кончатся, что будешь делать, и помни, не тебе одному охота верховодить, твои дружки тоже бы не прочь.

Твердым шагом отошла от двери, двинулась по коридору вдоль стены, но вдруг навалилась обморочная слабость, подкосились ноги, и она упала. Перед глазами повисла какая-то пелена. Неужели слепну, подумалось ей, но тут же стало понятно, что нет, еще не сейчас, это слезы туманили взгляд, слезы, хлынувшие таким ручьем, как будто копились всю жизнь. Я убила человека, тихо произнесла жена доктора, хотела убить и убила. Обернулась на дверь третьей палаты, подумав, что, если слепцы бросятся догонять, защищаться она не сможет. Но коридор был пуст. Женщины уже скрылись, слепцы, напуганные стрельбой и особенно тем, что в палате осталось несколько трупов, высунуться не решались. Мало-помалу стали возвращаться силы. Слезы всё текли, только теперь уже медленно, тихо, как бывает, когда непоправимое уже случилось. С трудом поднялась. Руки, одежда были в крови, и измученное тело вдруг уведомило, что она стала старой: Стала старой, стала убийцей, подумала жена доктора, хоть и знала, что надо будет – снова убьет. А когда будет надо, спросила она себя, медленно шагая к вестибюлю, и сама же себе ответила: Когда будет умирать то, что покуда еще живо. Покачала головой, подумала: А это что значит, слова, слова, ничего больше. Вокруг по-прежнему никого не было. Она подошла к двери, выглянула. Между прутьев решетки смутно виднелась фигура часового. Там еще есть люди, и они еще видят. Вздогнула от шагов за спиной, подумала: Они, и стремительно обернулась, занося для удара ножницы. Но увидела мужа. Возвращавшиеся во вторую палату прокричали по дороге о том, что случилось в левом флигеле, и что какая-то женщина зарезала главаря, и поднялась стрельба, и доктор не спросил, что за женщина, потому что и так знал, это не какая-то, а его женщина, та, которая сказала косоглазому мальчику, что потом дорасскажет сказку, а сейчас-то что с нею случилось, где она, может быть, лежит мертвая. Я здесь, произнесла она, подошла к нему и припала и даже не заметила, что пачкает его кровью, а может, и заметила, но решила, что это не важно, ибо до этого дня они все делили поровну. Что там было, говорят, убили кого-то, спросил доктор. Убили, я убила. Почему. Кому-то надо было это сделать, а больше никого не нашлось. А что теперь. А теперь мы свободны, они знают, что их ждет, если вздумают еще раз попользоваться нами. Но ведь это значит, будет война. Слепые всегда на войне, всегда были и будут. И ты снова будешь убивать. Да, если

придется, от этой слепоты я не вылечусь. А что с продовольствием. Теперь мы снова будем забирать его, вряд ли те осмелятся прийти сюда, по крайней мере еще несколько дней будут бояться, что с ними произойдет то же, что и с их главным, что им тоже воткнут в горло ножницы. Мы с самого начала, еще когда они предъявили первые требования, не сумели оказать им сопротивления. Нет, не сумели, мы испугались, а страх – плохой советчик, ну а теперь пойдём, надо будет на всякий случай забаррикадировать дверь, кроватями перегородим, как те делали, а если придется поспать на полу, то ничего страшного, это лучше, чем умереть с голоду.

Однако в ближайшие дни слепцы стали спрашивать себя и друг друга, а не придется ли и в самом деле готовиться к голодной смерти. Поначалу не удивлялись, что продуктов не несут, привыкли к задержкам и перебоям, так уж повелось с самого начала, бандиты из третьей были правы, говоря, что военные иногда запаздывают, хоть тотчас, извращая свою правоту, глумливо добавляли, что вот потому-то и придется урезать пайки, такая уж тягостная обязанность выпадает на долю тех, кто правит. На третьи сутки, когда в палатах не осталось в буквальном смысле ни корочки, ни крошки съестного, жена доктора и с ней еще несколько человек вышли во двор и спросили: Э-эй, что там с продуктами-то, а нас уже два дня не кормят. Сержант, уже, разумеется, не тот и не этот, а совсем другой, из-за ограды ответил, что армия тут ни при чем, армия хлеб ни у кого не отбивает, потому что воинская честь не позволяет, а если еды нет, так это потому, что нет еды, а вы все ни с места, еще шаг, и знаете, что будет, приказ остается прежним. После полученных разъяснений слепцы вернулись в палаты и повели такие речи: Что же мы делать-то будем, если и сегодня не привезут еды. Может, завтра привезут. Или послезавтра. Или когда мы и пошевелиться не сможем. Надо выйти и потребовать. Выйти-то можно, дойти нельзя. Эх, были б мы зрячими. Были б мы зрячими, не влипли бы в это дерьмо. Может, нам потому не дают еды, что им самим не хватает. Ну да, кого же тут еще кормить, когда самому в обрез. Ну, когда у них припасы истощатся, мы уже все загнемся. Так что же делать-то. Они сидели на полу, кружком, более или менее правильным, в желтоватом свете единственной на весь вестибюль лампы, доктор и жена доктора, старик с черной повязкой, среди прочих мужчин и женщин, которых было примерно по двое-трое из каждой

палаты, как левого крыла, так и правого, и, как уж повелось в этом мире слепых, случилось то, что и должно было, когда один из них высказался так: А я считаю, что мы никогда бы не оказались в такой ситуации, если бы не убили этого, из третьей палаты, ну, вожака, тоже мне трагедия, ну, давали бы женщины этим бандитам дважды в месяц, то есть я хочу сказать, давали им возможность удовлетворять свои надобности, исполнять закон природы. Кто-то счел эту реплику забавной, кто-то выдавил из себя деланный смешок, но голос протеста, если он и был, ни заглушило бурчание в пустом желудке, а говоривший продолжал: И очень бы хотелось знать, кто все-таки совершил это убийство, женщины клянутся и божатся, что они тут ни при чем. Нет, я считаю, мы просто обязаны свершить правосудие и выдать им убийцу. Поди узнай, кто это. Да, так и скажем им, что вот, мол, вам тот, кого вы ищете, а нам теперь дайте поесть. Поди найди его. Жена доктора поникла головой, подумала: Они правы, если кто-нибудь умрет с голоду, виновата буду я, но тотчас вспыхнувший гнев прогнал это смиренное признание своей ответственности: Вот пусть они первыми и умрут, чтобы моя вина искупила их вину. И, подняв глаза, подумала: А если сказать им сейчас, что это я убила, неужели они меня отдадут в третью палату, зная, что – на верную смерть. От голода ли, потому ли, что эта мысль прельщала, как влечет и манит бездна у самых ног, в голове у нее вдруг помутилось, она всем телом подалась вперед и уже открыла рот, но в этот миг ее руку кто-то цепко взял, крепко сжал, и, оглянувшись, она увидела старика с черной повязкой, который молвил так: Своими бы руками убил того, кто выдаст себя. Почему, спросили в кружке. Потому, что если в том аду, где мы с вами оказались и который нашими стараниями становится адом совсем уж кромешным, еще имеет какое-нибудь значение стыд, то лишь благодаря человеку, осмелившемуся прикончить гиену в самом ее логове. Стыд-то он, конечно, стыд, да только им не будешь сыт. Кто б ты ни был, но сказал сейчас сущую правду, ибо всегда найдется тот, кто будет сыт за счет бесстыдства, но мы, лишённые всего, кроме этой последней и сомнительной добродетели, должны, по крайней мере, попытаться отстоять принадлежащее нам по праву. Говори ясней. Если мы начали с того, что отпустили наших женщин к этому отребью и питались за их счет, как мелкая сутенерская мразь, то ныне пришла пора отправляться туда мужчинам, если они тут еще есть. Объясни толком, только

сначала скажи, откуда ты. Из первой палаты правого крыла. Ну, дальше. Да чего тут говорить, надо вернуть себе свое. У них есть оружие. Насколько я знаю, имеется один пистолет, а у патронов есть свойство кончаться. На нас хватит. Люди умирали и за меньшее. Я не собираюсь отдавать свою жизнь за то, чтобы другие жизнью наслаждались. Может быть, ты тогда и есть не собираешься, если кто-нибудь отдаст жизнь ради того, чтобы ты ел, саркастически осведомился старик с черной повязкой, но ответа не дождался.

Из двери, ведущей в палаты левого крыла, прокралась женщина, стала прислушиваться к разговору, не обнаруживая свое присутствие. Это была та самая, кому в лицо ударила струя крови, а в рот порция семени, та самая, кому тогда шепнула на ухо: Молчи, жена доктора, которая теперь думала: Сейчас, отсюда, где нахожусь я, сидя среди всех этих людей, я не могу сказать тебе, чтоб молчала, не выдавала меня, но ты наверняка узнала мой голос, ты не могла его забыть, моя ладонь зажала тебе рот, твое тело было прижато к моему, и я сказала тебе молчи, и вот пришло время узнать точно, кого я спасла, узнать, кто ты, и потому я буду говорить и дальше, говорить громко и внятно, чтобы ты могла указать на меня, если такая твоя судьба, твоя и моя, и вот я говорю: Идти должны не только мужчины, но и женщины, мы вернемся туда, где нас унижали, чтобы от унижения не осталось и следа, чтобы могли избавиться от него, выплюнуть, как выплевывают попавшую в рот соринку. Она произнесла это и подождана, пока женщина не сказала: Куда ты, туда и я, вот что она сказала. На лице старика с черной повязкой появилась улыбка, которая казалась, а может, даже не казалась, а и вправду была счастливой, только не ко времени было бы его об этом спрашивать, но интересно, что в тот же миг изменились лица и других слепцов, как будто над головами у них пролетела птица, проплыло облако, возник первый, робкий свет зари. Доктор сжал руки жены, потом спросил: Ну, кто-нибудь еще хочет узнать, кто убил того негодяя, или мы все согласимся с тем, что пал он от нашей руки, а точнее, от руки каждого из нас. Ответа не было. Жена доктора сказала: Дадим им еще немного времени, подождем до завтра, если солдаты не принесут еду, нападём. Поднялись, разделились, одни пошли направо, другие налево, опрометчиво не учтя возможности того, что кто-то из слепцов третьей палаты мог подслушивать их разговор, но, к счастью, черт не всегда, чуть упомянешь о нем, уж тут

как тут, и поговорка эта пришлась тут, опять же, как нельзя более кстати. А некстати было кваканье громкоговорителя, который в последние дни то говорил, то нет, но если говорил, то неизменно в одно и то же время, как и было обещано, и, несомненно, в передатчик вмонтировали какой-то таймер, в определенный момент включавший магнитную запись, а отчего иногда такого не происходило, нам знать не дано, ибо это свойства и явления мира внешнего, достаточно, впрочем, серьезные, поскольку в результате путался календарь, сбивался подсчет дней, которым иные слепцы, маньяки по природе или любители порядка, что есть смягченная форма мании, неукоснительно пытались заниматься, вяжа узелки на веревке, то есть поступая подобно тем, кто, не полагаясь на свою память, ведет дневник. Так вот, сейчас голос его раздался в неурочное время, должно быть, что-то в нем поломалось, реле ли вышло из строя, пайка отошла или запись не возвращается к началу, и только этого не хватало нам, мало того что мы слепцы, так теперь еще и спятим. По коридорам и палатам раскатился последним и бесполезным предупреждением властный голос: Правительство страны, выражая глубокое сожаление по поводу того, что во исполнение своего долга и в соответствии со своими полномочиями вынуждено принять ряд безотлагательных и жестких мер по защите всеми имеющимися в его распоряжении средствами населения страны, оказавшейся перед лицом кризиса, вызванного внезапной вспышкой эпидемии слепоты, временно именуемой белой болезнью, рассчитывает, что все граждане проявят сознательность и присущие им, гражданам, гражданские чувства, всемерно препятствуя распространению эпидемии в том, разумеется, случае, если мы имеем дело с нею, а не с необъяснимым в данное время совпадением ряда единичных случаев. Решение об помещении в карантин лиц, пораженных этим недугом, равно как и лиц, имевших с ними какие бы то ни было контакты, а потому подлежащих обсервации, является глубоко и всесторонне продуманным. Правительство полностью сознает свой долг перед народом и надеется, что те, кому адресовано это обращение, как законопослушные граждане, также осознают лежащую на них ответственность и поймут, что изоляция, которой их подвергли, ознаменует их неразрывную связь и нерушимое единство со всем национальным сообществом. Прослушайте правила поведения в карантине: первое, свет должен гореть постоянно, всякая попытка

погасить его бессмысленна, выключатели заблокированы, второе, покидать помещение без специального разрешения запрещается под страхом немедленной смерти, третье, по телефону, имеющемуся в каждой палате, разрешается передавать только просьбы о пополнении запаса гигиенических и моющих средств, четвертое, изолированные обязаны ежедневно производить ручную стирку своей одежды, пятое, не предписывается, однако настоятельно рекомендуется избрать в каждой палате старосту, шестое, трижды в день к дверям левого и правого крыльев будут доставляться коробки с продовольствием, предназначенные соответственно для обеих групп, седьмое, все отходы, под которыми следует понимать не только остатки пищи, но также тару и посуду, как то: тарелки и ложки, изготовленные для этой цели из горючих и легковоспламеняющихся материалов, подлежат сожжению, восьмое, сожжение производится на заднем дворе, девятое, изолированные несут ответственность за возможные негативные последствия неосторожного обращения с огнем, десятое, возгорание, случайное или произведенное умышленно, ликвидируется силами и средствами самих изолированных, без вызова пожарной охраны, одиннадцатое, изолированные не вправе рассчитывать на медицинскую помощь в случае заболевания кого-либо из них, равно как и на вмешательство извне для наведения порядка в случае возникновения конфликтов или актов агрессии, двенадцатое, в случае смерти кого-либо из числа изолированных, каковы бы ни были ее причины, тело силами самих изолированных должно быть без соблюдения каких бы то ни было формальностей захоронено на заднем дворе, тринадцатое, все контакты между двумя группами пациентов, размещенными в двух крыльях здания, могут производиться только в центральном вестибюле, через который вами был осуществлен вход в клинику, четырнадцатое, ослепшие незамедлительно переходят во флигель, где содержатся слепые, пятнадцатое, эти инструкции будут передаваться ежедневно, в одни и те же часы, для сведения вновь прибывших. Правительство, и на этом слове погас свет и громкоговоритель умолк. Один из слепцов безразлично завязал новый узелок на веревочке, потом попытался сосчитать их, узлы то есть, то есть дни, но отказался от своего намерения, потому что слишком густо оказались они расположены. Жена доктора сказала: Свет погас. Какая-нибудь лампа перегорела, ответил муж, неудивительно, ведь столько

времени постоянно включены. Нет, весь свет погас, что-то случилось там, снаружи. Значит, теперь и ты ослепла. Я дождусь, когда солнце взойдет. Она вышла из палаты, пересекла вестибюль, выглянула. Соседние кварталы были погружены во тьму, и даже армейский прожектор не горел, он, наверно, был подключен к общей сети, а теперь, похоже, энергия иссякла.

На следующий день, кто пораньше, кто попозже, ибо солнце для слепцов встает по-разному, и это зависит чаще всего от того, насколько тонок слух у каждого, стали собираться на ступеньках крыльца мужчины и женщины из разных палат, за исключением, само собой разумеется, третьей, обитатели которой должны были уже приступить к завтраку. Ждали, когда завизжат немазаные петли, загремят, открываясь, ворота, возвещая, что привезли еду, а потом начнется крик дежурного сержанта: Не выходить, не подходить, а потом, волоча ноги, пройдут солдаты, с глухим стуком бросят на землю коробки с провиантом, и армейские башмаки, удаляясь, затопают гораздо чаще, и снова заскрипят ворота, и последует разрешающее: Забирайте. И прождали так до тех пор, пока утро не сменилось днем, а день не пополз неуклонно к вечеру. Никто, включая жену доктора, не решался осведомиться, а будут ли кормить. Покуда не прозвучал этот вопрос, не грянет, леденя кровь, и отрицательный на него ответ, а пока нет ответа, есть, значит, надежда услышать что-нибудь вроде этого: Скоро, скоро подвезут, потерпите немножко, поголодайте еще самую малость. Но кое-кто, как бы ни хотел потерпеть, не мог больше выдержать и, будто сваленный внезапной и необоримой сонливостью, падал в обморок прямо здесь. Над потерявшими сознание принималась хлопотать жена доктора, просто поразительно, как эта женщина узнает все, что происходит вокруг, у нее какое-то прямо шестое чувство, способность видеть без глаз, и вот благодаря ей сомлевших не оставляли валяться на солнцепеке, а относили внутрь, а уж там спрыскивали водой, похлопывали по щекам, приводили в чувство. Но рассчитывать на них как на боевую единицу, как на активный штык, разумеется, не приходилось, не потянули бы, да им и кошку за хвост не потянуть, если вспомнить старинное речение, не объясняющее, правда, по каким таким сверхъестественным причинам кошку за хвост тянуть легче, нежели кота. И наконец объявил старик с черной повязкой: Еды не привезли, еды не привезут, пойдемте за едой сами. Поднялось бог

знает сколько народу, поднялось и собралось в самой отдаленной от вражеской цитадели палате, ибо давно уж пора быть предусмотрительными. Послали в левый флигель лазутчиков, слепцов, разумеется, из тамошних палат, лучше знающих местность, наказав им оповещать о первом же подозрительном шевелении. Жена доктора отправилась с ними и вскоре принесла не слишком обнадеживающие сведения: Они перегородили дверь четырьмя кроватями. Как ты узнала, что именно четырьмя, спросил кто-то. Как-как, пощупала. И тебя не засекли. Надеюсь, что нет. Ну, что делать будем. Пойдем туда, снова призвал старик с черной повязкой, сделаем то, что решили, на что решились, иначе будем обречены на медленную смерть. Если пойдем, кое у кого смерть будет скорая, ответил первый слепец. Кто собирается умереть, тот уже умер, только еще не знает об этом. О том, что мы умрем, нам известно со дня рождения. И потому в определенном смысле можно считать, что мы все рождаемся мертвенькими. Ну хватит воду в ступе толочь, высказалась девушка в темных очках, одна я туда идти не могу, но если не прекратите свою словесную эквилибристику, лягу в постель и буду лежать, пока не умру. Умирает лишь тот, чьи дни сочтены, сказал доктор, и больше никто, и, несколько возвысив голос, добавил: Кто готов идти, пусть поднимет руку, вот что происходит с теми, кто ляпнет, не подумавши, какой смысл поднимать руки, если некому подсчитать их и сказать потом: Тринадцать, после чего можно будет с уверенностью ждать начала новой дискуссии, в ходе которой докажут, что с точки зрения логики правильнее будет кому-нибудь одному примкнуть к добровольцам или, наоборот, покинуть их ряды, чтобы не получилась чертова дюжина, ну а кому покидать, пусть решит жребий. Руки поднялись, но не слишком уверенно, и в движении этом, то ли в преддверии явной опасности, маячившей впереди, то ли ввиду явной нелепости отданного и полученного приказа, сквозили нерешительность и сомнения. Доктор рассмеялся: Что за чушь я сморозил, давайте поступим иначе, кто не хочет или не может идти, пусть отойдет в сторону, а с остальными мы выработаем план действий. Начались бормотания, вздохи, шарканья, и постепенно отделились от ядра слабые и робкие, и замысел доктора оказался столь же эффективен, сколь и великодушен, ибо так труднее будет понять, кто был в рядах и покинул их. Жена доктора сочла оставшихся, и

вышло их вместе с нею и мужем семнадцать душ. Первую палату правого крыла представляли старик с черной повязкой, девушка в темных очках, аптекарь, а все прочие добровольцы были исключительно мужчины из разных палат, если не считать, а почему бы, собственно, ее не считать, ту женщину, которая сказала: Куда ты, туда и я, так вот, она тоже была здесь. Выстроились в проходе между кроватями, доктор пересчитал: Семнадцать, нас семнадцать. Маловато, сказал аптекарь, не справимся. Атаковать широким фронтом, если позволено мне будет употребить военный термин, сказал старик с черной повязкой, в данном случае неразумно, нам надо ворваться в брешь не шире дверного проема, если нас будет больше, это только осложнит дело. Положат всех, согласился кто-то, и все по виду остались наконец довольны своей малочисленностью.

Вооружились уже известными нам железными прутьями, выломанными из кроватных спинок и могущими служить как рычагами, так и копьями, в зависимости от того, будут ли введены в действие саперы или штурмовые части. Старик с черной повязкой, в молодости ознакомившийся, судя по всему, с кое-какими началами тактического мастерства, напомнил о необходимости держаться кучно, чувствовать локоть соседа и поворачиваться всем вместе, ибо это единственный способ не перебить своих, а также о том, что приступ должен происходить в совершенном молчании, что обеспечит эффект внезапности. И босиком, добавил он. Как потом свои башмаки-то искать будем, возразил кто-то, а кто-то еще ответил ему: Башмаки, что останутся после боя, в полном смысле могут считаться башмаками покойника, с той лишь разницей, что ими будет кому воспользоваться. Что еще за башмаки покойника. Поговорка такая есть, от башмаков покойника примерно столько же проку, сколько от козла молока, то есть ноль. Это почему же. Потому что покойников хоронят в картонной обуви, и считается, что прочнее им не надо, поскольку души, как известно, ногами не ходят. Да, вот еще что, прервал их старик с черной повязкой, шестеро из нас, те, кто духом пободрей, должны будут, ворвавшись, со всей силы оттолкнуть кровати внутрь, чтобы дать войти остальным. Но тогда им придется бросить свое оружие. Не придется, наоборот, пригодится, как рычаг. Помолчал и добавил довольно мрачно: Самое главное – держаться всем вместе, рассеемся – мы пропали. И мы тоже, сказала девушка в темных очках. Ты что же,

тоже пойдешь, не надо бы. Это почему. Ты слишком молода. Здесь возраст не учитывается, ни возраст, ни пол, так что не забывай про женщин. Я и не забываю, сказал старик с черной повязкой, причем так, словно эти его слова приплыли сюда из какого-то совсем иного диалога, но зато следующие впрямую относились к предстоящему им делу: Совсем даже не забываю и дорого бы дал, чтобы одна из вас видела, что мы не видим, и вела нас куда надо, и направляла острие наших копий в горло врага так же верно, как это делала та женщина, никому из нас не известная. Слишком много ты хочешь, один раз, как известно, не в счет, да и потом, может быть, она лежит там мертвая, по крайней мере, о ней ничего больше не слышно, отозвалась жена доктора. Женщины воскресают друг в друге, шлюхи – в порядочных, порядочные – в шлюхах, промолвила девушка в темных очках. И после этих ее слов повисло долгое молчание, для женщин все уже было сказано, а мужчины знали, что как ни ищи нужные слова, все равно не найдешь.

Двинулись цепочкой, имея во главе, как и было условлено, шестерых самыми крепких, среди которых были доктор и аптекарь, за ними шли все остальные, неся свои железяки, этакие копейщики, изможденные и оборванные, и, когда проходили вестибюлем, кто-то выронил оружие из рук, и оно загрохотало о каменный пол не хуже пулеметной очереди, так что если бандиты услышали и поняли, что это означает, мы погибли. Никого, даже мужа не предупредив, жена доктора забежала вперед, оглядела коридор и потом, крадучись, по стеночке, подобралась к двери третьей палаты, прислушалась, но раздававшиеся оттуда голоса звучали вполне безмятежно. Она доложила обстановку, и приступ начался. Штурмовая группа, хоть и шла медленно и тихо, все же привлекла внимание обитателей двух первых палат, и, зная, что должно произойти, они столпились в дверях, чтобы лучше слышать шум сражения, а те из них, на кого запах, фигурально выражаясь, пороха, пока еще не сгоревшего, оказал одушевляющее действие, в последний момент решили присоединиться к атакующим, и кто-то успел даже сбегать к себе в палату, выломать из кровати железный прут, так что численность отряда возросла по крайней мере вдвое, и подкрепление это не слишком обрадовало бы старика с черной повязкой, знай он, что под началом у него отныне не полк, а бригада. Последний, пепельный, умирающий свет дня

проникал через редко прорубленные окна, выходявшие на задний двор, и тускнел на глазах, и уже соскальзывал в черную глубину тьмы, которая воцарится сегодня ночью. Но если не считать неодолимого уныния, вызванного слепотой, от которой продолжали загадочным образом страдать слепцы, они, надо отдать им должное, стойко противостояли меланхолии, навеянной этим и подобными атмосферными колебаниями, безо всякого сомнения несущими полнейшую ответственность за бесчисленные акты отчаянья, имевшие место в те далекие времена, когда у людей еще были глаза и глаза эти видели. Но по достижении цели, то бишь двери в проклятую палату, тьма в коридоре стояла уже непроглядная, и потому немудрено, что жена доктора не разглядела, что кроватей, перегораживавших вход, стало не четыре, а восемь, то есть количество их удвоилось, как и число атакующих, но с куда более печальными для вторых, чем для первых, последствиями, которые обнаружились моментально, едва лишь старик с черной повязкой крикнул: Давай, ибо именно таков был отданный им приказ, и почему-то он не вспомнил испытанное в столетних: Вперед, на приступ, или вспомнил, но подумал, что слишком много чести будет штурмовать с этим главным боевым кличем груды вонючих, кишаших клопами и блохами лежаков со сгнившими от пота и мочи матрасами и засаленными до последней степени, драными и рваными одеялами, давно сменившими свой природный серый на все то многообразие цветов, какие пристало носить и защищать самому омерзению, о чем знала жена доктора, раньше знала, а теперь даже не то что не увидела, а и не догадалась, что баррикада укреплена. Слепцы, окруженные, подобно архангелам, собственным сиянием, ударили своими железками в препону, однако она и не подумала поддаться, и, надо сказать, силы этих силачей ненамного превосходили утлые возможности немоцного арьергарда, который уже едва держал в руках копья, как некогда тот, кто нес на спине крест и потом был вынужден ждать, когда его поднимут на него. Тишины как не бывало, кричали те слепцы, что были снаружи, и те, что внутри, и, надо полагать, никто до сегодняшнего дня не замечал, что крик слепых есть нечто совершенно чудовищное, такое, право, впечатление, что кричат они, сами не зная зачем, и мы, открыв рот, чтоб велеть им заткнуться, сами принимаемся кричать, хоть и не слепые, ну да это беда поправимая, всего лишь вопрос времени. В

многоголосом крике, который одни испускали, потому что оборонялись, а другие – потому что нападали, атакующие в отчаянье от того, что не могут убрать препятствие, побросали свои палки, только одну оставили и за нее-то ухватились все, ну, или, по крайней мере, те, кто сумел втиснуться в дверной проем, а кто не сумел, уперся сзади, и стали напирать, нажимать, толкать, и вот когда баррикада уже начала вроде как бы чуточку сдвигаться и подаваться, совершенно внезапно, безо всякого оклика или предупреждения, грянули подряд три выстрела, произведенные слепым счетоводом отнюдь не в воздух. Двое атакующих свалились, остальные поспешно шарахнулись назад, опять же спотыкаясь и сбивая друг друга с ног, и, умноженные акустикой безумных коридоров, перекинулись крики и в другие палаты. Тьма теперь была уже совсем непроницаемой, не разглядеть, в кого попали пули, можно, разумеется, спросить эдак вот, издали: Эй, кого там задело, м-м, но, согласитесь, это как-то нехорошо по отношению к раненым, с которыми надо обращаться уважительно, подойти к ним, руку положить на лоб, если, конечно, по несчастной случайности не туда им угодила пуля, потом негромким и ласковым голосом осведомиться о самочувствии, сказать, что, мол, ничего, все будет хорошо, сейчас санитары с носилками прибегут, потом дать воды, если, конечно, рана не в живот, ибо руководство по оказанию первой помощи категорически это запрещает. Что будем делать, спросила жена доктора, там двое лежат. Никто не спросил, почему она знает, что именно двое, хотя выстрелов было три, если не брать в расчет вполне возможные рикошеты. Надо их вытащить, сказала жена доктора. Большой риск, ответил старик с черной повязкой, обескураженный провалом операции, начатой столь тактически грамотно, если поймут, что мы – там, опять откроют пальбу, потом помолчал и добавил сокрушенно: Однако идти надо, и я готов. Пойдем вместе, сказала жена доктора, и не пойдем, а поползем, так будет безопасней, только как можно скорее, пока там, внутри, не опомнились. Я с вами, сказала женщина, та самая, что некогда пообещала: Куда ты, туда и я, и любопытно, что никому из толпившихся в коридоре не пришел в голову простейший способ узнать, кого же все-таки ранило, да-да, совершенно верно, ранило или убило, что пока неизвестно, а для этого всего-то и надо, чтобы каждый

сказал: Я тоже пойду, или: А я не пойду, а кто промолчит, тот, значит, и лежит там, в дверях третьей палаты.

И четверо добровольцев пустились в путь ползком, две женщины посредине, двое мужчин по бокам, так уж само собой вышло, а вовсе не из рыцарской учтивости или стремления по-джентльменски закрыть собой даму, тем более что неизвестно, под каким углом прилетит пуля, если слепой счетовод решит выпустить ее. А может, и вообще ничего не произойдет, потому что старика с черной повязкой осенила мысль, причем более удачная, чем все предшествующие, и заключавшаяся в том, что все остальные будут говорить как можно громче, а еще лучше – кричать, тем более что поводов для этого сколько угодно, и шумом этим перекроют и заглушат все звуки, которые неизбежно будут сопровождать вылазку, и возвращение, и все то, что может случиться между тем и этим, а что именно, то один бог знает. В считанные минуты спасатели достигли цели и поняли это еще прежде, чем наткнулись на тела своих товарищей, ибо кровь, по которой они ползли, сыграла роль вестника, явившегося к ним и молвившего: Я была жизнью, за мной уже ничего нет, и: Боже мой, подумала жена доктора, сколько крови, и это была чистая правда, крови натекла целая лужа, руки и одежда липли к полу так, словно и шашки паркета, и каменные плиты вымазали птичьим клеем. Она приподнялась на локтях и двинулась дальше, и остальные сделали то же. Нащупали наконец распростертые тела. Оставшиеся позади продолжали шуметь как можно громче, напоминая теперь плакальщиц, доведших себя до исступления. Жена доктора и старик с черной повязкой вцепились в щиколотки одного из лежавших, доктор и вторая женщина одновременно ухватились за руку и за ногу другого, и теперь следовало поскорей вытащить их и выбраться самим с линии огня. А это не так просто, потому что надо приподняться, стать на четвереньки, ибо таков единственный способ применить к делу жалкие остатки сил. Раздался выстрел, но на этот раз пуля никого не задела, а страх, как молния, пронизавший все тело, не заставил их вскочить и убежать, а, напротив, придал малую толику недостающей энергии. Через мгновение они были уже в безопасности, у стены рядом с дверью палаты, и необыкновенно замысловатую траекторию должна была бы вычертить пуля, чтобы попасть в них, а слепой счетовод едва ли был сведущ в баллистике, хотя бы в самых ее началах. Попытались

поднять тела, но ничего из этого не вышло. Оставалось только тащить волоком их и дальше, и вместе с ними по полу, словно из-под скобеля, тянулись полосы крови полусохшей и совсем свежей, еще струившейся из ран. Кто это, спросили ожидавшие. Откуда нам знать, мы ведь не видим, отвечал старик с черной повязкой. Здесь больше нельзя оставаться, сказал кто-то, если они пойдут на вылазку, дело не ограничится двумя ранеными. Или убитыми, сказал доктор, пульс у них, по крайней мере, прощупать не могу. Потащили тела по коридору, уподобясь отступающему войску, в вестибюле остановились, и посторонний подумал бы, что решили стать там лагерем, однако на самом деле причина была иная и крылась она в том, что просто иссякли последние силы, здесь останусь, больше не могу. Сейчас, кстати, самое время отметить такое удивительное обстоятельство, что бандиты, прежде такие предприимчивые и настырные, с такой охотой и легкостью применявшие, чуть что, грубую силу, сейчас перешли в глухую и пассивную оборону, сидят, забившись в свою нору, и отстреливаются наугад, то есть не решаются схватиться с врагом в чистом поле, лицом к лицу, глаза в глаза. Обстоятельству этому, как и всему на свете, имеется свое объяснение, состоит же оно в том, что в третьей палате после гибели главаря резко упала дисциплина, к нулю свелась субординация, и сильно ошибся слепой счетовод, решив, что вместе с пистолетом у него теперь в кармане и власть, как бы не так, все получается как раз наоборот, и каждая выпущенная им пуля летит, фигурально выражаясь, в него же, ибо с каждым истраченным патроном тратится и частица этой самой власти, и мы еще увидим, что произойдет, когда боеприпасы будут израсходованы полностью. И в соответствии с тем, что не всяк монах, на ком клобук, то и не всякого, у кого скипетр, можно признать королем, и пора бы уж назубок заучить эту истину. И хоть королевский скипетр ухватил сейчас слепой счетовод, следует сказать, что королем, пусть и мертвым, и погребенным, причем плохо, неглубоко, всего на три пяди под полом своей же палаты, продолжают считать прежнего вожака, и присутствие его, хоть бы в виде смрада, по-прежнему весьма ощутимо. А между тем на небо выплыла луна. Снаружи через главный вход проникает и разливается по вестибюлю неясное поначалу, но с каждым минутой набирающее силу сияние, и лежащие на полу тела, мертвые и пока еще нет, мало-помалу обретают объем и абрис, очертания и черты, и весь

ужас кошмара, тяжкого и безымянного, и тогда жена доктора осознала, что нет больше, а может, и раньше не было, ни малейшего смысла прикидываться слепой, ибо невооруженным глазом видно, что спастись никому не удастся, а слепота, помимо прочего, это еще и пребывание в мире, где исчезла надежда. Впрочем, она может сказать, кто погиб. Вот это – аптекарь, а это – тот, кто сказал, что, мол, положат нас, и оба до известной степени оказались правы, и излишне спрашивать меня, как я узнала, кто они, ибо ответ мой прост: Я вижу. Из тех, кто был там, одни это уже знали и молчали, другие с давних пор терзались сомнениями, которые теперь, стало быть, подтвердились, но совершенно неожиданным оказалось отчуждение третьих, можно себе представить, какое бы в другое время тут началось смятение, какие посыпались бы вопросы, как развязались бы языки: Почему тебе одной удалось избежать общей участи, что за капли закапываешь ты в глаза, дай мне адрес твоего врача, выведи меня из этого узилища, хотя, если вдуматься, и не было в этом отчуждении ничего неожиданного, потому что сейчас уже все равно, в смерти все одинаково слепы. Но и вправду нельзя было дальше оставаться в таком положении, даже защититься нечем, потому что и железяки остались у двери в третью палату, а кулаками не много навоюешь. Под водительством жены доктора убитых вынесли на крыльцо и на лунном свете, под млечной белизной небесного тела, оставили их тела, белые снаружи, черные наконец-то внутри. Разойдемся все по своим палатам, сказал старик с черной повязкой, потом посмотрим, что тут можно будет предпринять. И никто не обратил внимание на то, сколь безумны эти слова. Слепцы не стали делиться по принадлежности и происхождению, встретились и познакомились по дороге, одни пошли в левое крыло, другие – в правое, и вот туда вместе пришли жена доктора и та, что сказала: Куда ты, туда и я, но не эта мысль сидела сейчас у нее в голове, а совсем противоположная, но говорить об этом она не хотела, ибо не все клятвы исполняются – когда по душевной слабости, а когда и под воздействием высшей силы, которую мы порой забываем принять в расчет.

Минул час, луна уже высоко, голод и страх отгоняют сон, и никто в палатах не спит. Но дело не только в том, что есть хочется и страшно. Еще, быть может, не улеглось возбуждение от недавнего боя, пусть и

проигранного вчистую и с такими ужасными потерями, или в воздухе что-то такое, не определимое словами, но слепцов снедает беспокойство. Никто не осмеливается выйти в коридор, и внутренность каждой палаты поразительно напоминает улей, где жужжат одни трутни, есть такие поразительно неосновательные существа, как известно, мало приспособленные к соблюдению порядка, к исполнению хоть какого-никакого устава, ни в малейшей степени не задумывающиеся о будущем, хотя в отношении слепцов, людей, и без того обиженных судьбой, несправедливо было бы применять понятия трутень или паразит, ибо на чем им тут паразитировать, за счет каких рабочих пчел жить, смешно, ей-богу, и вообще поаккуратней бы надо со сравнениями, больно уж легко слетают они с языка. Впрочем, нет правила без исключения, что в очередной раз нашло себе подтверждение и здесь, в лице некой женщины, которая, чуть только успев войти к себе в палату, вторую в правом крыле, принялась рыться в своем тряпье и рылась до тех пор, пока не отыскала какой-то маленький предмет, а отыскав, зажала его в ладони, как бы для того, чтобы спрятать от посторонних глаз, давние привычки, дело известное, держатся прочно, даже когда приходит такой день и час, когда мы считаем, что их и вовсе уже нет. Но и здесь, где полагалось бы всем быть за одного, а одному за всех, видели мы, как сильные жестоко вырывают хлеб изо рта у слабых, а вот теперь увидим и эту женщину, которая пронесла сюда в сумочке зажигалку, умудрилась не потерять ее во всей этой свалке и неразберихе, и уж так она над нею дрожит, так трясется, словно это неперемное условие ее выживания, и не подумает даже, не вспомнит, что, быть может, кто-то из ее товарищей по несчастью сберег последнюю сигаретку, а покурить не может, потому что, сколько ни спрашивай: Огонька не найдется, – огонька не найдется. И теперь уж никогда. Женщина вышла, не сказав ни слова, ни прощайте, ни пока, и вот проходит она пустым коридором, мимо дверей в первую палату, и никто там не заметил ее, вот пересекает вестибюль, где лунный свет очертил и расцветил стоящую на каменных плитах упаковку молока, а женщина уже в левом крыле, и опять коридор, но путь ей лежит в самую его глубину, в дальний его конец, прямо иди, не заблудишься. Да и потом, она слышит голоса, идет на их зов, не верьте, никто ее не зовет, это, так сказать, фигура речи, доносится до нее лишь гвалт и гомон в

последней палате, где бандиты сладко пьют и вкусно едят по случаю победы, уж простите намеренное преувеличение, не будем забывать, что все на свете относительно, просто едят и пьют, что есть, и, конечно, всем прочим очень бы хотелось разделить с ними трапезу, но в данном случае и око не видит, и зуб неймет, между ними и пиршественным столом восемь кроватей и заряженный пистолет. Женщина стоит на коленях у двери, перегороденной этими самыми кроватями, и потихоньку подтягивает к себе одеяло с самой нижней, потом со следующей, потом с третьей, а выше ей не дотянуться, но это уже не важно, бикфордовы шнуры протянуты, остается только огонь поднести. Она еще помнит, куда покрутить колесико, чтобы пламя стало длинным, ну и вот он, маленький клинок огня, подрагивает, как острие ножниц. Она начинает сверху, пламя усердно лижет грязную ткань, и та наконец занялась, затлела, теперь среднюю, теперь нижнюю, и женщина чувствует потрескивание и запах паленого волоса, надо бы поосторожней, она здесь затем, чтобы разжечь этот костер, а не взойти на него, он уготован другим, и слышит доносящиеся изнутри крики, и в этот миг подумала: А если у них есть вода, а если сумеют потушить, и заползла под нижнюю койку, повела зажигалкой вдоль всего матраса, вдоль и поперек, здесь и там, и очажки пламени вдруг стали расти и множиться, и сливаться воедино, превращаясь в сплошную огненную завесу, еще пронеслась по ней бесполезная струя воды, обрушилась на женщину, но поздно, ибо она теперь, чтобы веселей горело, подкинула в костерок собственное тело. Интересно, что там внутри, войти да взглянуть никто, конечно, не осмелится, но ведь зачем-то же дано человеку воображение, вот и давайте представим себе, как огонь резво скачет по койкам, с одной на другую, будто хочет полежать на всех разом, и это ему удастся, а бандиты, изведя впустую и бесцельно свой скудный запас воды, теперь пытаются дотянуться до окон, вскакивают, балансируя, на спинки кроватей, до которых еще не добрался огонь, а он как раз и добрался, и они обрываются вниз, падают, а огонь за ними, и от жара уже с треском лопаются оконные стекла, и со свистом ворвавшийся в палату свежий воздух раздувает пламя, ах, да еще, конечно, звучат крики ярости и страха, вопли боли и муки, и здесь следует особо отметить, что звучат они все тише и слабей, а вот женщина с зажигалкой, например, вообще уже давно молчит.

К этому времени по задымленным коридорам бежали в панике и другие слепцы. Пожар, пожар, кричали они, и можно было убедиться воочию, до чего же скверно продумано и организовано размещение людей в этой, называйте, как хотите, клинике для душевнобольных, психиатрической больнице, сумасшедшем доме, посмотрите, ведь каждая из кроватей сама собой, со всеми своими замысловатыми железяками, превращается в настоящий капкан, представьте, какие ужасающие последствия проистекут от того, что в палате на сорок душ, не считая тех, кто спит на полу, предусмотрена только одна дверь, ведь если огонь подберется с этой стороны и перекроет выход, никто не выберется. К счастью, как неоднократно уже бывало в истории человечества, случается, что несчастье несет с собою благо, реже, конечно, говорится о том, что и благо несет с собой несчастье, есть в нашем мире такое вот противоречие, ибо об одном постоянно упоминают, про другое позабывают, ну а в нашем случае благом оказалось то, что на каждую палату предусмотрено вот именно что по одной двери, благодаря чему, то есть благом этим одаривая, огонь, в котором сгорели бандиты, так долго бушевал в их палате, не вырываясь наружу, так что если бы не всеобщее смятение и паника, не пришлось бы, глядишь, скорбеть по другим погибшим. Потому что в этой пресловутой панике очень многие слепцы были насмерть затоптаны, задавлены, в стены вмазаны, такое вот действие она производит, таков ее, можно сказать, природный эффект, когда дает себя знать животное начало, да и растительное было бы не лучше, деревья с травой, будьте уверены, вели бы себя так же, не будь у них корней, так крепко и цепко вросших в почву, а любопытное, надо полагать, зрелище являл бы собой бегущий от пожара лес. Внутренний двор был в полной мере использован в качестве убежища теми слепцами, которые догадались открыть окна в коридоре и выскочили наружу. Иные, выпрыгнув, теряли равновесие, оступались и падали, плакали и вопили, чем, впрочем, занимаются и сейчас, хоть и находятся в безопасности, относительной, разумеется, но будем все же уповать, что, когда прогорит и рухнет крыша, а в небо, как из жерла вулкана, ударит столб пламени и горячей черепицы, огонь не вздумает переметнуться на кроны деревьев. В правом крыле царит не меньший страх, потому что слепцу только дай учуять запах дыма, и он тотчас решит, будто горит где-то рядом, что вовсе не так, и в одно мгновение

коридор оказался забит людьми, и если не найдется кому навести тут порядок, худо нам всем придется. Кто-то вспомнил, что жена доктора покуда еще зрячая, да где же она, раздались голоса, пусть скажет, что происходит, куда нам идти, где она, я здесь, только сейчас сумела выбраться из палаты, и произошло это из-за косоглазого мальчугана, спрятался так, что никак не найдешь, но теперь уже он здесь, здесь, я мертвой хваткой вцепилась в него, пришлось силой разжимать мне пальцы, а другой рукой я держу руку мужа, а следом идет девушка в темных очках, а за ней, куда иголка, туда и нитка, старик с черной повязкой, а дальше первый слепец и его жена, все мы рядом, держимся вместе, сбились плотно, как сосновая шишка, которую даже такому жару не расколоть. Между тем кое-кто из здешних слепцов последовал примеру обитателей левого крыла и выскочил во внутренний двор, они не могут видеть, что большая часть здания с той стороны уже обращена в сплошной костер, но чувствуют, каким раскаленным воздухом веет, какой обжигающий ветер дует оттуда, где кровля покуда еще держится, но листья на деревьях медленно сворачиваются от жара. Тогда кто-то крикнул: Да что мы тут застряли, почему не выходим наружу, а ответ, долетевший из этого моря голов, дан был буквально в двух словах: Там солдаты, однако: Лучше от пули помереть, чем изжариться заживо, возразил старик с черной повязкой, и чувствовалось – человек знает, что говорит, а может быть, его устами говорит сейчас та женщина с зажигалкой, кому не выпало легкой смерти от последней пули, выпущенной слепым счетоводом. Сказала тогда жена доктора: Дайте-ка я поговорю с солдатами, не может быть, чтобы они оставили нас умирать вот так, у солдат ведь тоже есть сердце. И, ведомые надеждой на это, слепцы образовали узкий проход, по которому двинулась жена доктора, увлекая за собой своих. Дым застилал ей глаза, так что вскоре она станет слепей своих подопечных. С трудом сумели втиснуться в вестибюль. Двери были высажены, слепцы, прятаясь там, быстро поняли, что место небезопасно, захотели выйти, поднаперли, но другие сопротивлялись как могли, то есть очень упорно, ибо в них еще сидел страх попасться на глаза солдатам, однако и они сдались, почувствовав, что огонь совсем близко, прав оказался старик с черной повязкой, лучше от пули помереть. От пули так от пули, за этим, судя по всему, дело не станет, жена доктора сумела наконец выбраться на крыльцо, причем оказалась

практически полуголой, потому что обе руки у нее были заняты, и нечем, стало быть, обороняться от тех, кто хотел присоединиться к ее маленькой группе, пробивавшейся вперед, вскочить, так сказать, на подножку отходящего поезда, и вот, наверно, вытаращатся солдаты, когда она предстанет перед ними, выставив на поглядение едва прикрытые груди. И уже не луна освещала обширное пустое пространство между крыльцом и воротами, а неистово полыхающее зарево пожара. Жена доктора закричала: Пожалуйста, пожалуйста, ради всего, что вам дорого, дайте нам выйти, не стреляйте. Никто не отозвался. Прожектор по-прежнему не горел, у ворот не видно было ни одной фигуры. Одолевая страх, жена доктора сошла вниз еще на две ступеньки. Что там, спросил муж, но она не ответила, ибо не могла поверить своим глазам. Спустилась с крыльца и двинулась к воротам, по-прежнему ведя за собой косоглазого мальчика, мужа и всю прочую компанию, и теперь уже последние сомнения отпали, солдаты ушли, или их увезли, потому что они, да, и они тоже ослепли, и наконец-то слепы стали все.

Дальше, вероятно, для простоты, все произошло одновременно, то есть жена доктора объявила громогласно и во всеуслышание, что все свободны, с чудовищным грохотом, взметнув во все стороны языки пламени, обрушилась крыша левого крыла, с криками устремились к воротам слепцы, не все, правда, потому что из тех, кто был внутри, одних растерли о стены, из других ногами замесили бесформенное кровавое тесто, а высоко взвившееся пламя охватило все здание, чтобы все это обратить в пепел. Ворота распахнуты настежь, безумцы выходят.

Говорят слепцу: Ты свободен, отворилась дверь, отделявшая тебя от мира, свободен, тебе говорят, иди, а он не идет, застыл в страхе посреди улицы, и он, и все прочие, не знают, куда идти, потому что и сравнить даже нельзя жизнь в упорядоченном и рационально обустроенном лабиринте, каким по определению является сумасшедший дом, с тем, чтобы бродить без поводыря в лице человека или собаки, если, конечно, у собаки есть лицо, по лабиринту безумному и дикому, в который обратился город, и память здесь никакое не подспорье, ибо способна показать лишь образы тех или иных мест, но отнюдь не пути, к ним ведущие. И вот, у пылающего

здания больницы, ощущая на лицах живые волны жара, слепцы и воспринимают это как нечто, до известной степени их оберегающее, нечто, заменившее стены, то есть одновременно и лишаящее свободы, и дарующее безопасность. Они держатся кучно, они жмутся друг к другу, как овцы, и никому не хочется стать овцой заблудшей, потому что заранее известно, что никакой пастырь искать ее не пойдет. Пожар мало-помалу утихает, место действия теперь вновь освещено не заревом, а луной, и слепцы впадают в беспокойство, ибо нельзя же торчать здесь: До скончания века, говорит один из них. Кто-то спрашивает, день сейчас на дворе или ночь, и причина столь неуместной любознательности выясняется очень быстро: А вот интересно, еду-то привезут или нет, может быть, опять задержались, мало ли что случилось, так уж бывало раньше. Так ведь солдат нет. Ну и что, их могли увести, потому что стали не нужны. Не понял. Ну, потому что, к примеру, угроза заражения миновала. Или потому что придумали лекарство от нашей болезни. Хорошо бы. Ваши бы речи. Так что делать-то будем. Я лично останусь здесь до утра. А как ты знаешь, что утро. По солнцу, по теплу его лучей. А если пасмурно. Столько часов пройдет, и в конце концов утро придет. Иные слепцы, измучившись, уселись прямо на землю, иные, ослабев еще больше, просто упали, причем кое-кто – в обморок, может быть, ночной холод приведет их в чувство, но не вызывает сомнений, что, когда сыграют побудку, разбудит она далеко не всех несчастных, ибо иные дотянули только до этой вот минуты, как тот марафонец, который рухнул замертво за три метра до финиша, хотя, в сущности, о какой жизни нельзя сказать, что она не оборвалась прежде срока. Для тех слепцов, которые сидели или лежали, ожидая, когда солдаты, а не солдаты, так еще кто-нибудь, ну, вот, скажем, хоть красный крест, принесут еды и обеспечат иные удобства, необходимые для жизни, разочарование наступит чуточку позже, вот и вся разница. А если кто-нибудь здесь уверовал, что открыли средство от нашей слепоты, то даже и он не кажется от этого счастливей.

Но жена доктора сочла и своим сказала, что лучше бы дожидаться утра, исходя из других соображений: Сейчас самое неотложное дело – еду найти, а в потемках это будет нелегко. А ты понимаешь хоть приблизительно, где мы находимся, спросил доктор. Более или менее. Далеко от нашего дома. Порядочно. Другие тоже пожелали узнать, на

каком расстоянии они от своих домов, принялись сыпать адресами, жена доктора отвечала с учетом неизбежной погрешности, а косоглазый мальчуган никак не мог вспомнить, где живет, да и неудивительно, он ведь уже давно перестал звать маму. Если двигаться от дома к дому, от ближайшего до самого отдаленного, первым окажется тот, где живет девушка в темных очках, вторым – старик с черной повязкой и наконец третьим – первый слепец. Направятся они, без сомнения, именно этим маршрутом, потому что девушка в темных очках уже попросила, чтобы ее, как только будет можно, сопроводили домой: Уж и не знаю, как там мои, сказала она, и ее непритворное беспокойство доказывает, как же, в сущности, неосновательны, узколобы и зашорены рассуждения тех, кто отрицает саму возможность существования сильных чувств, в том числе и дочерней любви, у людей, к сожалению, весьма и весьма многочисленных, которые ведут несколько беспорядочный с точки зрения общественной морали образ жизни. Посвежело, если не похолодало, пожару мало что осталось жечь, и тепла, идущего с пепелища, уже не хватает для обогрева тех, кто стоит поодаль от ворот, то есть жене доктора и ее сподвижникам. Они сидят тесной кучкой, три женщины и мальчик посередине, трое мужчин вокруг, и если бы кто увидел, сказал бы, что они будто и на свет родились такими, а и вправду кажутся единым существом, с единым дыханием, да и чувством голода тоже. Один за другим они засыпают, верней, погружаются в неглубокий сон, из которого время от времени вынуждены выныривать, потому что другие слепцы, очнувшись от собственной сонной одури, поднимаются и сомнамбулами бродят, спотыкаясь, в этом разоре и хаосе, а кое-кто и пристраивается рядом, да и то сказать, не все ли равно, здесь ли спать или еще где. Совсем рассвело, и над развалинами вились теперь только слабые струйки дыма, да и то недолго, потому что пошел дождь, мелкий, морозящий, но упорный, зарядивший всерьез, и поначалу он никак не мог добраться до обугленной земли, на лету исходя паром, но стараний своих не оставлял, известное дело, капля не только камень точит, а и раскаленную головню погасит, а рифму для этой поговорки пусть подберет кто-нибудь еще. Кое-кто из присутствующих лишен, похоже, не только зрения, а и разума, ибо как иначе объяснить тот извилистый логический ход, по которому они пришли к выводу, что в дождь столь вожделенной еды не привезут. И не было решительно

никакой возможности втолковать им, что, если неправильна сама посылка, не может быть верным и заключение, или объяснить, что времени-то всего ничего, даже для завтрака рано, они в отчаянье катались по земле, плакали: Дождь идет, еды не привезут, нет-нет, не привезут, и, ах ты, господи, прямо хоть открывай тут новую психушку взамен сгоревшей.

А тот слепец, что ночью наткнулся на их лежбище и остался там ночевать, утром не встал. Скорчившись так, словно пытался удержать где-то у живота последнее тепло, он не шевелился, и припустивший с неожиданной силой дождь был ему нипочем. Умер, сказала жена доктора, а нам бы лучше идти отсюда, пока еще силы есть. С трудом, шатаясь от головокружения, цепляясь друг за друга, поднялись, выстроились вереницей, и впереди пошла та, у кого глаза видят, за нею – те, у кого нет, девушка в темных очках, старик с черной повязкой, косоглазый мальчик, жена первого слепца, сам первый слепец, а замкнул шествие доктор. Избранный ими путь ведет в центр города, но жена доктора хочет прежде всего и как можно скорей найти пристанище для всех, кто идет за ней, а сама она, устроив их, пойдет раздобывать еды. Улицы пустынные, то ли рано еще, то ли из-за дождя, усиливающегося с каждой минутой. Повсюду мусор, двери некоторых магазинов нараспашку, но большинство закрыты, и непохоже, чтобы внутри кто-то был, ни звука не доносится оттуда. Жена доктора подумала, что хорошо было бы завести своих спутников куда-нибудь в магазин, что ли, только, конечно, сначала надо хорошенько запомнить название улицы и номер дома, чтобы потом не потерять их. Она остановилась, сказала девушке в темных очках: Тихо, не шевелитесь, и принялась вглядываться в стеклянную дверь аптеки, ибо ей показалось, что там, внутри, на полу кто-то лежит. Постучала, одна из фигур шевельнулась, еще раз постучала, и тогда медленно приподнялись еще какие-то люди, и кто-то из них повернул голову в ту сторону, откуда доносился этот звук. Жена доктора поняла: Слепые, может быть, это семейство аптекаря, но почему они здесь, если так, почему не у себя дома, где, наверно, можно расположиться с большими удобствами, чем на голом полу, разве что охраняют свое заведение, но от кого, да и зачем охранять товар, который может и спасти, и убить. Отошла, заглянула в двери другого магазина и там тоже увидела людей на полу, мужчин, женщин, детей, кое-кто из них

вроде бы собирался выйти, и вот вытянул из-за двери руку, сказал: Дождь. Сильный, спросили изнутри. Сильный, надо бы переждать, и мужчина, а это был мужчина, стоял в двух шагах от жены доктора, не замечая ее, отчего она и вздрогнула, вдруг услышав: Доброе утро, ибо давно уже отвыкла от этих слов, и не только потому, что утра в карантине добрыми не бывают по определению, а еще и потому, что никто не мог бы с уверенностью определить, утро на дворе, день или вечер, и если слепцы, являя собой противоречие только что сказанному, просыпались более или менее одновременно и по утрам, то лишь по причине того, что ослепли все же сравнительно недавно и еще не совсем утратили ощущение смены дня и ночи, сна и яви. Мужчина сказал: Льет, а потом: Вы кто. Я не отсюда. Еду ищите. Да, мы уже четверо суток не ели. Как вы узнали, что четыре. Подсчитала. Вы одна. Со мной муж и еще несколько человек. Сколько именно. Всего семеро. Если думаете остаться здесь, то сразу предупреждаю, не выйдет, нас и так слишком много. Да нет, мы мимо проходили. И откуда. Нас интернировали сразу после начала эпидемии. А-а, карантин, знаю, не помогло. Почему вы это сказали. И что же, вас выпустили. Там случился пожар, и мы поняли, что солдаты, которые нас стерегли, исчезли. И вышли. Да. Эти солдаты, наверно, ослепли самыми последними, мы все здесь слепые. Все, весь город, вся страна. А если кто и видит, то молчит. А почему вы не живете у себя дома. Потому что не знаем, где наши дома. Как не знаете. Можно подумать, вы знаете. Я, и тут жена доктора, собиравшаяся было сказать, что как раз и направляется домой с мужем и остальными, хотели только подкрепиться чем-нибудь, со всей очевидностью поняла, что отныне вышедший из дому человек может лишь по чудесному стечению обстоятельств вернуться обратно, и времена теперь другие, это раньше слепец всегда вправе был рассчитывать на помощь прохожего, который и через дорогу переведет, и, если почему-либо нарушен обычный маршрут, наставит на путь истинный: Я, я, пролепетала она, знаю только, что далеко отсюда. Но найти сама не сможете. Нет. Ну вот, и со мной случилась такая же история, со мной и со всеми остальными, а вам, столько времени просидевшим в карантине, многому теперь придется учиться, вы ведь и не знаете, как просто можно теперь остаться на улице. Не понимаю. Сейчас все ходят кучками, стайками, как мы, а иначе нельзя, так вот, чтобы не отбиться от своих, люди

вынуждены отправляться на поиски пропитания все вместе, ну и дома, значит, никого не оставляем, и если все же удастся чудом каким-то вернуться, обнаруживаем, что квартира уже занята другой семьей, которая тоже заблудилась в городе, и вот так мы и ходим друг за другом по кругу, поначалу даже драки случались, но потом, и довольно даже скоро, мы поняли, что у нас, у слепцов, по сути, нет ничего, что можно было бы назвать своим, ну, кроме того, что на себе носим. Решение, может быть, в том, чтобы засесть в каком-нибудь продовольственном магазине, тогда, по крайней мере, пока не кончатся запасы, не нужно будет выходить. У того, кто так поступит, не будет больше ни одной спокойной минутки, и это еще самое малое, говорю самое малое, потому что слышал, что какие-то люди именно так и сделали, засели, заперлись на все замки, задвинули все щеколды, но с запахом-то съестного совладать невозможно, еда, она-то ведь пахнет, и снаружи стали собираться те, кто тоже хотел кушать, и когда они поняли, что им не откроют, взяли да и подожгли лавку, святое дело, я сам-то не видел, мне рассказывали, но в любом случае – святое дело, и с тех пор, насколько я знаю, на такое никто больше не решался. А в домах-то, в квартирах живут люди. Ну а почему бы им не жить, живут, конечно, уж не знаю, сколько народу прошло через мой дом, который я, наверно, никогда больше не увижу, но вы сами-то посудите, при наших обстоятельствах гораздо удобнее располагаться на первых этажах, в магазинах там, лавках, складах, тогда не нужно подниматься и спускаться по лестницам. Дождь перестал, сказала жена доктора. Дождь перестал, повторил мужчина, обращаясь к тем, кто сидел внутри. При этих словах они поднялись, собрали свои пожитки, рюкзаки, чемоданчики, баулы, мешки матерчатые и пластиковые, словно отправлялись в экспедицию, да так оно и было, в экспедицию за пропитанием, и, когда поочередно покидали магазин, жена доктора заметила, что они вообще недурно экипированы, хоть, конечно, цвета не всегда были подобраны со вкусом и гармонировали друг с другом, да и брюки одному были так коротки, что доставали только до лодыжек, а другому столь длинные, что подворачивать приходилось, однако же, случись мороз, он был бы путникам нестрашен, иные из мужчин были в плащах и пальто, две женщины – в длинных шубах, вот зонтиков ни у кого не было, неудобно, наверно, с ними управляться, да и глаз можно выколоть. Группа, человек в пятнадцать,

ушла. А на улице появились другие, попадались и одиночки, отойдя к стене, справляли утреннюю нужду мужчины, а женщины предпочитали спрятаться за брошенный автомобиль. Здесь и там на мостовой виднелись размолотые дождем экскременты.

Жена доктора вернулась к своим, которые не иначе как по наитию сбились в кучу под навесом кондитерской, откуда пахло скисшими сливками и еще какой-то гнилью. Пошли, сказала она, я нашла прекрасное место, и повела их в магазин, только что покинутый охотниками, за продовольствием. Внутри все осталось в сохранности, потому что торговали там не съестным и не одеждой, а холодильниками, стиральными и посудомоечными машинами, электрическими плитами и микроволновыми печками, пылесосами, миксерами, блендерами и еще тысячей волшебных приспособлений, призванных облегчать жизнь. Пахло здесь, впрочем, чрезвычайно скверно, и потому незапятнанная белизна бытовой техники казалась нелепой. Располагайтесь и отдыхайте, сказала жена доктора, а я пойду промыслю какой-нибудь еды, не знаю, где она мне попадет, близко ли, далеко, так что ждите меня терпеливо, если кто захочет войти, говорите, что место занято, и этого будет достаточно, чтобы они ушли, тут теперь так принято. Я с тобой, сказал доктор. Нет, лучше мне одной, надо понять, как жить теперь, когда, насколько я понимаю, ослепли все. Ну, стало быть, сказал старик с черной повязкой, мы словно бы и не покидали свою психушку. Никакого сравнения даже и быть не может, мы же можем идти, куда захотим, и с пропитанием как-нибудь разрешится, с голоду не умрем, вот только бы еще одежду раздобыть, срам смотреть, какими вы все оборванцами ходите, и в значительной степени слова эти относятся к ней самой, ибо она по пояс едва ли не голая. Она поцеловала доктора на прощанье, почувствовав в этот миг, как толкнулась в сердце боль. Пожалуйста, очень тебя прошу, ни в коем случае не уходи отсюда, даже если кто-то сюда вломится, а если вас выставят отсюда, хоть я и не верю, что такое случится, но все же, на всякий случай, мало ли что, так вот, не отходите далеко от дверей и, главное, держитесь все вместе, пока не приду. Она оглядела их сквозь слезы, застилавшие глаза, вот они все стоят перед ней и зависят от нее, как малые дети – от матери. Как же они тут без меня-то, подумала она, не сообразив, что тут теперь все такие, и ничего, живут как-то, и надо самой ослепнуть, чтобы понять,

что человек привыкает ко всему, особенно если он уже не вполне человек, но даже если еще и не совсем дошел до такой кондиции, вот, например, этот косенький мальчуган, который уже так давно не спрашивает, где мама. Она вышла на улицу, обернулась, запомнила номер дома и что написано на вывеске, теперь осталось еще узнать, как называется улица, табличка должна быть на углу, неизвестно ведь, как далеко заведут ее поиски пропитания и какими будут они, может быть, в три двери придется толкнуться, а может быть, в триста три, а заблудиться нельзя, не у кого спросить дорогу, те, кто раньше видел, теперь ослеп, а она хоть и видит, да не знает, где находится. Выглянуло солнце, заиграло в лужах на замусоренной мостовой, видней сделалась пробившаяся меж плит трава. Людей прибавилось. Как же они ориентируются, поразила жена доктора. Да никак, бродят неподалеку от домов, вытянув руки, постоянно налетают друг на друга, словно муравьи на узкой дорожке, и когда такое происходит, не слышится возгласов протеста, да и вообще ничего не слышится, им нет необходимости говорить, вот одна семейка отделилась от стены, поравнялась с другой семейкой, идущей навстречу, разминулась с ней, пошла дальше, до следующей встречи. Время от времени останавливаются, обнюхивают двери, не пахнет ли чем съестным, все равно каким, и бегут своей дорогой, вот свернули за угол, скрылись из виду, а на их месте возникли другие, и непохоже, что они обрели искомое. Жена доктора может двигаться куда проворнее, ибо не тратит время на то, чтобы, зайдя в магазин, убедиться, что это не продовольственный, но очень скоро понимает, что задача ей выпала не из легких, немногие бакалеи и гастрономы, попавшиеся ей, были уже выметены дочиста и напоминали выеденную кожуру, пустую скорлупу.

Она уже очень далеко от того места, где оставила мужа и остальных, и много пришлось исходить переулков, улиц, проспектов, площадей, чтобы вдруг оказаться перед супермаркетом. Внутри было то же, что и везде, пустые прилавки, разбитые витрины, слонялись слепцы, по большей части на четвереньках, шарили рукой по грязному полу, ища, не подвернется ли под нее что-нибудь пригодное к употреблению, например, консервная банка, выдержавшая натиск тех, кто пытался вскрыть ее, или упаковка чего-нибудь, все равно чего, или, скажем, картофелина, пусть даже раздавленная, или буханка хлеба, пусть даже окаменевшая. Жена доктора подумала: Обязательно что-нибудь да отыщется, ведь такой огромный магазин. Один из слепцов, вскрикнув, поднялся на ноги, осколок разбитой бутылки вонзился ему в колено, и кровь уже залила всю ногу. Его окружили: Что такое, что, что случилось, а он отвечал плаксиво: Стекло, стекло в коленку засадил. В какую. В левую. Слепая наклонилась: Осторожно, тут, наверно, еще есть, сама, смотри, не обрежься, чтобы ощупать больное место. Вот он, осколочек, ишь, торчком стоит еще, прочие слепцы расхохотались: Скорей давай пользуйся, пока торчком, а она, сложив большой палец с указательным на манер пинцета, чему никого учить не надо, удалила осколок, потом перевязала колено извлеченной из заплечного мешка тряпицей и в тон общему веселью отпустила собственную шуточку: Вот и все, у него вообще, наверно, недолго торчит, и все опять засмеялись, пострадавший же ответил, развивая тему: Ладно, никто покуда еще не жаловался, и, надо полагать, в этой группе супругов не имелось, никого, по крайней мере, не смутили эти вольные и фривольные намеки, а может быть, наоборот, здесь как раз и подобрались супружеские пары, да нет, вряд ли, супруги все же такие речи прилюдно не ведут. Жена доктора огляделась по сторонам, но все, что было съедобного, давно уж освоили и присвоили другие, отстояв свое пинками, чаще всего приходившимися по воздуху, и тычками, попадавшими иной раз не в соперника, а в союзника, так что предмет разбирательства падал, бывало, на пол и ждал, когда на него наткнется кто-нибудь еще. Ну, здесь мне не отломится, подумала она, применив выражение не из своего лексикона и тем самым лишний раз доказав, что природа и сила обстоятельств весьма влияют на лексику, и тут на память невольно приходит тот полковник, что в ответ на предложение сдаться обозвал предлагающего дерьмом, благодаря чему с грядущих

поколений тех, кто сыплет этим словом направо и налево, причем в ситуациях куда менее опасных, снимается обвинение в невоспитанности. Нет, не отломится, и совсем уж было собралась уйти, как вдруг ее осенила счастливая мысль, да не сама собой, а наверняка по воле провидения: Но ведь здесь должен быть склад, не тот большой, который, кажется, называется базой, она, наверно, где-нибудь у черта на рогах, а здешний, при магазине, где лежит запас продуктов более или менее длительного хранения, и, воодушевленная этой мыслью, двинулась на поиски заветной и наверняка закрытой двери, ведущей в сокровищницу, однако двери все были настежь, а за ними встречали ее все то же запустение и все те же слепцы, роющиеся в бесполезном мусоре. Но вот наконец в темном коридоре, куда почти не проникал дневной свет, глазам ее предстало нечто вроде клетки грузового лифта. Железные двери были закрыты, но рядом она увидела еще одну дверь, судя по всему, откатывающуюся вбок на роликах. В подвал, решила жена доктора, слепцы, добравшиеся досюда, утыкались в тупик и понимали, наверно, что это лифт, но никто почему-то не вспомнил, что рядом обязательно должна быть предусмотрена дверь на тот случай, если отключат электроэнергию, как вот, к примеру, сейчас. Она двинула дверь в сторону и в тот же миг получила разом два сильных впечатления, и одно возникло при виде глубокой тьмы, куда придется нырнуть, чтоб дойти до подвала, а второе – от того, что ноздри защекотал характернейший запах съестного, пробивавшийся даже через упаковку, которую принято считать герметической, ибо голод обостряет чутье, позволяя преодолевать любые препоны и расстояния, как собаке. Жена доктора метнулась назад выбрать в мусоре пластиковые пакеты, сумки, мешки, чтоб было во что рассовывать продовольствие, и одновременно спросила себя: Как я в темноте пойму, что несу, но пожала плечами, тоже мне забота, дело не в том, что, а в том, как – как ей, обессиленной, тащить полные и тяжеленные мешки, да с ними в руках проделать, уже в обратную сторону, весь долгий путь, и в этот миг ее пронзил страх, что она не найдет дорогу туда, где ждет ее муж, нет, название улицы она знала, запомнила, но сколько же там было поворотов направо, налево, и отчаянье буквально сковало ее, пригвоздило к месту, но потом, медленно, словно оцепенелый мозг начал наконец постепенно выходить из ступора, увидела, будто со

стороны, что по-прежнему склоняется над планом города и водит пальцем по лабиринту улиц, отыскивая кратчайший маршрут, словно у нее было две пары глаз, из которых одна глядит, как глядит она в карту, а другая – на карту и на маршрут. Коридор был по-прежнему пуст, и это следовало счесть настоящей удачей, ибо жена доктора от волнения и от неожиданности позабыла закрыть за собой дверь. Спohватившись, аккуратно притворила ее и, погрузившись в полнейшую тьму, оказалась совершенно слепа, в точности как все, кто был снаружи, и разница была только в цвете, если, конечно, белый и черный можно в самом деле считать цветами. Держась за стену, начала спускаться по лестнице, думая, что если бы об этом подвале кто-нибудь знал, чего, конечно, быть не может, и сейчас шел бы ей навстречу, то пришлось бы действовать, как слепцы, которых видела она на улице, то есть кому-нибудь одному отказаться от надежной опоры, пройти вперед, огибая неопределенную субстанцию встречного, и, быть может, на миг испытать нелепый страх, что стены больше не будет: Я, кажется, схожу с ума, подумала она, да, впрочем, было от чего – спускаться в черную дыру, где нет ни света, ни надежды на него, притом неизвестно, как далеко придется идти, хотя обычно такие склады устраивают не очень глубоко, первый пролет: Теперь я знаю, что такое быть слепым, второй пролет, Сейчас закричу, сейчас закричу, третий пролет, тьма похожа на густое тесто, которым облепили все лицо, а глаза превратились в сгустки смолы, Что это там, передо мной, и следом – другая мысль, еще более пугающая: А как же я потом отыщу лестницу, и вдруг потеряла равновесие и, чтобы не полететь кувырком, резко опустилась на пол, чуть не потеряв сознание, и пробормотанное: Чисто, относилось к полу, до чего же это восхитительно, чистый пол. Постепенно стала приходить в себя, почувствовала, что глухо ноет живот, в этом не было ничего нового, но сейчас в ее теле словно бы ничего больше и не существовало, да нет, все было на месте, но просто не желало подавать о себе никаких вестей, разве что сердце, да, сердце бухало, как большой барабан, и то сказать, легко ли вечно работать во тьме, начиная с самой что ни на есть первой, тьмы материнской утробы, и кончая последней, где оно и остановится. В руке жена доктора по-прежнему держала, не выпуская, пластиковые пакеты, теперь оставалось лишь наполнить их, набить продуктами, и спокойно, спокойно, на складе не водятся ни драконы, ни привидения, здесь

всего лишь тьма, а она не укусит и не обидит, ну а лестница отыщется. Набравшись решимости, собралась было подняться на ноги, но вспомнила, что слепа, а потому лучше будет, слепцам уподобясь, ползти на четвереньках, пока не упрешься во что-нибудь, лучше всего в застекленную витрину с едой, любой, какой угодно, лишь бы можно было ее не варить и не жарить, ибо не время предаваться кулинарным фантазиям.

Но стоило ей пройти еще несколько шагов, страх вернулся, может быть, она ошиблась и впереди, невидимый, поджидает ее дракон с разверстой пастью. Или протянет руку призрак и уведет в ужасный мир мертвецов, никогда не прекращающих умирать, потому что кто-то их постоянно воскрешает. И потом, уже трезво, кротко-смиренно, но с бесконечной печалью подумала, что, может быть, это никакой не склад, а, например, гараж, и ей даже почудился запах бензина, вот как может обмануться сознание, если капитулирует перед им же самим сотворенными монстрами. Но тут рука ее уткнулась во что-то, но не в липкие пальцы призрака, не в огнедышащий зев дракона, и, ощутив холодное прикосновение металла, гладкую, уходящую вверх плоскость, жена доктора догадалась, не зная, как это называется, что наткнулась на стеллаж. И сообразила, что параллельно ему должны находиться другие, такие же, и теперь оставалось лишь понять, на каком выставлены продовольственные товары, а не, запах не обманет, моющие средства. Не думая больше, каких трудов будут стоить ей поиски лестницы, она пошла вдоль стеллажей, приносиваясь, ощупывая, встряхивая. Здесь были картонные упаковки чего-то, бутылки стеклянные и пластиковые, маленькие, средние и большие склянки, жестянки с, наверно, консервами, тубики, резервуары, емкости, коробки, и она доверху заполнила этим один из мешков: Съедобное ли хоть, подумала беспокойно. Перешла к другим полкам, и на второй нежданное случилось, слепая, не ведающая своего пути рука наткнулась и сбросила несколько маленьких коробочек. И от звука, с которым ударились они об пол, замерло сердце: Спички. Дрожа от волнения, жена доктора нагнулась, пошарила по полу и нашла, этот запах ни с каким другим не спутаешь, ни запах, ни звук, с каким, когда встряхнешь коробок, погромыхивают маленькие деревянные палочки, вот выдвигающаяся середка, вот шершавый, покрытый фосфором бочок, чиркнула серная головка, и вслед за вспышкой крохотного

пламени возник расплывающийся, зыблющийся, как звезда в туче, кружок света, о боже, на свете, оказывается, есть свет, а у меня глаза, чтоб увидеть его, так будь же ты благословен, свет. С этой минуты дело пошло много веселей. Начала со спичек и набила ими целый мешок, хотя: Не надо тащить так много, шептал ей здравый смысл, но она не желала внимать ему, потом подрагивающий свет озарил полки, и в самом скором времени пакеты заполнились, а первый пришлось опорожнить, потому что там не оказалось ничего толкового, зато на сокровища, лежавшие в остальных, можно купить весь город, чему не стоит удивляться, ибо понятия ценности меняются, и если вспомнившийся нам король предлагал некогда свое царство за коня, то чего бы, умирая с голоду, не отдал он за эти подмигивающие ему мешки с едой. Вот лестница, путь лежит прямо. Но прежде жена доктора садится на пол, вскрывает упаковки с копченой колбасой и с нарезанным черным хлебом, скручивает пробку с бутылки и начинает без зазрения совести есть и пить. Если не поем сейчас, никогда не донесу свою кладь куда нужно, думала поставщица. Подкрепившись, повесила пакеты на предплечья, по три на каждое, руки вытянула перед собой и зажигала спички, пока не добралась до нижней ступеньки, с которой начала свое мучительное восхождение, еда еще не переварилась, ей нужно время, чтобы дойти до мышц и нервов, и в таких случаях лучше всего работает все-таки голова. Бесшумно отъехала в сторону дверь. А если кого-нибудь встречу в коридоре, подумала жена доктора, что тогда делать. Коридор был пуст, но она повторила свой вопрос: Что тогда делать. Можно бы, конечно, дойдя до выхода, повернуться и крикнуть: Там, в глубине коридора, лестница в подвал, а внизу полно еды, угощайтесь, дверь я оставила открытой. Да, она могла бы так сделать, но не сделала. Помогая себе плечом, закрыла дверь, сказала себе, что и правильно, что не сделала, страшно представить, что только началось бы тут после этих ее слов, слепцы рванулись бы сюда как безумные, это все равно что в сумасшедшем доме крикнуть: Пожар, сверзились бы со ступеней, покатались вниз, а их задавили бы и растоптали идущие следом, которые тоже бы оступились, потому что одно дело ставить подошву на твердую ступень и совсем другое – на бьющееся под ногой тело. А когда это съедим, схожу, еще принесу, подумала она. Сдвинула свои пакеты вниз, перехватила, глубоко вздохнула и вышла в коридор. Нет, ее не

увидят, но почуют то, что она съела: Колбаса, вот дура-то, это же настоящий горячий след. Стиснула зубы, крепче сжала ручки пакетов: Бежать надо, подумала она. Ей вспомнился слепец, порезавший себе колено осколком стекла. Если и со мной такое случится, если я тоже наступлю на стекло, мы, вероятно, уже позабыли, что эта женщина босиком, не успела еще зайти в обувной магазин, как поступают все прочие слепцы, которые, несмотря, да уж как тут смотреть, на свое несчастье, выбирают себе обувь, пусть и ощупью. Бежать надо, и она побежала. Поначалу пыталась лавировать между слоняющихся группами и поодиночке слепцов, не прикасаясь к ним, но это сильно замедляло передвижение и заставляло, меня направление, останавливаться, ненадолго, разумеется, но и этой минутки было бы достаточно, чтобы учуять колбасную ауру, ибо аура – это не только нечто эфирное и благоухающее, и в любой миг кто-нибудь из слепцов может крикнуть: Кто здесь ест колбасу, и, пока не прозвучали эти слова, жена доктора оставила, так сказать, попечение и понеслась напрямки, налетая на встречных и попутных, сшибая их, сбивая, расталкивая и отпихивая, то есть перешла в режим спасайся кто может, заслуживающий самого сурового порицания, ибо так себя не ведут по отношению к людям, и без того уже отягощенным несчастьем.

Когда выбралась на улицу, шел проливной дождь. И хорошо, подумала она, еле переводя дыхание, чувствуя, что ноги не держат, меньше будет чувствоваться запах колбасы. Пока бежала через супермаркет, растеряла и последние обрывки одежды, еще кое-как прикрывавшие ее выше пояса, и теперь шла с обнаженной грудью, блистающей, да-да, это слово здесь как нельзя более уместно, от потоков небесной влаги, но аналогия со свободой на баррикадах была неполной, потому что тяжеленные, слава богу, до отказа набитые сумки оттягивали руки, не давали вскинуть их над головой на манер знамени. Имелось в этом свое неудобство, потому что пьянящие ароматы источались на уровне собачьих носов, и любопытно, как и чем живут их обладатели, оставшись без хозяев, и за женой доктора следовала неотступно уже целая свора, и, опять же слава богу, никто из собачек не решил попробовать на зуб прочность пластиковых пакетов. При таком дожде, которому совсем недалеко до настоящего потопа, люди, казалось бы, должны попрятаться, переждать ненастье. Ничего подобного, куда ни глянь – слепцы, закинув головы к разверзшимся

хлябям, жадно хватают воду ртами, подставляют ей все уголки и складки тела, а самые предусмотрительные и благоразумные набирают ее в разнообразные сосуды и емкости, ведра, котелки и кастрюли, протягивая их к великодушному небу, нет, не врет пословица, что Господь посылает дождик сообразно жажде. Жена доктора раньше отчего-то и не подумала, что, как ни крути кран в квартире, не добудешь ни капли драгоценной жидкости, вот они, издержки цивилизации, слишком уж мы привыкли к водопроводу, нам и в голову не приходит, что для того, чтобы из крана потекла вода, нужны люди, открывающие и закрывающие распределительные клапаны, нужны водонапорные башни, а им, в свою очередь, электроэнергия, нужны компьютеры, чтобы сводить приход с расходом и учитывать запасы, а для всего этого никак не обойтись без глаз. Не обойтись без них и для того, чтобы взглянуть на эту вот картину – женщина, тяжело навьюченная пластиковыми пакетами, идет по полузатопленной улице между гниющим мусором и экскрементами людей и животных, между приткнутыми как попало, мешающими проходу грузовиками и легковушками, причем у иных вокруг колес уже проросла трава, между слепцами, уставившими разинутые рты, вытаращенные глаза в белое небо, ибо непонятно, как это может лить с него такой дождь. Жена доктора читает таблички с названиями улиц, знакомыми и нет, но в какую-то минуту понимает, что сбилась с пути и заблудилась. Да, сомнений нет, заблудилась. Повернула назад, и когда, выбившись из сил, из всех, какие только имелись, поняла, что уже не узнает ни улиц, ни названий их, упала на землю, покрытую мусором, облепленную черной грязью, и заплакала. Псы окружают ее, обнюхивают сумки, но как-то не слишком заинтересованно, словно время их трапезы давно прошло, а один из них принимается лизать ей лицо, как будто его с нежного щенячьего возраста приучили именно так утешать плачущих. Женщина треплет его по голове, гладит по свалывшейся холке и остаток слез выплакивает у него, можно сказать, на груди. Когда же наконец подняла глаза, то – слава богу перекрестков – увидела прямо перед собой большой план города, какие муниципальные власти и управления по туризму устанавливают в изобилии на центральных улицах города для пользы и ради душевного спокойствия прежде всего приезжих, которые с одинаковым успехом могут сказать, куда направляются, и понять, где оказались. Сейчас, когда все ослепли,

легко упрекнуть чиновников в том, что пустили деньги на ветер, однако не надо спешить с обвинениями, а вот запастись терпением, напротив, надо непременно, ибо мы давно уже должны были раз и навсегда затвердить накрепко, что только судьба, не признающая прямую кратчайшим расстоянием между двумя точками, только она одна может сказать, чего ей стоило поместить здесь этот план, чтобы плачущая женщина сориентировалась на местности. Ты была гораздо ближе, чем предполагала, и, если бы направилась в другую сторону, всего-то надо было бы пройти вон по той улице до площади, потом второй поворот налево, первый направо, вот тебе и дом, который ты ищешь, а номер его ты помнишь. Собаки остались сзади, то ли что-то отвлекло их внимание, то ли они так привыкли к этому кварталу, что покидать его не желают, но за женщиной, пролившей столько слез, двинулся лишь пес, который испил всю горечь их, причем нельзя исключать, что и он был загодя предусмотрен судьбой, столь тщательно подготовившей встречу женщины с планом. Так или иначе, в магазин они вошли вдвоем, и слезный пес, будем отныне называть его так, не удивился, увидев людей, простертых на полу и лежавших тихо и неподвижно, как мертвые, не удивился, потому что уже привык, ему и ночевать случалось среди таких же, а когда приходило время вставать, почти все оказывались живыми. Просыпайтесь, если спите, сказала жена доктора, я вам еды принесла, но сперва заперла за собой дверь, чтобы кто-нибудь не услышал с улицы. Косоглазый мальчик первым поднял голову, на большее его не хватило, слабость не позволила, остальные чуть погодя тоже зашевелились, им снилось, что они стали камнями, а ведь никому неизвестно, сколь тяжел их сон, но можно прогуляться за город и посмотреть, как, по пояс вросшие в землю, крепко спят они там, ожидая, когда что-нибудь разбудит. Но слово, как известно, горы движет, тем более такое слово, как еда, тем более когда разыгрывается аппетит, и даже слезный пес, не владеющий даром речи, завилял хвостом и, когда это инстинктивное движение напомнило ему, что он еще не выполнил непременною обязанность всякой мокрой собаки, яростно затрясся всем телом, обдав брызгами всех вокруг, собакам проще живется, они ведь ходят в мехах, как в пальтишке, отряхнул – да пошел. Чудодейственна оказалась святая вода, доставленная непосредственно с небес, и окропленные ею камни превратились в людей, пока жена доктора принимала деятельное

участие в этих метаморфозах, вскрывая один за другим свои пластиковые пакеты. Не все они пахли тем, что было в них заключено, но запах черного хлеба был, возвышенно выражаясь, квинтэссенцией самой жизни. Теперь уже все проснулись, у всех затряслись в предвкушении руки, исказились лица, но тут доктор, в точности как это чуть раньше случилось со слезным псом, вспомнил, к какому сословию принадлежит: Осторожно, не набрасывайтесь на еду, может быть плохо. Плохо от голода бывает, возразил первый слепец. Слушай, что доктор говорит, одернула его жена, и муж замолчал, подумав с тенью досады: Ишь ты, без глаз, а все видит, но ведь это было несправедливо, если вспомнить, что доктор слеп не менее, нежели все остальные, доказательством чего служит, например, то, что он не заметил, что жена его пришла с улицы по пояс голая, и это она попросила у него пиджак, чтобы набросить на плечи, и другие слепцы взглянули в ее сторону, да поздно, раньше надо было любоваться.

За едой она рассказывала о своих приключениях, умолчав из всего увиденного и сделанного о том лишь, что закрыла за собой дверь, ибо ее самое не слишком убедили те, зиждущиеся на человеколюбии резоны, которые она себе привела, но в виде компенсации поведала историю о слепце с осколком стекла в колене, историю, встреченную всеобщим смехом, впрочем, не так, не всеобщим – старик с черной повязкой ограничился усталой улыбкой, а косоглазый мальчик жевал так увлеченно, что ничего, кроме треска за ушами, не слышал. Слезный пес получил свою порцию и тотчас отработал ее, яростно облаяв того, кто с улицы забарабанил в дверь магазина. Кто бы ни был этот незванный гость, настаивать он не стал, говорят, бешеные собаки по городу носятся, а я и так взбешен донельзя тем, что не вижу, куда ногу ставлю. Воцарилось прежнее спокойствие, и, когда первый голод был утолен, жена доктора пересказала свой разговор с мужчиной, выглянувшим из этого самого магазина узнать, идет ли дождь. И завершила его такими словами: Если это правда, неизвестно, что найдем мы в своих квартирах, и даже сумеем ли войти в них, говорю сейчас о тех, кто забыл забрать с собой ключи или потерял их, вот у нас, например, ключей нет, во время пожара пропали, а как их теперь найдешь там, на пепелище, и, чуть только произнесла это слово, словно наяву увидала, как пламя пожирает ножницы, сжигая сначала засохшую кровь на лезвиях, потом берется и за них самих, затупляет

острые концы, делая их округло-мягкими, податливо-дряблыми, ромбовидными, а потом и вовсе бесформенными, и поверить немислимо, что ими раскромсали кому-то горло, а когда огонь доделает свое дело, в слитке оплавленного металла невозможно будет понять, где ножницы, а где ключи. Ничего подобного, сказал на это доктор, ключи у меня, и, с трудом просунув три пальца в кармашек, располагавшийся на поясе вдрызг изношенных брюк, извлек оттуда три ключа на кольце. Откуда они у тебя, если я своими руками положила их в сумочку, а она осталась в палате. Я достал, боялся, потеряются, решил, надежней будет держать их при себе, ну, и потом так легче верить, что когда-нибудь мы непременно вернемся домой. Это хорошо, что есть ключи, но, может статься, дверь взломали. Нашу дверь не взломаешь, можно даже и не пытаться. Увлечшись разговором, они позабыли о других, но теперь пришло время узнать, как обстоят дела с ключами у всех остальных, и первой ответила девушка в темных очках: Меня увезли, а родители остались, и я не знаю, что с ними теперь, за ней – старик с черной повязкой: Я, когда ослеп, был дома, в дверь постучали, хозяйка сказала, что за мной приехали санитары, так что мне было не до ключей, теперь оставалась только жена первого слепца, однако она сказала так: Я не знаю, не помню, но на самом деле и знала, и помнила, только не хотела признаться, что в тот миг, когда увидела, что не видит, нелепо звучит, конечно, но выражение укоренилось, и нам не удалось его избежать, выскочила из дому с криком, зовя соседок, еще остававшихся в доме, но те побоялись прийти ей на помощь, и она, проявившая столь завидные самообладание и твердость характера, когда стряслась беда с мужем, теперь потеряла голову до такой степени, что оставила дверь настежь и даже не подумала попросить, чтобы ей позволили на минутку вернуться, только дверь запру и назад. Косоглазого мальчика и спрашивать не стали, ибо какие тут ключи, если бедняжка не может даже вспомнить, где живет. Тогда жена доктора слегка дотронулась до руки девушки в темных очках: Начнем с твоего дома, он ближе всех, но сначала надо раздобыть какую-нибудь одежду и обувь, нельзя ходить такими вонючими оборванцами. Она уже собралась подняться, как вдруг заметила, что наевшийся до отвала мальчик снова заснул. Она сказала: Давайте отдохнем, поспим немного, а потом пойдем посмотрим, что нас ждет. Сняла мокрую юбку и, чтобы согреться,

прилегла к доктору, и жена первого слепца притулилась к мужу. Это ты, спросил он, и она вспомнила о доме, загрустила, но не сказала: Утешь меня, не сказала, но словно бы подумала, а вот какие чувства побудили девушку в темных очках положить руку на плечо старику с черной повязкой, неизвестно, но поступила она именно так, и так они оба остались, только она уснула, а он – нет. Слезный пес улегся в дверях, перекрывая проход, это зверь серьезный и несговорчивый, пока не приходит минута осушить чьи-нибудь слезы.

Оделись и обулись, вот разве только еще не придумали, каким образом им помыться, но и так уже стали разительно отличаться от остальных слепцов, и, при известной скудости выбора, ибо попали они в магазин готового платья к шапочному, и не только, разбору, части их одежды гармонируют друг с другом, и великая удача, что есть рядом человек, способный посоветовать: Вот это надень, оно больше подойдет к этим брюкам, нет, ну что ты, это же в полосочку, а это в мелкий горошек, не сочетается, и подобные мелочи, не играющие роли для мужчин, которым, как принято говорить, все едино, в лоб ли, по лбу, совсем даже не безразличны и девушке в темных очках, и жене первого слепца, упорно отстаивавшим определенные цвет и фасон и силою воображения видевшим, идут ли им обновки. В отношении обуви все согласились, что не в красоте сила, а в удобстве, а потому отринуты были лодочки и шпильки, замша и лак, при нынешнем состоянии улиц это было бы просто глупо, тут нужны резиновые сапоги, совершенно непроницаемые, на литой подошве, с голенищем до середины икры, такие, что легко снимаются и надеваются, ничего нет лучше, чтобы шлепать по грязи. К сожалению, сапоги такой модели нашлись не для всех, косоглазый мальчик, к примеру, своего размера не обнаружил, а в имевшихся нога у него просто тонула, так что пришлось удовольствоваться кроссовками, не имеющими определенного спортивного назначения: Нет, ну надо же, воскликнула бы его мать, бог знает, где сейчас обретающаяся, если бы ей рассказали об этом, как раз то, что выбрал бы мой сыночек, будь у него глаза. Старик с черной повязкой, которому, наоборот, все было мало, решил проблему с помощью баскетбольных кедров, предусмотренных для людей двухметрового роста и соответствующих пропорций. Поначалу, конечно, вид у него был довольно нелепый, казалось, что он

шествует в белых шлепанцах, но нелепость эта была из разряда скоропреходящих, и вот, десяти минут не прошло, как кеды перепачкались грязью, ибо здесь, как и во всем, что есть в нашей жизни, нужно лишь дать времени время, а уж оно само все расставит по местам.

Дождь перестал, не видно слепцов с открытыми ртами. Они бродят по улицам, не зная, куда себя девать и чем заняться, им безразлично, идти или стоять, цели у них нет, не считая, разумеется, добывания пропитания, музыка свое отыграла, никогда еще не бывало в мире такого безмолвия, кино и театры посещают лишь те, кто остался без дома и отчаялся его найти, концертные залы, какие побольше, были превращены в карантин еще в ту пору, когда неуклонно редующее правительство верило, что белую болезнь можно победить теми самыми средствами и методами, которые так бесславно проиграли в оны дни борьбу с желтой лихорадкой и прочими заразами, но с этим теперь уже кончено, даже и пожара не потребовалось. Что же касается музеев, то просто душа разрывается, сердце щемит глядеть на всех этих людей, да-да, тут нет ошибки, написанных, нарисованных, изваянных людей, перед которыми нет ни одной живой души. А чего ждут слепцы, на что надеются – неизвестно, может быть, что изобретут лекарство, если еще верят в него, впрочем, вера эта сильно пошатнулась, когда стало общеизвестно, что слепота не пощадила никого и что не осталось ни единой пары зрячих глаз, чтобы смотреть в микроскоп, что опустели заброшенные лаборатории, где бактериям, намеренным выжить, не осталось ничего иного, как только сожрать друг друга. Поначалу, конечно, многие слепцы в сопровождении родственников, сохранявших еще в ту пору зрение и родственные чувства, являлись в больницы, но заставляли там слепых врачей, которые только и могли, что посчитать невидимым больным пульс, послушать их через трубочку стетоскопа спереди и сзади, благо слух им еще не изменил. Затем больные, еще способные ходить, с голодухи начали больницы покидать и умирать там, где застигала их смерть, то есть на улицах, в полнейшем забросе и небрежении, всеми покинутые, потому что семьи если и имелись, то пребывали неведомо где, умирать и лежать без погребения, ибо, чтобы похоронили, мало, чтобы кто-нибудь на покойника наткнулся, мало даже, чтоб пошел соответствующий запашок, лишь в том случае зароят, если он

растянулся поперек дороги. Неудивительно, что развелось столько собак, теперь уже больше напоминающих гиен, по крайней мере пятна на шерсти в точности такие, как у тех трупоедов, и они носятся по улицам с частями, преимущественно задними, человеческого тела в зубах, словно бы в страхе перед тем, что мертвые и пожираемые оживут и воскреснут, чтобы заставить заплатить за позорное это дело – кусать не имеющих возможности защищаться. Ну, что, на что похож мир, спрашивал старик с черной повязкой, а жена доктора отвечала: Нет разницы между тем, что снаружи, и тем, что внутри, между здешним и тамошним, между малым и многим, между тем, как живем, и тем, как будем жить. Ну а люди, осведомлялась девушка в темных очках, и жена доктора, переспросив: Люди, отвечала: Люди бродят как призраки, должно быть, быть призраком означает именно это – пребывать в уверенности, что мир существует, что подтверждается четырьмя чувствами, но не видеть его. А много ли машин, интересовался первый слепец, который все не мог смириться с пропажей собственной, и жена доктора отвечала: Как на автомобильном кладбище. Ни доктор, ни жена первого слепца вопросов не задавали, да и зачем они, если ответы будут наподобие уже данных. Косоглазому мальчику довольно и того, что у него на ногах вожделенные кроссовки, и удовольствие не портит даже то, что он их не видит. Быть может, по этой причине он и не похож на призрак. И совсем уж не заслуживает, чтобы называли его гиеной, следующий по пятам за женой доктора слезный пес, ибо влечет его не запах мертвечины, а время от времени обращаемый к нему взор несомненно живых и безусловно зрячих глаз.

Дом девушки в темных очках неподалеку, но силы только теперь начинают возвращаться к изголодавшимся за эту неделю слепцам, вот потому-то идут они тихим шагом, а присесть передохнуть негде больше, как на голой земле, и можно было не хлопотать из-за фасонов и расцветок, ибо уже очень скоро все обновки перепачкались в грязи. Улица, где стоит дом, короткая, да еще и узкая, чем и объясняется отсутствие на ней автомобилей, проехать по ней можно было, притом в лишь одну сторону, а вот парковка запрещена. Неудивительно, что и людей нет, на таких улочках сплошь и рядом случается, что не увидишь ни единой живой души: Какой номер, спрашивает жена доктора. Номер семь, второй этаж налево. Одно из окон открыто, в

прежние времена это было бы верной приметой того, что кто-то есть дома, а сейчас ни о чем еще не говорит. Сказала жена доктора: Всем идти не надо, мы вдвоем поднимемся, а вы подождите внизу. Отчетливо видно, что входная дверь взломана, замок вырван, что называется, с мясом, и с косяка свисает на одном волоконец длинный лоскут стесанного дерева. Но жена доктора об этом говорить не стала. Пропустила девушку вперед, она знает дорогу, и полутьма на лестнице ей не помеха. И все же от волнения и спешки та два раза споткнулась, но решила, что лучше будет самой над собой посмеяться: Нет, ну ты подумай, да я по этой лестнице с закрытыми глазами могла спуститься и подняться, готовые фразы они все такие, они не в силах передать тонких оттенков смысла, и эта вот, например, не в состоянии уловить разницу между закрытыми глазами и глазами незрячими. На площадке второго этажа искомая дверь была заперта. Девушка в темных очках провела рукой по стене, нащупала звонок: Света же нет, вспомнила жена доктора, и эти три слова, означавшие не больше того, что все и так знали, стали для девушки дурным предзнаменованием. Она постучала в дверь, раз, другой, третий, и в третий – яростно, со всей силы, забарабанила кулаками по филенке, крича: Мама, мамочка, папа, папочка, но никто не вышел открыть, и ласкательные частицы не поколебали действительность, и никто не ответил: Доченька, ну, наконец-то, мы уж думали, никогда тебя больше не увидим, ну, заходи же, а это подруга твоя, милости просим, очень рады, у нас тут беспорядок небольшой, уж извините, не обращайтесь внимания, но никто так – да и вообще никак – и не отозвался. Никого нет, сказала девушка в темных очках, прижалась к двери, лбом уперлась в скрещенные руки и заплакала навзрыд, а мы, надо сказать, совершенно недостаточно осведомлены о том, сколь сложно устроена душа человеческая, вот и удивляемся, что по родителям тоскует так, что ее буквально ломает и крутит от боли и отчаянья, девушка эта, нестрогих, скажем прямо, правил, хотя сами совсем недавно утверждали, что нет и никогда не было никакой связи между тем и этим. Жена доктора хотела было утешить ее, но что она могла сказать, зная, что ныне долго оставаться у себя дома сделалось практически невозможно: Давай у соседей спросим, предложила она. Давай, ответила девушка в темных очках, но в голосе ее не было надежды. Принялись стучать в квартиру напротив, но и оттуда никто не отозвался. Двери квартир на третьем

этаже были нараспашку, а сами квартиры – выметены дочиста, платяные шкафы пусты, а там, где обычно хранят провизию, не осталось от нее и следа. То есть следы-то как раз имелись, следы того, что здесь относительно недавно прошли бродяги, которыми, кто в большей, кто в меньшей степени, стали отныне все, ибо все теперь шатаются из дома в дом, из одной пустоты в другую.

Спустились на первый этаж, и жена доктора костяшками пальцев постучала в ближайшую дверь, из-за которой после настороженного молчания спросили хрипло и недоверчиво: Кто здесь, и девушка в темных очках выступила вперед и: Это я, ваша соседка сверху, родителей ищут, может быть, знаете, где они, что с ними. Послышались шаркающие шаги, дверь отворилась, и на пороге появилась изможденная, кожа да кости, старуха с длинейшими всклокоченными космами седых волос. Из квартиры за нею потянулось, окутало обеих женщин облако тошнотворного смрада, где запах затхлости и плесени успешно соперничал со стойкой вонью какой-то тухлятины. Старуха таращила белые глаза: Не знаю, где они, как тебя увезли, на следующий день и за ними приехали, я в ту пору еще зрячая была. А еще кто-нибудь остался в нашем доме. Время от времени слышу шаги на лестнице, то вверх, то вниз, но это не жильцы, а бродяги ночевать приходят. А мои родители. Говорю же тебе – ничего про них неизвестно. А где ваш муж, сын, невестка. Всех увезли. А вас почему не. А я спряталась. Где. А вот представь себе, в твоей квартире. Как же вы туда проникли. По наружной лестнице, через черный ход, разбила стекло, открыла дверь изнутри, ключ торчал в замке, и вошла. Но как же вы здесь, одна, столько времени, спросила жена доктора. Кто, кто здесь еще, беспокойно завертела головой старуха. Это моя подруга, мы вместе, сказала девушка в темных очках. Но что же вы едите, продолжала допытываться жена доктора. А что, и я в поле не обсевок, устроилась. Ну, не хотите – не говорите, мне просто любопытно. Говорю, говорю, первым делом обошла все квартиры в доме, собрала все, что там было съедобного, что могло испортиться, то сразу съела, остальное припрятала. Есть еще что-нибудь, спросила девушка в темных очках. Нету, все кончилось, и при этих словах в слепых глазах старухи мелькнуло недоверчивое выражение, хотя и это тоже всего лишь общепринятая формула, применяемая в подобных обстоятельствах, фигура речи, ибо в глазах, какие ни будь они, хоть

зрячие, хоть слепые, хоть вообще вырванные, никакого выражения нет и быть не может, эта ко всему безразличная двухместная карета повезет, кого в нее ни посади, и заберет себе всю славу, хотя все бремя разнообразной визуальной риторики берут на себя веки, ресницы, брови. Так чем же вы живете, спросила жена доктора. По улицам смерть ходит, но во двореке возле дома жизнь еще покуда есть, загадочно промолвила старуха. Что это значит. А то и значит, там капуста растет, курочки бродят, кролик сидит, еще цветы есть, только они несъедобные. И как же. А вот так, то капусты нарву, то курочку поймаю, то кролика забью. И что же – сырых. Поначалу разжигала жаровню, а потом приноровилась сырыми есть, а уж кочерыжки до того сладкие, так что уж будьте покойны, моей матушки дочка с голоду не помрет. Она отступила на два шага за порог, так что только ее белые глаза сверкали во тьме, и произнесла оттуда: Если хочешь попасть домой, могу тебе показать как. Девушка в темных очках собиралась было ответить, что нет, спасибо, право, не стоит, к чему это, если отца с матерью все равно там нет, но ей вдруг ужасно захотелось войти в свой прежний дом, увидеть свою комнату, дура, что я несу, я ведь слепая, ну, хоть провести рукой по стенам, по матрасу на кровати, прикоснуться к подушке, на которую столько раз опускала шалую свою голову, к столу и стульям, и, может быть, на комод еще стоит ваза с цветами, если только старуха не смахнула ее на пол, разозлясь, что цветы несъедобны. И сказала так: Спасибо, тогда, если разрешите, я воспользуюсь вашей любезностью. Заходи, заходи, только знай наперед, что еды здесь не добудешь, того, что есть, мне самой в обрез, да и потом, ты сырое есть не станешь. Не беспокойтесь, еда у нас имеется. Ах, вот как, тогда услуга за услугу, и мне оставьте малую толику. Оставим, обязательно оставим, сказала жена доктора. Они прошли уже коридор, и вонь сделалась непереносимой. В кухне, куда проникал скудный дневной свет, валялись на полу кроличья шкурка, куриные перья, кости, а на столе, на блюде лежали в засохшей крови куски мяса неизвестного происхождения, причем по виду – уже несколько раз пережеванные. А чем же вы кормите кур и кроликов, спросила жена доктора. Да чем придется, капусткой, травкой, остатками, отвечала старуха. Остатками чего. Да всего, что сама не доем, хоть бы и мяса. Куры и кролики мяса не едят. Кролики пока что нет, а курочки – так за милую душу, они же вроде нас, людей, ко всему

привыкают. Старуха двигалась уверенно, не спотыкаясь, убрала мешавший пройти стул, словно видела его, и указала пальцем на дверь черного хода. Вон туда, только осторожней, перила совсем шаткие, ходуном так и ходят. А дверь, спросила девушка в темных очках. Не заперто, толкнешь, а ключик-то вот он, у меня. Это мой ключ, отдайте, хотела сказать девушка, но спохватилась, что этот ключ ей совершенно ни к чему, если все остальные унесли родители или еще кто, не станет же она просить эту старуху всякий раз, как понадобится выйти или войти. Сердце у нее слегка сжалось, то ли потому, что она входила в свой дом, то ли потому, что родителей там не было, то ли еще почему.

В кухне было чисто и прибрано, и даже пыли накопилось не очень много, и вот вам, помимо того, что исправно поливаются капуста и трава, еще одно преимущество дождливой погоды, и, глянув сверху на этот пресловутый садик, жена доктора подумала, что видит настоящие джунгли в миниатюре. Неужели и кролики разгуливают на свободе, спросила она себя, да нет же, они по-прежнему в своем крольчатнике, ждут, когда слепая рука протянет им капустных листьев, а однажды ухватит за уши и вытянет, как ни брыкайся, наружу, и потом другая рука, подготовив, опять же вслепую, удар, перешибет шейные позвонки в основании черепа. Память повела девушку в темных очках по квартире, как и старуха снизу, она не спотыкалась и не раздумывала, присев на непокрытую, должно быть, родителей забрали на рассвете, двуспальную кровать, заплакала. Жена доктора оказалась рядом, сказала: Не надо, что еще она могла сказать, какой смысл плакать, если смысла лишен весь мир. В спальне, на комодке стояла ваза, откуда уже давно испарилась вода, а в вазе – засохшие цветы, и к ним потянулись слепые руки, и пальцы легко прикоснулись к мертвым лепесткам, как хрупка становится жизнь, если не поддерживать ее. Жена доктора открыла окно, выглянула на улицу, увидела, как, усевшись прямо на землю, терпеливо ждут ее, один только слезный пес поднял голову, чуткий слух подал ему сигнал. Небо, вновь заволоченное тучами, потемнело, близился вечер. Подумала, что сегодня не надо будет искать приют, переночуют здесь. Старухе не понравится, если мы все пройдем через ее квартиру, пробормотала она. В этот миг девушка в темных очках дотронулась до ее плеча: Ключи остались в замке, они их не взяли с собой. Что ж, хоть с этой проблемой, если, конечно, это проблема, справились, не надо будет

испытывать терпение старухи с первого этажа. Схожу за ними, скоро вечер, как хорошо переночевать в доме, под крышей, сказала жена доктора. Вы ляжете здесь. Там видно будет. Вы у меня дома, и я здесь хозяйка, так что слушайся. Ты права, будь по-твоему, и она обняла девушку в темных очках, а потом отправилась за остальными. Поднимаясь по лестнице вверх, оживленно переговариваясь, иногда оступаясь, хотя, кажется, ясно было сказано: По десять ступенек на каждом марше, они напоминали компанию, идущую в гости. Слезный пес следовал позади так спокойно, словно всю жизнь был с ними неразлучен. С площадки смотрела вниз девушка в темных очках, так уж исстари повелось, что выходят за дверь поглядеть, кого бог привел, если это незнакомый человек, или произнести слова приветия, если это друзья, а в данном случае не надо и глаз, чтобы узнать, кто это пожаловал, и сказать: Заходите, проходите, располагайтесь. Выглянула в щелку старуха, решив, что это опять черт принес ночлежников, и насчет этого не ошиблась, и на вопрос: Это еще кто, ответила сверху девушка в темных очках: Это мои, и старуха, недоумевающая, как это та смогла оказаться на площадке, тотчас поняла и разозлилась на себя, что не сообразила отыскать и забрать себе ключи от входной двери, тем самым лишаясь вроде бы как прав собственности на этот дом, где была уже несколько месяцев единственной жилицей. Она не нашла иного способа избыть поднявшуюся в душе досаду, кроме как крикнуть вверх: Смотрите, не забудьте, вы мне обещали еды дать. И поскольку ни жена доктора, ни девушка в темных очках не ответили, потому что одна была занята своими обязанностями поводиры, а другая – приемом гостей, крикнула в бешенстве: Оглохли, что ли, и зря она это сделала, потому что слезный пес, как раз в этот миг поравнявшийся с нею, облаял ее так раскатисто, что вся лестница загудела, и этот лай произвел поистине чудотворное действие, потому что старуха, испуганно вскрикнув, метнулась к себе и захлопнула дверь. Что за ведьма такая, осведомился старик с черной повязкой, доказывая, что человек довольно часто не желает поставить себя на место другого, ты поживи-ка со старухино, а мы поглядим, насколько хватит твоей учтивости.

Еды, кроме той, что принесли с собой, не было, воду приходилось расходовать крайне экономно, буквально по капельке, ну а в отношении освещения повезло – обнаружили в шкафу две свечи,

хранимые на случай перебоев электроэнергии, и жена доктора зажгла их исключительно для собственного блага, потому что другим это было без надобности, у них и так в головах горел свет такой яркий, что они от него ослепли. Больше ничего не было, но и этой вот малости благодаря вышел семейный праздник, из тех, из редкостных, где все, что принадлежит одному, принадлежит всем. Прежде чем сесть за стол, жена доктора и девушка в темных очках спустились на первый этаж, исполнили обещание, хотя точнее было бы сказать – выполнили требование, уплатили натурой за проход через тамошнюю таможню. Старуха встретила их бранчливыми и ворчливыми попреками, проклятая тварь, чуть насмерть не загрыз меня, просто чудом спаслась: Чтоб такую зверюгу прокормить, наверно, много еды надо, ввернула она с намеком, ожидая, что это укоризненное замечание пробудит в посланницах остатки совести, и в самом деле, может быть, скажут они друг другу, что бессовестно морить голодом бедную старушку, покуда грубое животное жрет от пуза. Но нет, две женщины не отправились за новой порцией, принесенное и так вполне можно было счесть щедрым даянием, особенно по нашим-то, по теперешним стесненным обстоятельствам, и старуха, которая была совсем не так зла, какой могла бы показаться, совершенно неожиданно поняла это в правильном смысле и, вдруг вынеся откуда-то из закровов ключ от черного хода, вручила его девушке в темных очках со словами: Держи свой ключ, и, более того, пробурчала, закрывая за ними дверь: Спасибо вам. Пораженные тем, что у ведьмы обнаружились добрые чувства, женщины поднимались по лестнице: Она – не плохая, просто одна осталась, и от этого, наверно, рассудка лишилась, сказала девушка в темных очках, по всей видимости, не удосужившись подумать, что говорит. Жена доктора не ответила ей, решила перенести этот разговор на потом, и вот, когда все остальные, уgomонившись, расположились на ночлег, а кое-кто и заснул, она, оставшись с нею на кухне, как мама с дочкой, которые после ухода гостей набираются сил для последней приборки по дому, спросила: И что же ты теперь будешь делать. Да ничего, здесь останусь, буду ждать родителей. В одиночестве и слепоте. К слепоте я уже привыкла. А к одиночеству. Придется привыкать, живет же эта старуха как-то. Хочешь стать такой, как она, питаться капустой и сырой крольчатинной, покуда хватит, похоже, во всем квартале людей больше не осталось, вот и будете с нею на пару

куковать, ненавидеть друг друга от страха, что еда кончится, и каждый кусок, проглоченный одной, будет вырван изо рта у другой, а ты ведь даже не видела, во что эта несчастная превратилась и что у нее в доме творится, ты только запах ощущала, так я тебе скажу, что это будет похлеще нашей с тобой психушки. Рано или поздно все мы станем такими, станем, а потом вообще перестанем, жизни больше не будет. Живем же пока. Послушай, ты знаешь гораздо больше меня, рядом с тобой я круглая дура, но мне кажется, мы уже умерли, мы и слепы-то потому, что мертвы, или, иначе говоря, мертвы потому, что слепы, это одно и то же. Но я-то пока вижу. К счастью для тебя, к счастью для твоего мужа, для меня, для всех остальных, кто с нами, но ведь неизвестно, сколько это еще продлится, а если ослепнешь, будешь такой же, как все мы, и все мы в конце концов будем ничем не лучше этой старухи. Сегодня есть сегодня, завтра будет завтра, и ответственность на мне – сегодня, пока я еще вижу. Ответственность за что. За то, что хожу зрячей меж слепцов. Ты не можешь стать поводырем и кормилицей всех слепцов в мире. Должна. Но ведь не можешь. Буду помогать тем, кто рядом. Знаю, мне ли этого не знать, если бы не ты, меня, может быть, уже и в живых-то не было. И я не хочу, чтобы ты умерла. Я должна жить, такая у меня теперь обязанность, здесь мой дом, и я хочу, чтобы родители, когда вернутся, застали меня здесь. Когда вернутся, это ты сказала, и теперь осталось лишь узнать, останутся ли они твоими родителями. Не понимаю. Старуха снизу тоже, по твоим словам, не всегда была такой ведьмой. Бедная. Бедными будете ты и твои родители, когда встретитесь, ни глаз, ни чувств, ибо чувства, с которыми жили мы и которые заставляли нас жить так, как мы жили, были чувствами людей зрячих, какими мы родились, а у слепых чувства иные, не знаю какие, не спрашивай, отчего они стали такими, ты сказала, что мы мертвые, потому что слепые, это оно и есть. Ты любишь своего мужа. Да, как самое себя, но если ослепну и, ослепнув, перестану быть такой, как была, то смогу ли любить его и что это будет за любовь. Но раньше, когда мы еще видели, тоже ведь были слепые. Их было относительно мало, и чувства у них были те же, что у зрячих, то есть чужие, чувства не слепцов, но зрячих, а вот теперь на белый свет рождаются истинные чувства слепых, и мы еще только в самом-самом начале этого пути, и живем пока памятью о прошлом, и не нужны глаза, чтобы понять,

какая жизнь сейчас, и сказали бы мне раньше, что я способна убить человека, я оскорбилась бы, а вот поди ж ты, убила. Так что ты хочешь, чтобы я сделала. Идем со мной, в наш дом. А они. Что нужно и ценно для тебя, нужно и ценно и для них тоже, но люблю-то я тебя. Почему. Я и сама себя спрашиваю об этом, может, потому, что ты стала мне как сестра, а может, потому, что мой муж лег с тобой. Прости. Это не преступление и в прощении не нуждается. Мы сосем из тебя кровь, мы будем, как паразиты, жить тобой и благодаря тебе. В них не было недостатка и в ту пору, когда мы еще видели, ну а что касается крови, то зачем-то ведь нужна она, не только же для того, чтобы поддерживать тело, в котором циркулирует, а теперь давай спать, завтра будет новая жизнь.

Ну, это как сказать. Косоглазый мальчик, которому что-то безутешно расстроило желудок, проснулся среди ночи и отправился в уборную, но тотчас же убедился, что войти туда нельзя, ибо, судя по всему, старуха с первого этажа посещала уборные во всем доме и каждую поочередно довела до такого состояния, когда пользоваться ими стало невозможно, и это было бы уже всем известно, если бы по необыкновенному стечению обстоятельств никому из семи человек вчера перед сном не понадобилось опорожнить кишечник. Однако сейчас эту безотлагательную надобность почувствовали все, а пуще всех – бедный мальчуган, который держался уже из последних сил, и, как ни трудно нам признать это, но и подобные неаппетитные житейские реалии должны быть учтены и отображены в любом повествовании, ибо, когда желудок спокоен, всякий склонен обсуждать, например, есть ли связь между глазами и чувствами или можно ли счесть ответственность естественным следствием хорошего зрения, а вот когда начинает крутить и подпирать, когда тело от специфической тоски выходит из повиновения, вот тогда и становится очевидно, что мы всего лишь зверюшки, и ничего больше. На двор, воскликнул доктор, и был прав, если бы не столь ранний час, мы уже встретили бы там соседку с первого этажа, и пора бы уж оставить, ей-богу, прежнюю уничижительную манеру называть ее старухой, да, так вот, уже застали бы ее там, на корточках и в окружении кур, а кто спросит, при чем тут куры, тот не знаком с повадками этой птицы. Держась за живот, косоглазый мальчик с помощью жены доктора в муках, на пределе терпения, коему тут и пришел конец, спустился по

лестнице, и о большем не просите, скажите спасибо, что чудом каким-то продержался так долго, но на последних ступеньках сфинктер отказался сдерживать внутреннее давление, ну и последствия сами можете вообразить. Тем временем пятеро остальных сползли, уж как смогли, по лестнице черного хода и если еще сохраняли со времен пребывания в карантине хоть какое-то подобие стыдливости, то теперь пришло время расстаться с нею окончательно. Рассыпавшись по садику, стена от усилий, страдая от совершенно бессмысленных и ненужных остатков застенчивости, делали они свое дело, и жена доктора тоже, но та хоть плакала, глядя на них, на них на всех, на своего мужа, на первого слепца и его жену, на девушку в темных очках, на старика с черной повязкой, на косоглазого мальчика, глядя, как раскорячились они в траве, меж узловатых стеблей капусты, среди выжидательно наблюдающих кур, ну да, и слезный пес тоже спустился, до кучи, как говорится, и не до одной. Подтерлись, как смогли, а смогли мало и плохо, чем под руку попало, пучками травы или обломками черепицы, и свет не видывал еще более неудачной замены. Потом по черной лестнице же в молчании пошли назад, и соседка с первого этажа не предстала перед ними с вопросом, что, мол, вы за люди, откуда идете, куда направляетесь, она, должно быть, еще спала после нежданно хорошего ужина, и, когда вошли в квартиру, не знали сначала, что и говорить, а потом девушка в темных очках сказала, что нельзя больше пребывать в таком состоянии, да, конечно, воды нет, и вымыться, значит, нечем, и жаль, что не льет, не хлещет с неба, как вчера, а то они вновь выскочили бы во двор, только теперь голые и бесстыдные, приняли бы на головы и плечи щедрые потоки воды с небес, почувствовали бы, как течет она по спине, по груди, по ногам, и смогли бы набрать ее в наконец-то чистые, ковшиком сложенные ладони, напоить ею жаждущего, не важно кого, и пусть бы даже губы встретили сначала кожу рук, а уж потом воду, и, если жажда сильна, вобрали бы в себя последние капли, задержавшиеся на дне этой чаши, и, как знать, пробудили бы иную жажду. Девушку в темных очках, как уже отмечалось не раз, если что и погубит, то избыток воображения, о чем недурно бы ей помнить в этой ситуации – трагикомической и безысходной. Но, с другой стороны, в доказательство того, что не лишена и определенной практической сметки, она полезла в шкаф сначала у себя в спальне, потом – в

родительской и принесла сколько-то простыней и полотенец: Вытремся этим, сказала, все лучше, чем ничего, и нет сомнения, что мысль была удачна, ибо, когда сели за стол, почувствовали себя другими людьми.

И за столом жена доктора высказалась так: Пришло время решить, что нам делать, я убеждена, что ослепли все, по крайней мере, все, кого я видела до сих пор, вели себя именно так, нет воды, нет света, полностью прекратилось снабжение чем бы то ни было, вокруг царит настоящий хаос. А вот интересно, правительство есть, спросил первый слепец. Непохоже, а если даже и есть, это правительство слепых, желающих управлять слепыми, то есть не предпринимать никаких попыток что-либо наладить. Стало быть, и будущего нет, сказал старик с черной повязкой. Не знаю, есть ли будущее, мне интересней, как нам пережить настоящее. Без будущего настоящее ни на что не годно, его как бы и вовсе не существует. Может быть, человечество научится жить без глаз, но тогда оно перестанет быть человечеством, и результат уже налицо, кто из нас может с тем же правом, что и раньше, звать себя человеком, вот я, например, совершила убийство. Кого это ты убила, поразился первый слепец. Того, кто верховодил в левом крыле, воткнула ему ножницы в глотку. Ты убила, чтобы отомстить за нас, а чтобы отомстить за женщин, надо самой быть женщиной, сказала девушка в темных очках, а месть, если она справедлива, это человеческое чувство, если у жертвы нет права покарать палача, то, значит, и справедливости нет. И человечности тоже, сказала жена первого слепца. Давайте ближе к делу, сказала жена доктора, если будем держаться все вместе, может быть, сумеем выжить, если разойдемся, нас раздробит и поглотит эта темная масса. Ты ведь сама сказала, что слепцы собираются в какие-то группы, а это значит, что они пытаются придумать способы жить иначе, и потому вовсе не обязательно мы будем раздроблены и проглочены. Не знаю, насколько они организованны, пока видела только, как они сообща ищут еду и ночлег. Мы становимся первобытной ордой, сказал старик с черной повязкой, с той лишь разницей, что нас – не десяток тысяч мужчин и женщин на лоне бескрайних просторов нетронутой природы, а миллиарды в истощенном и обескровленном мире. Истощенном, обескровленном и вдобавок слепом, добавила жена доктора, когда трудно станет добывать продовольствие и воду, эти сообщества, скорей

всего, распадутся, ибо каждый сочтет, что в одиночку легче выжить, не надо будет ни с кем делиться, что урвал – твое, и больше ничье. У этих самых групп должны быть руководители, те, кто организует и приказывает, напомнил первый слепец. Но от этого они не становятся зрячими. Зрячая – ты, сказала девушка в темных очках, и потому стала той, кто организует и приказывает. Я не приказываю, а организую уж как могу, а вообще-то я – всего лишь те единственные глаза, что остались у вас. Самый натуральный вожак, сказал старик с черной повязкой, зрячий король в стране слепых. Если так, я и впредь буду вашими глазами, насколько хватит их, и потому предлагаю не расходиться каждому в свой дом, а жить вместе. Можем остаться здесь, сказала девушка в темных очках. У нас в доме больше места, сказал первый слепец. Если его, конечно не заняли, добавила его жена. Доберемся до него – узнаем, занят – значит, вернемся сюда или пойдем к вам, отнесся он к старику с черной повязкой, и тот ответил: Я снимаю комнату. А семьи нет, спросила девушка в темных очках. Нет. Ни жены, ни детей, ни братьев. Никого. Если мои родители не вернуться, я тоже останусь одна на всем свете. Я с тобой буду, сказал косоглазый мальчик, но не добавил: Если мама не появится, этого условия он не поставил, что довольно странно, а может быть, вовсе и нет, молодые люди быстро сообразуются с обстоятельствами, у них вся жизнь впереди. Ну, так как же мы решили, спросила жена доктора. Я с вами пойду, сказала девушка в темных очках, но только обещаю, что раз в неделю будешь приводить меня сюда, вдруг мои все-таки вернуться. Оставишь ключи соседке снизу. Другого выхода нет, сильней, чем она нагадила, уже не нагадит. Разорит тут все. После того, как я побывала здесь, может, и не разорит. Мы тоже с вами пойдем, сказал первый слепец, только хотелось бы наведаться, и чем раньше, тем лучше, в нашу квартиру, взглянуть, что там происходит. Ну конечно. А ко мне – смысла нет, я ведь вам сказал, что снимал комнату. Но ты пойдешь с нами. Пойду, но и у меня есть одно условие, хоть на первый взгляд и может показаться сущей ересью, что кто-то ставит условия, когда ему делают одолжение, но, сами знаете, старики, они такие, то, чего лишены временем, добирают гордыней. Так какое же условие, осведомился доктор. Когда я стану для вас настоящей обузой, неподъемным бременем, попрошу вас сказать мне об этом, а если по дружбе или из сострадания решите промолчать, надеюсь, у

меня хватит ума сделать, что должен. Что же, спросила девушка в темных очках. Отстать, уйти, исчезнуть, как слоны раньше делали, раньше, потому что я слышал, в последнее время стало не так, но раньше ни один не доживал до старости. Но ты ведь не вполне слон. Но и человек тоже – не совсем. Особенно когда начинаешь глупости говорить, оборвала его девушка в темных очках, и на этом разговор окончился.

Пластиковые сумки сильно полегчали с тех пор, как их внесли сюда, ничего удивительного, соседка снизу тоже к ним приложилась, даже дважды, один раз – вчера вечером, да и сейчас, перед уходом, в попытке немного умаслить старушку, о характере которой мы уже получили исчерпывающее представление, ей тоже оставили кое-каких продуктов, сопроводив даяние просьбой хранить у себя ключи, пока не объявятся законные хозяева квартиры, и слезному псу тоже перепадало, ибо только каменное сердце не дрогнет при виде этих молящих глаз, а где он, кстати, в квартире нет, из подъезда не выходил, значит, во дворике, да, именно там и обнаружила его жена доктора, убедившись заодно, что он успел сожрать курочку, атаковав ее столь молниеносно, что та не успела даже подать сигнал тревоги, и если бы старуха с первого этажа, во-первых, видела, а во-вторых, загодя пересчитала кур, то, ей-богу, неизвестно, какая судьба постигла бы вверенные ей ключи. Сознавая, с одной стороны, что совершил уголовно наказуемое деяние, а с другой – что человек женского рода, которого он охраняет, собирается уходить, пес, поколебавшись никак не более мгновения, стремительно выкопал в рыхлой земле ямку и, прежде чем старуха с первого этажа успела выйти на площадку черного хода, чтобы понять происхождение странных звуков, зарыл в ней обглоданный скелет, сумев замести следы преступления, угрызения же совести оставив на потом. Потом дунул по лестнице вверх, именно как дуновение, или, вернее, вихрь, промчался мимо юбок старухи, даже не осознавшей, какой опасности подвергалась только что, и занял свое место у ног хозяйки, громогласно возвестив о свершенном подвиге. Старуха же, услышав этот кровожадный лай, обеспокоилась, хоть, как мы знаем, – слишком поздно, за безопасность своего квохчущего припаса и крикнула, задрав голову кверху: Пса своего на привязи держите, а то как бы он мне кур не передушил. Не беспокойтесь, отвечала жена доктора, он не голодный, мы его

покормили, да и вообще сейчас уже уходим. Прямо сейчас, переспросила старуха с оттенком сожаления и с невысказанным желанием быть понятой в каком-то совсем ином смысле, вот вроде такого, например: Как, одну меня оставляете, но к сказанному не прибавила больше ни слова, и напрасно думать, что людям с черствым сердцем не свойственны огорчения, очень даже свойственны, эта вот женщина огорчилась до такой степени, что даже не открыла дверь, чтобы попрощаться с неблагодарными, которым дала свободный проход по своей территории. Она слышала, как те спускаются по лестнице, переговариваясь: Осторожно, не споткнись, Возьмись за мое плечо, Держись за перила, произнося слова, ставшие обычными в мире слепцов, но странным показалось ей, когда одна из женщин сказала: Такая темнотища, ничего не вижу, хоть глаз выколи, то есть сообщила, что слепота у нее иная, не такая, как у всех, что и само по себе удивительно, а кроме того, зачем бы ей надо выкалывать и без того незрячий глаз. Старуха задумалась, силясь понять, но не смогла, голова не соображала, и через некоторое время произнесла, адресуясь к самой себе: Должно быть, я ослышалась. На улице жена доктора вспомнила свои слова и решила, что следует быть повнимательней, ходить, как зрячая, ходи, а вот речи веди подобающие слепой.

На тротуаре возле дома она построила своих спутников в колонну по три, в первую шеренгу поставила доктора и девушку в темных очках вместе с косоглазым мальчиком, во вторую – жену первого слепца и по бокам от нее – его самого и старика с черной повязкой. Она хотела, чтобы все были рядом, а обычная цепочка здесь не годилась из-за хрупкости своих звеньев, того и гляди, порвется, стоит лишь столкнуться с более многочисленной или более напористой группой, и, как в море, когда налетает пароход на утлую фелюгу, разрезая ее пополам, грянут всем известные последствия, а именно – кораблекрушение, катастрофа, обломки, гибнущие в пучине люди, бесполезные крики о помощи, а пароход уже далеко, он даже не заметил, что наделал, какой беды натворил, вот и здесь так будет, слепец – туда, слепец – сюда, и вот уж подхватили их и завертели беспорядочные потоки других слепцов, которые, подобно волнам морским, никогда не останавливаются и куда стремятся, сами не знают, и жена доктора тоже не знает, о ком печься в первую голову, хватать ли за руку мужа или, может быть, косоглазого мальчика, а тем

временем скроются с глаз двое других, девушка в темных очках и старик с черной повязкой, тот вообще уже бог знает где, по дороге на кладбище слонов. И потому она обвязывает всех и себя тоже веревкой, которую ночью, пока остальные спали, сплела, смастерила из разорванной на полосы простыни. Не за меня цепляйтесь, говорит она, а за веревку, цепляйтесь что есть силы и ни в коем случае, что бы ни случилось, не выпускайте. Не жмитесь друг к другу, не то споткнетесь, но и не отдаляйтесь чрезмерно, чувствуйте близость соседа, и один лишь косоглазый мальчик избавлен от необходимости осваивать новую тактику и технику передвижения, ибо идет посередке и защищен со всех сторон. Никто из наших слепцов и не подумал поинтересоваться, как плавают и путешествуют слепцы другие, так же ли они связываются воедино, нет ли, но любопытство их, буде проявится, легко удовлетворить, стоит лишь взглянуть окрест, кто может, конечно, и увидишь тогда, что ходят слепцы по большей части кучками, и кучки эти, за исключением тех, которые по внутренним своим, нам неведомым причинам связаны между собой теснее прочих, постоянно, на протяжении всего дня, теряют своих членов и обретают новых, ибо кто-то всегда отстанет и потеряется, а кто-то под действием земного тяготения спотыкнется да и растянется на земле, новенького же примут или отвергнут в зависимости от того, что у него с собой имеется. Старуха с первого этажа медленно отворила окно, ей не хочется обнаруживать эту свою чувствительность, она стесняется ее как слабости, но с улицы уже не доносится ни шагов, ни голосов, ушли, значит, оставили улочку, по которой никто почти не ходит, и старухе надо бы радоваться этому, не придется ни с кем делиться курами своими и кроликами, надо бы, но она не радуется, и из незрячих глаз скатываются две слезы, и в первый раз спрашивает она себя, зачем живет и имеется ли хоть какой-то резон влачить эту жизнь дальше. Ответа не нашла, ответы не всегда появляются вместе с надобностью в них, а часто вообще бывает так, что ожидание ответа и есть единственно возможный ответ.

Избранный ими путь уже через два квартала привел бы их к дому, где располагается холостяцкое жилье старика с черной повязкой, но они решили, не заходя туда, ибо еды там нет, одеждой они обеспечены, книги читать не могут, двигаться дальше. Улицы запружены слепцами, ищущими себе пропитания. Входят в магазины и выходят из

магазинов, входят с пустыми руками, с ними же чаще всего и выходят, заводят затем дискуссии, следует ли покинуть этот квартал и начать прочесывание других или же пока не стоит, приводят доводы за и против, и беда-то вся в том, что по всему, как обстоят ныне дела, а дела такие, что вода из кранов не течет, электричества нет, газовые баллоны пусты, и страшно устроить пожар на кухнях, так что стряпать нельзя, да это еще при том условии, что известно, где взять соль, перец там, прочие пряности, масло, это если имеется намерение приготовить блюдо, хоть отдаленнейшим образом напоминающее по вкусу прежнюю пищу, да, впрочем, тут не до жиру, мы бы рады были взять и сварить овощи без затей и изысков, то же и мяса касается, кроме всегдашних кур и кроликов в дело пошли бы и зазевавшиеся собаки и кошки, но опыт есть лучший учитель, и потому даже и эти животные, прежде называвшиеся домашними, научились теперь не доверять умильным словам и ласковым прикосновениям, сбиваются в стаи и сообща отбиваются от охотников, а поскольку они, слава богу, зрячие, то у них и защита, и, если надо, нападение получают не в пример лучше. Так вот, совокупность всех этих обстоятельств и соображений постепенно убедила людей, что нет для них еды лучше той, которая в консервах, и не только потому, что она чаще всего уже приготовлена, бери да ешь, но и потому, что удобна в транспортировке и легка в использовании. Разумеется, на каждой такой банке-жестянке, содержащей подобный продукт, указана дата, по прошествии которой употребление его в пищу нежелательно, а то и просто опасно, однако народная мудрость без промедления пустила в обращение некую довольно безответственную народную мудрость, симметричную другой, уже постепенно выходящей из употребления и гласящей, что видит око, да зуб неймет, а теперь получается так, что если око не видит, то достается нетребовательному желудку много радости, и оттого, наверно, съедается здесь столько гадости. Шествуя во главе, жена доктора проводит мысленную инвентаризацию еще остающихся у нее припасов, хватит еще на одну трапезу, если псу не давать, ну, да, он обойдется собственными средствами, теми самыми, которые позволили ему так ловко ухватить курицу за горло, обрывая и кудахтанье ее, и самое жизнь. Дома, если память ей не изменяет и если никто в этот дом не проник, хранится порядочный запас консервов, вполне достаточный для супружеской пары, но при посредстве семи

ртов запасу этому, даже при условии строжайшей экономии, уготована недолгая жизнь. Завтра придется вновь наведаться в подвал супермаркета, и надо еще решить, одной ли идти, взять с собой мужа или попросить первого слепца, который помоложе и попроворней, выбор спутника зависит от того, что важнее – побольше унести или поживей двигаться, с учетом, само собой разумеется, возможности поспешного отступления. Гниющий на улицах мусор, которого вроде бы со вчерашнего дня стало вдвое больше, вкупе с теми человеческими экскрементами, которые тугими струями вчерашнего ливня обращены в кашицу, и теми, плотными и поносно-жидкими, которые прямо сейчас унесем на своих подошвах мы, проходящие здесь мужчины и женщины, обращают воздух в удушливое, обволакивающе-плотное облако вони, и двигаться в нем можно лишь с большим трудом. На обсаженной деревьями площади с памятником посередине свора собак грызет труп. Должно быть, этот человек умер недавно, не успел еще окоченеть, это становится заметно, когда собаки, ухватив зубами, трясут, мотают его из стороны в сторону, чтобы оторвать мякоть от костей. Невдалеке попрыгивает ворон, ища просвет, чтобы подобраться к падали поближе. Жена доктора отвела глаза, но было уже поздно, из глубины желудка поднялась тягучая спазма, ее вырвало раз, и другой, и третий, так мучительно, словно это собственное ее тело дергала и рвала в разные стороны иная стая собак, называемая беспросветным отчаяньем, все, больше не могу, я хочу умереть здесь. Доктор спросил: Что с тобой, и остальные, соединенные веревкой, подошли поближе, спрашивали с испугом: Что случилось, Тебе нехорошо, Наверно, что-нибудь несвежее попало, А я вот ничего такого не чувствую, И я. Что ж, хорошо вам, вы только слышите, как возятся над трупом псы, как вдруг не в своей тональности кратко каркнул ворон, это в свалке одна из собак цапнула его за крыло, мимоходом, почти беззлобно, и тут жена доктора сказала: Не смогла сдержаться, простите, тут собаки пожирают собаку. Нашу, воскликнул косоглазый мальчик. Ну что ты такое говоришь, наша жива, ходит вокруг тех, но не приближается: После той курочки ему, наверно, и есть не хочется, заметил первый слепец. Ну, получше тебе, спросил доктор. Да, все прошло, пойдете отсюда. А наша, снова спросил косоглазый мальчик. Она не наша, она просто увязалась за нами, а теперь, может быть, останется с этими, может быть, и раньше с

ними ходила, а теперь вновь повстречала друзей. Мне надо побольшему. Ну, не здесь же, потерпи немного. Не могу, живот болит, так и крутит, пожаловался косоглазый мальчик. И тут же, не сходя с места, облегчился, и жену доктора вывернуло наизнанку еще раз, но уже по другой причине. Пересекли широкую площадь, и, когда остановились в тени деревьев, жена доктора оглянулась. Появились новые собаки, затеялась грызня из-за обглоданных останков. Слезный пес шел оттуда, держа морду у самой земли, словно по следу, привычка, известное дело, потому что на этот раз достаточно было просто взглянуть, чтобы найти ту, кого он искал.

Пошли дальше, и дом, где жил некогда старике черной повязкой, остался позади, а они идут теперь по неширокому проспекту, застроенному по обеим сторонам высокими роскошными зданиями. И автомобили здесь брошены другие, дорогие, просторные, поместительные, удобные, вот почему столько слепцов желает ночевать в них, и, судя по всему, этот огромный лимузин превращен в чье-то постоянное обиталище, потому, надо думать, что возвращаться к машине легче, нежели в квартиру, и занявшие его поступали, наверно, как те слепцы в карантине, ощупывали и отсчитывали машины от угла: Двадцать семь, левый ряд, вот я и дома. А в доме, у подъезда которого стоит этот лимузин, находится банк. Сюда на еженедельное пленарное заседание, первое после начала эпидемии белой болезни, привезли председателя совета директоров, но отогнать машину в подземный гараж, где она ожидала бы окончания дебатов, уже не успели. Шофер ослеп в тот миг, когда председатель через центральный подъезд, как ему нравилось, вошел в вестибюль банка, закричал, это мы все о шофере, но он, а это уже – о председателе, не услышал. Впрочем, и заседание оказалось не таким уж пленарным, как предполагалось и каким бы ему полагалось быть, ибо за последние дни ослепли некоторые члены совета директоров. И председатель не успел объявить об открытии сессии, на которой собирались именно обсудить, какие меры следует принять по поводу внезапной слепоты всех членов наблюдательного совета, и не успел даже войти в расположенный на пятнадцатом этаже конференц-зал, потому что поднимавший его лифт застрял между девятым и десятым – электричество отключилось, причем, как оказалось, навсегда. А поскольку известно, что пришла беда – отворяй ворота, в этот самый

миг ослепли электрики, ответственные за внутренние сети и, следовательно, за бесперебойное функционирование генератора, старинного, давно уже подлежавшего замене на автоматический, и в результате, как уж было сказано, лифт стал намертво между девятым и десятым этажами. Председатель увидел, как ослеп сопровождавший его лифтер, а сам потерял зрение час спустя, а поскольку электричество так больше и не включилось, а случаи слепоты в банке в тот день почему-то участились, то, надо полагать, эти двое и сейчас еще пребывают там, мертвые, разумеется, замурованные в стальном гробу кабины и потому счастливо избежавшие участи быть сожранными бродячими псами.

Поскольку свидетелей нет, а и были бы они – ниоткуда не следует, что их вызвали на судебное заседание, чтобы рассказать нам, что же там происходило, вполне понятно, что кто-то спросит, каким образом удалось узнать, что дело было именно так, а не иначе, но в ответ мы скажем, что таковы все свидетельские показания о происшествиях начиная с сотворения мира, ведь там никого не было, никто при этом не присутствовал, но все тем не менее знают все в подробностях. Что же будет с банками, спросила жена доктора, и нельзя сказать, чтобы ее очень уж это интересовало, хотя в одном из них она держала свои сбережения, вопрос был задан из чистого любопытства, она просто подумала об этом вслух, не ожидая, что ей ответят, например, так: В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою, но вместо этого старик с черной повязкой сказал, когда шли по проспекту вниз: Насколько мне удалось понять в ту пору, когда у меня был еще зрячий глаз, вначале была дьявольщина какая-то, и люди, боясь остаться и слепыми, и неимущими, кинулись в банки снимать деньги со счетов в чаянии обеспечить свое будущее, и это вполне понятно, если кто-то знает, что работать больше не сможет, то желает жить, покуда они не кончатся, на свои сбережения, предусмотрительно сделанные в пору процветания, если человеку и в самом деле хватило благоразумия копить да откладывать по зернышку, ну и вот, когда в результате этого молниеносно, то есть в течение двадцати четырех часов, обанкротились несколько крупнейших банков, правительство в попытке утишить страсти воззвало к гражданской сознательности граждан, завершив призыв торжественным обещанием принять на себя

всю ответственность и обязательства, которые проистекут от царящего в обществе смятения, однако помогло это примерно как мертвому припарка, ибо граждане, во-первых, продолжали слепнуть, а во-вторых, те, кто покуда еще видел, мечтали только, как бы им выручить и спасти свои драгоценные денежки, и в конце концов случилось неизбежное, то есть банки, как лопнувшие, так и нет еще, закрыли двери и попросили у властей вмешательства полиции, что не помогло ни в малейшей степени, ибо в орущих толпах, осаждавших банки, имелось немалое число полицейских в штатском, требовавших того, что с такими невероятными трудами доставалось им, причем иные, чтобы иметь возможность манифестировать без помехи, сообщали начальству, что ослепли, а иными словами, подавали в отставку, что же касается полицейских еще действующих и носящих форму, наставивших на беснующуюся толпу оружие, то эти вдруг перестали различать мушку, оттого что, если были у них деньги на счету, потеряли всякую надежду их вызволить и еще обязаны были выслушивать обвинения, что, мол, снюхались с властями, но самое скверное началось немного погодя, когда банки подверглись настоящему и яростному штурму вкладчиков слепых и зрячих, но одинаково впавших в неистовство и теперь уж не протягивавших чинно и благородно через окошечко чек с учтивой просьбой учесть его и закрыть счет, а хватавших все, что подворачивалось под руку, лежало в ящиках, или в беспечно отпертом сейфе, или по старинке – в мешках с медной мелочью, которой пользовались еще дедушки самых старых из атакующих, и вы даже представить себе не можете, что только творилось в роскошных и просторных залах банков и в маленьких районных отделениях и филиалах, ставших свидетелями сцен понастоящему страшных, и не следует забывать еще и о банкоматах, разгромленных и опустошенных до последней кредитки, причем на табло иных загадочным образом высвечивались слова благодарности за то, что, мол, воспользовались услугами нашего банка, оказалось, машины и в самом деле – дуры, если не допустить мысли, что они попросту изменили своим хозяевам, и, короче говоря, в одно мгновенье рухнула вся кредитно-финансовая система, рухнула, как карточный домик, и не потому, что обладание деньгами перестало быть желанным, нет, это опровергалось теми, кто ни за что не желал выпустить их из рук, полагая, что совершенно неизвестно, что завтра

будет, и эта же мысль погнала вперед тех слепцов, которые обосновались в подвалах банков в ожидании чуда, которое случится и распахнет перед ними тяжелые сейфовые двери, отделяющие их от богатства, обосновались и выходят за тем лишь, чтобы добыть еды, воды да справить прочие надобности, а потом сразу же возвращаются на бессменную вахту, причем придумали себе систему паролей, отзывов и условных знаков, помогающую пресечь поползновения всех посторонних проникнуть на их редут, и кромешная тьма, царящая в этих подземельях, мало их беспокоит, ибо для этой слепоты все белое. Медленно, делая время от времени остановки, чтобы косоглазый мальчик мог унять бушующие в кишечнике бури, слушатели брели по городу, покуда старик с черной повязкой рассказывал эти жуткие подробности о банках и финансах, и, несмотря на доверительно-искренние интонации, которыми он уснащал свое взволнованное повествование, нельзя было не заподозрить старика в известных преувеличениях, вот взять хоть слепых, затаившихся в кладовых банка, ибо ну как ему, не знающему пароля и условного знака, было узнать об этом.

День уже клонился к закату, когда вышли наконец на улицу, где жили доктор и его жена. Улица как улица, ничем не отличается от прочих, так же завалена мусором, так же дрейфуют на ней толпы слепцов, но именно там впервые, хоть, конечно, лишь по чистой случайности не случилось этого раньше, увидели двух исполинских крыс, с которыми окрестные коты, бродившие тут же, предпочитали не связываться, потому что те почти не уступали им в размерах, но совершенно явно превосходили свирепостью. Слезный пес взирал на тех и на других с безразличием, присущим тому, кто пребывает в иной чувственно-эмоциональной сфере, как сказали бы мы, будь он не собакой, каковой все же остается, а человекообразным животным. При виде знакомых мест жена доктора не предалась меланхолическим размышлениям типа: Как время бежит, ведь, кажется, совсем еще недавно мы были здесь счастливы, нет, ее ударило, а значит, и поразило собственное разочарование, ибо она бессознательно верила, что улица, раз уж это ее улица, останется чистой, подметенной, ухоженной и что соседи утратят, быть может, дар зрения, но не разумения. Как глупо-то, произнесла она вслух. Что глупо, ты о чем, спросил муж. Да так, ничего, чушь всякая в голову лезет. Как время

бежит, интересно, что застанем мы в нашем доме. Потерпи, скоро узнаешь. Силы были на исходе, и потому по лестнице поднимались очень медленно, подолгу отдыхая на каждой площадке: Нам на пятый, сказала жена доктора. Шли, как могли, то есть вразброд, каждый сам по себе, а слезный пес то забегал вперед, то замыкал шествие, словно доказывая, что недаром родился овчаркой, а значит, самой природой предназначен следить, чтоб ни одна овца не пропала. Кое-где двери были открыты, изнутри слышались голоса и шли обычные волны тошнотворного смрада, дважды на пороге возникали слепцы, пусто глядящие перед собой. Кто здесь, спросил один, и жена доктора узнала его по голосу, второй был не из их дома. Живем здесь, бросила она в ответ. По лицу слепца скользнула тень узнавания, однако он не спросил: Вы – жена доктора, но, быть может, произнесет у себя в квартире, когда будет ложиться спать: Вернулись эти, с пятого. Преодолев последний марш и еще не успев поставить ногу на площадку, жена доктора объявила: Закрыта. Были видно, что пытались взломать, но дверь устояла. Доктор сунул руку во внутренний карман нового пиджака, извлек оттуда ключи. Выжидательно подержал их перед собой, но жена мягко повела его руку к замочной скважине.

Если не считать пыли, бархатисто-матовым покровом лежащей на столешнице, сиденьях, спинках, – и скажем кстати, что отсутствие людей – это единственная для нее возможность полежать в покое, который не потревожат ни пылесос, ни тряпка, ни беготня детей, создающая в атмосфере турбулентные потоки, – в доме чисто, а беспорядок – какой бывает, когда надо срочно уходить из дому, то есть вполне сносный и терпимый. Отчасти еще и оттого, что перед звонком из министерства, а потом из больницы, предвидение, подобное тому, что заставляет чувствительные натуры при жизни приводить все относящиеся к ней дела в порядок, чтобы после смерти не возникало тошной необходимости в неистовых уборках, подвигло жену доктора перемыть всю посуду, застелить постель, отдраить раковину, ванну и унитаз, и пусть идеального совершенства достичь не удалось, никто не вправе требовать большего от человека, у которого руки ходят ходуном, а глаза полны слез. И потому семи странникам, переступившим порог помещения, показалось, что они попали в рай, и это произвело на них столь сильное и, можно даже сказать, не

слишком опасаясь употребить это ученое слово не к месту, трансцендентальное впечатление, что они замерли в дверях, ошеломленные тем, как непривычно здесь пахнет, а как, спрашивается, должно пахнуть в доме, если он так долго простоял закрытым, и в другое время мы первым делом побежали бы настежь распахивать все окна. А вот в переживаемое нами время не то что настежь распахивать, законопатить бы их наглухо, как можно плотней, чтобы не проникал с улицы тяжкий дух тухлятины и гнили. Сказала жена первого слепца: Мы же тебе тут все перепачкаем, и была совершенно права, пройди они дальше в этих своих сапогах, облепленных грязью и дерьмом, в одно мгновение обратились бы райские чертоги в обитель скверны, в преисподнюю, где, если верить авторитетным суждениям, именно смрадный, зловонный, гнилостный, тухлый, тле- и тошнотворный запах гнетет и терзает грешников куда невыносимей, нежели раскаленные сковороды и клещи, кипящая в котлах смола и прочие атрибуты кузни и кухни. С незапамятных времен обычай велит, чтобы хозяйка отвечала на это так: Да перестаньте, что это вы, право, выдумали, какие пустяки, подумаешь, большое дело, экая важность, как испачкается, так и отчистится, но хозяйка этого дома, как равно и гости ее, знает, откуда они все пришли, знает, что в теперешнем мире однажды испачканное уж не отчистится вовек, а будет только пачкаться все больше и больше, и потому она просит разуться на лестнице и благодарит, ноги, впрочем, тоже не вполне чисты, но не идут, да нет же, опять не дослушали, не идут ни в какое сравнение, тем более что простыни и полотенца девушки в темных очках хоть отчасти дело свое сделали и значительную часть грязи приняли на себя. Ну и, стало быть, гости вошли в квартиру босиком, а жена доктора, поискав и найдя огромный пластиковый мешок, сложила туда всю обувь, имея намерение когда-нибудь, неизвестно только, когда и каким образом, ее отчистить, вынесла на балкон, и воздух снаружи от этого хуже не стал. Небо темнело, заволакивалось тяжелыми тучами. Хоть бы дождь пошел, подумала она. И с ясным сознанием того, что надлежит делать, вернулась к своим сотоварищам. Они тихо стояли посреди комнаты и, как ни устали, не решались поискать какой-нибудь стул, и один только доктор неуверенно водил пальцами по мебели, оставляя на пыльной поверхности первые следы, ведущие к чистоте, ибо частицы этой пыли уже прилипли к кончикам его пальцев. Сказала жена доктора: Ну, вот

что, раздевайтесь догола, все с себя снимайте, в таком виде оставаться нельзя, на одежде грязи не меньше, чем на обуви. То есть как, спросил первый слепец, раздеваться, что же мы, голыми будем друг перед другом ходить. Если стесняетесь, разведу вас всех по разным углам, насмешливо отвечала жена доктора. Я здесь разденусь, сказала жена первого слепца, увидеть меня сможешь только ты одна, тем более что тебе и раньше доводилось, да не то что голой, а кое в каких видах поинтересней, это просто у мужа моего память короткая. Не понимаю, зачем вспоминать всякие неприятности, которые к тому же бог знает когда были. Был бы ты женщиной да побывал бы там, где мы побывали, запел бы по-другому, промолвила девушка в темных очках, начиная раздевать косоглазого мальчика. Доктор и старик с черной повязкой были уже голы до пояса, а когда стаскивали с себя штаны, один сказал другому: Дай-ка я обопрусь о тебя, а то как бы в штанинах не запутаться, и, прыгая на одной ноге, смешны сделались они, уж так смешны, просто до слез. Доктор потерял равновесие, повалился на пол и увлек за собой старика, но, к счастью, оба обратили свою неудачу в смешную сторону, и теперь уже слезы умиления наворачиваются при взгляде на них, покрытых многослойной грязью, с чахлыми, в белом пуху, в черной шерсти, признаками своей мужественности, и ах, где ты, куда скрылось почтение перед преклонными годами одного, уважаемой профессией другого. Жена доктора поспешно помогла им встать, скоро уж совсем стемнеет, тогда уж и вовсе исчезнут всякие причины стесняться и стыдиться: А интересно, свечи-то у нас есть, спросила она, и в ответ ей напомнили, что должны где-то храниться на память о давней иллюминации старая масляная плошка с тремя клювиками и не менее древний керосиновый фонарь в стеклянном корпусе, и плошку-то, по крайней мере, можно будет применить к делу, потому что масло имеется, фитиль скручу из чего-нибудь, а завтра поищу в москательных лавках керосин, наверняка его найти проще, чем банку консервов: Которых в москательных лавках сроду не бывало, подумала она и сама удивилась, что еще не утратила способность шутить. Девушка в темных очках раздевалась медленно, и при взгляде на нее создавалось такое впечатление, будто она, чем больше обнажается, тем сильнее стремится все же оставить на себе какую-то часть одежды, чтобы прикрыть свою наготу, и непонятно, откуда бы вдруг взяться такому целомудрию, но жена доктора, подойди

она поближе, увидела бы, как маковым цветом алеет под слоем грязи лицо девушки, черт их, женщин, разберет, одна вдруг невесть чего засмуцалась, хотя в свое время переспала с немалым числом едва знакомых мужчин, о другой мы вот узнали теперь, что она, оказывается, очень даже способна, храня спокойствие, которое принято называть олимпийским, шепнуть первой на ухо: Не стыдись, он не видит тебя, причем этот самый он есть не кто иной, как собственный ее муж, причем мы, разумеется, еще не позабыли, как та, бесстыдница, соблазнила его, да, вот все они, женщины, таковы, пусть тот, кто не знает, их и покупает. Впрочем, очень может быть, причина здесь и вовсе иная, потому что голых мужчин здесь двое, и один из них принимал ее в своей постели.

Жена доктора собрала сброшенные на пол штаны, рубахи, пиджак, свитера, блузки, майки, нижнее белье, заскорузнувшее так, что его хоть месяц в щелочке отмачивай, дочиста не отстираешь, взяла все это в охапку, сказала: Сейчас вернусь, и понесла следом за обувью на балкон, а там, в свою очередь, разделась сама, глядя на черный город под хмурым и тяжким небом. Ни единого огонька в окнах, ни единого слабенького отблеска на фасадах, все мертво, все темно, и не город простерся перед ней, а гудрон, который остыл и застыл, затвердев по собственной воле в форме домов, крыш, труб. Слезный пес, обеспокоенный, вышел на балкон, но там никому не надо было осушать слезы, отчаянье не вышло наружу, и глаза оставались сухи. Жена доктора озябла и вспомнила о других, которые голыми стояли посреди комнаты в ожидании неизвестно чего. Вернулась. Спутники ее превратились в бесполые силуэты, в смутные пятна, в тени, теряющиеся в тени. Сейчас свет зажгу, проговорила она, а то вижу не больше вашего. Разве есть электричество, спросил косоглазый мальчик. Нет, я масляную плоску зажгу. А что такое плоска, последовал новый вопрос. Потом объясню. Отыскала в одном из пакетов коробок спичек, пошла на кухню, благо помнила, где хранится масло, его и надо-то самую малость, оторвала от посудного полотенца лоскут, смастерила фитиль и вернулась в комнату, где оставила плоску, которой впервые со дня изготовления предстояло принести такую пользу, а что она поначалу не думала, что такая у нее будет судьба, так ведь и никто из нас, плосек, собак и людей, не знает поначалу, зачем пришел в этот мир. И вот, один за другим, над тремя

клювиками плоски возникли три дрожащие светящиеся миндалины, и время от времени они вытягивались кверху, так что казалось, краешек пламени затеряется в воздухе, а потом сжимались, прятались в самих себе, становились плотными, твердыми, как камешки света. Жена доктора сказала: Вот теперь я вижу и могу принести вам чистую одежду. Мы же грязные, напомнила девушка в темных очках. И она, и жена первого слепца одной рукой прикрывали грудь, другой – низ живота: Это не от меня, подумала жена доктора, это потому что свет плоски глядит на них. И сказала: Лучше чистая одежда на грязном теле, чем грязная – на чистом. Взяла светильник, пошла рыться в ящиках комода, в платяных шкафах и вскоре вернулась с целой грудой пижам, халатов, юбок, блузок, платьев, брюк, джемперов, и всего этого добра с лихвой хватило бы, чтобы достойно прикрыть наготу семи человек, которые, правда, были не одного роста, но из-за худобы сошли бы за близнецов. Жена доктора помогла им одеться, косоглазый мальчик натянул штаны, в которых доктор ездил за город и на пляж, в них мы все становимся похожи на детей. Ну, теперь можем наконец сесть, со вздохом промолвила жена первого слепца, только покажи нам, пожалуйста, куда, сами не найдем.

Комната ничем не отличается от других комнат, посередине круглый стол, вокруг диваны, на которых все могут рассестись, вот на этом, здесь, устраиваются доктор с женой и старик с черной повязкой, на том – девушка в темных очках и косоглазый мальчик, а на третьем – первый слепец и его жена. Все измучены. Мальчик как сел, так сразу и заснул, привалившись к девушке в темных очках, и про плоску больше уже не вспоминал. Так минул час, и это было похоже на счастье, в мягчайшем свете даже немые лица казались чистыми, глаза у тех, кто не спал, блестели, первый слепец нащупал и сжал руку жены, и по этому движению можно было судить, как способствует душевной гармонии телесная нега. Вот сейчас мы еще поедем чего-нибудь, только сначала надо еще будет нам всем условиться, как будем здесь жить, успокойтесь, я не собираюсь брать на себя роль карантинного громкоговорителя и повторять его речи, места всем должно хватить, здесь две спальни, где устроятся супруги, а в этой комнате лягут все остальные, каждый на свой диванчик, а завтра я отправлюсь за едой, потому что эта уже на исходе, и хорошо бы, чтобы кто-нибудь из вас пошел со мной, чтобы дотащить сумки, но и для того

тоже, чтобы узнать дорогу к дому, запомнить повороты, ведь всякое бывает, я могу заболеть или ослепнуть, постоянно жду, что это случится, и тогда буду учиться у вас, и вот еще что, для всяких надобностей я поставила на балконе ведро, конечно, не больно-то хочется выходить, дождь льет, да и холодно, но лучше все же перетерпеть и дождь, и холод, чем загадить и провонять дом, вспомните, что за жизнь была после того, как нас заперли в психушке, мы спустились по всем ступеням позора, по всем, вплоть до самой нижней, дальше некуда, и достигли предела низости, а здесь, пусть и по-другому, может повториться то же самое, но если там мы хоть могли оправдаться низостью тех, кто был снаружи, то ныне этого оправдания у нас нет, мы все теперь равны перед лицом зла и добра, только не спрашивайте, ради бога, что есть добро и зло, мы безошибочно отличали одно от другого всякий раз, как должны были действовать в ту пору, когда слепота была исключением, правота и ошибка суть всего лишь разные способы понять наши отношения с другими, с самим собой это не проходит, здесь не за что ухватиться, не подумайте, что я вам лекцию читаю или морали, но просто вы не знаете, не можете знать, что такое быть зрячим в мире слепых, я отнюдь не королева, я всего лишь та, кто родилась, чтобы видеть ужас бытия, вы чувствуете его, я – не только чувствую, но и вижу, а теперь благодарю за внимание, будем ужинать. Никто не задавал вопросов, только доктор сказал так: Если бы я прозрел, то смотрел бы в глаза людям так, словно видел их душу. Душу, переспросил старик с черной повязкой. Душу, дух, не все ли равно как назвать, и в этот миг, совершенно неожиданно, ибо вспомним, что речь повел человек, не слишком ученый и образованный, девушка в темных очках промолвила: Внутри нас есть такая штука, у которой нет названия, она-то и есть самая наша суть.

Жена доктора уже поставила на стол кое-что из остатков, уже совсем скудных, сказала: Ешьте помедленней, жуйте хорошенько, это позволяет обмануть желудок. Слезный пес клянчить подачку не стал, он привык поститься, да и потом, вероятно, считал себя не вправе после утреннего пиршества объедать ту женщину, что плакала тогда, при встрече, остальные же, по всему судя, особого значения для него не представляли. Трехклювая плошка посреди стола ожидала, когда жена доктора даст обещанные объяснения, что и было сделано по

окончании трапезы: Давай сюда руки, сказала она косоглазому мальчику и медленно повела их, приговаривая: Вот видишь, это основание, круглое такое, а этот столбик поддерживает верхнюю часть, сюда наливают масло, осторожно, не обожгись, а это носики, вот, один, другой, третий, в них вставляют фитили, которые отсасывают масло изнутри, стоит поднести к ним спичку, и они будут гореть, пока масло не кончится, свет, конечно, слабенький, но его достаточно, чтобы мы видели друг друга. А я не вижу. Когда-нибудь увидишь, и в этот день я подарю тебе такую же плошку. А какого она цвета. Ты разве никогда не видел латуни. Не знаю, не помню, а что такое латунь. Желтая. А-а. Косоглазый мальчик задумался. Сейчас спросит, где моя мама, подумала жена доктора, но ошиблась, мальчик сказал всего лишь, что очень хочет пить. Придется подождать до завтра, дома воды нет, и тут она вспомнила, что есть, есть литров пять или даже больше драгоценной жидкости, нетронутое, нерастраченное содержимое унитазного бачка, и едва ли она хуже той, которой пользовались они в карантине, потому что хуже просто не бывает. Слепая в темноте, пошла в туалет, ощупью нашла и подняла крышку бачка, она не видела, есть ли там вода, но пальцы сказали, есть, взяла кружку, осторожно погрузила, бережно достала, цивилизация сделала виток и припала к истокам. Когда вернулась в столовую, все по-прежнему сидели на своих местах. Плошка освещала обратившиеся к ней лица и словно бы говорила: Я здесь, смотрите на меня, пользуйтесь да помните, что это не навсегда. Жена доктора поднесла кружку к губам мальчика, сказала: Вот тебе вода, пей, только медленно-медленно, мелкими глоточками, наслаждайся вкусом, кружка воды – это чудо, и обращалась она не к нему и ни к кому другому, а просто сообщала миру о том, какое это чудо – кружка воды. Где ты ее раздобыла, спросил доктор, неужели дождевая, и добавил: А помнишь, у нас оставался здоровенный баллон, и жена вскрикнула: Ну конечно, как же я могла забыть, один полупустой, а другой даже не успели еще открыть, какое счастье, подожди, не пей, это относилось к мальчику, сейчас мы все выпьем чистой воды, поставлю самые лучшие бокалы, и мы будем пить из них чистую воду. Прихватив на этот раз плошку, она устремилась на кухню, вернулась с огромной пластиковой бутылкой, и заключенная внутри драгоценность заиграла, заискрилась на свету. Водрузила ее на стол, принесла самые парадные, горного

хрустала, бокалы и медленно, будто священнодействуя, наполнила. Сказала: Давайте выпьем. Незрячие руки потянулись, нашли, подрагивая, подняли. Давайте выпьем, повторила жена доктора. Плошка посреди стола была как солнце, окруженная сияющими звездами. Когда поставили бокалы, оказалось, что девушка в темных очках и старик с черной повязкой плачут.

Ночь выдалась беспокойная. Сны, поначалу смутные и неясные, ходили от спящего к спящему, брали там, брали тут, приносили с собой новую память, новую тайну, новое желание, и потому спящие вздыхали и бормотали: Это не мой сон, а сон отвечал: Ты и сам еще не знаешь своих снов, и таким вот образом узнала девушка в темных очках, кто же такой старик с черной повязкой, спавший в двух шагах от нее, а он подумал, что знает теперь, кто она, всего лишь подумал, потому что сны их еще не успели достичь той степени взаимности, чтобы стать одинаковыми у обоих. Перед самым рассветом пошел дождь. Ветер швырнул в стекла пригоршню капель, щелкнувших, как тысяча бичей. Жена доктора проснулась, открыла и, пробормотав: Как льет, снова закрыла глаза, в спальне темно, можно спать дальше. Но проспала недолго, минуты не прошло, как она вскинулась с мыслью, что должна что-то сделать, только еще не понимала, что именно, однако дождь сказал: Вставай, ты же хотела меня, вот он я. И медленно, чтобы не разбудить мужа, выбралась из спальни, пересекла столовую, окинув беглым взглядом спавших на диванах, потом по коридору прошла на кухню, в окна которой дождь из-за того, что ветер дул в эту сторону, лупил с особенной силой. Рукавом наброшенного халата протерла запотевшее стекло, посмотрела на улицу. Небо стало одной сплошной тучей, извергавшей из себя хлещущие потоки. На балконе грудой лежали сброшенная одежда и пластиковый мешок с обувью, которую надо было отмыть. Отмыть. Вдруг отдернулась последняя завеса сна, вот что она хотела и должна была сделать. Открыла дверь, шагнула, и в тот же самый миг дождь окатил ее с ног до головы, словно она оказалась под водопадом. Вот и вода, подумала она. Вернулась на кухню и, стараясь не шуметь, принялась собирать ведра, кастрюли, тазы все, во что можно было бы собрать хоть малую толику этого дождя, который под напором ветра отвесной, прогибающейся, колышущейся завесой протянулся от неба до земли, возил исполинской грохочущей метлой по крышам. Собрала,

выволокла на балкон, выставила в ряд у самых перил, вот тебе и вода, чтоб отмыть загаженную обувь, выстирать грязную одежду. Лишь бы не стих, лишь бы лил еще, бормотала она, шаря на кухне в поисках мыла и порошка, щеток, всего, чем можно хоть немножко, хоть чуточку убрать эту нестерпимую мерзость, облотившую душу. И тело, поправила она свою метафизическую мысль, но тотчас добавила: Это одно и то же. И в тот же миг, повинувшись неизбежному выводу, гармонически сочетавшему сказанное с подуманным, рывком содрала с себя мокрый халат и, голая, подставляя тело то ласкающим, то карающим струям, принялась отскребать от грязи белье, одежду, обувь и одновременно – собственное тело. Из-за шума хлещущей вокруг воды не сразу поняла, что уже не одна. В дверях появились девушка в темных очках и жена первого слепца, и неведомо, какие предчувствия, интуитивные прозрения, иначе именуемые наитием, какие внутренние голоса разбудили их, и в равной степени непонятно, как сумели они найти сюда дорогу, но, впрочем, может, и не надо искать объяснений, принимаются любые догадки и гипотезы. Помогите мне, сказала жена доктора, наконец заметив их. Но как, мы же не видим, сказала жена первого слепца. Прежде всего разденьтесь, чем меньше придется потом сушить одежды, тем лучше. Но мы же не видим, повторила та. Не важно, сказала девушка в темных очках, сделаем, что можем. Что останется, я потом доделаю, сказала жена доктора, домою, дочищу, достираю, а теперь давайте, давайте, беритесь за работу, мы с вами единственная на свете двуглазая и шестирукая женщина. Быть может, в доме напротив, за теми вон закрытыми окнами, какие-то слепцы, мужчины и женщины, разбуженные непрекращающимся ливнем, прижались сейчас лбом к холодным стеклам так, что те запотели от их дыхания, подбавив к непроницаемости ночной пелены еще и туману, и вспоминают, как смотрели когда-то, вот как сейчас смотрят, на низвергающийся с небес дождь. Они и представить себе не могут, что где-то здесь, неподалеку, – три женщины в чем мать привела в этот мир, не иначе, рехнулись, ясное дело, спятили, человек в здравом уме не будет мыться на балконе, на виду у всей округи, и что же с того, что все мы тут слепые, есть вещи, которые в любом случае делать не пристало, и, о боже мой, как течет дождевая вода по их телам, как омывает их, струясь между грудями, как, помедлив, скрывается во тьме лобка, как скользит и скатывается вдоль бедер, и, быть может, зря

мы осуждали этих женщин, быть может, это нам просто-напросто не дано видеть самое прекрасное и славное, что было за всю историю этого города, и вниз с балкона ниспадает пенное полотнище, ах, если бы и мне, чистому, отмытому, нагому, следом за ним, в нескончаемый полет. Только Бог нас видит, сказала жена первого слепца, сохранившая при всех разочарованиях и противоречиях крепкую веру в то, что Бог – не слеп, на что жена доктора возразила: Нет, даже и он не видит, небо все в тучах, мне одной дано видеть вас. Я, наверно, такая уродина стала, спросила девушка в темных очках. Нет, ты худая, ты грязная, но уродиной не будешь никогда. А я, спросила жена первого слепца. И ты тоже худая и грязная, и не такая красивая, как она, но красивей, чем я. Ты ужасно красивая, сказала девушка в темных очках. Почему ты знаешь, ты ведь никогда не видела меня. Видела, во сне, два раза. Когда. Второй раз – сегодня ночью. Тебе снился твой дом, потому что ты чувствовала себя уверенно и спокойно, иначе и быть не может после всего, что нам выпало на долю, и в этом сне я была твоим домом, а для того, чтобы увидеть, нужно лицо, вот ты мне его и придумала. Но вот мне ты никогда не снилась, возразила жена первого слепца, а я тоже вижу, что ты красива. И это только лишний раз доказывает, что слепота – благоденствие для уродливых. Ты не уродлива. Да в сущности нет, вот разве только годы. Сколько тебе лет, спросила девушка в темных очках. К пятидесяти подходит. Как моей матери. А она. Что она. По-прежнему красивая. Раньше была лучше. Да, это бывает, такое происходит с каждой из нас, когда-то мы были лучше. Есть у слов такое свойство – не являть, а скрывать, цепляются они одно за другое и друг за друга и будто сами не знают, куда хотят идти, но вот из-за двух-трех или четырех, внезапно сорвавшихся и таких самих по себе простых, ну, личное местоимение, наречие и глагол, ну, прилагательное, необоримое волнение вдруг проступит холодком по спине, мурашками по коже, слезами на глазах, и вот пошла трещинами, стала крошиться прочнейшая конструкция чувств, да, бывает, что сдают нервы, сдают неприступные свои позиции, а ведь они столько выдерживали, они все выдерживали, словно в них стальной сердечник, недаром же говорится: У жены доктора стальные нервы, и вот она, жена доктора, вдруг заливается слезами, хлынувшими от личного местоимения, наречия и глагола, прилагательного, от, подумать только, грамматических категорий, от

обозначений, точно таких же, как и эти женщины, ну, другие, неопределенные местоимения, которые, прослезившись, тоже обнялись, как слова в предложении, три грации нагишом под дождем, а дождь все льет. Но ведь такие минуты вечно не длятся, и так уж больше часа эти женщины стоят здесь, пора бы уж и озябнуть, и: Я озябла, сказала наконец девушка в темных очках. С одеждой уже ничего больше нельзя сделать, обувь более или менее отчистилась, теперь время вымыться самим, и они намыливают друг другу головы, трут спины и смеются, как дано смеяться только девочкам, игравшим в саду в жмурки в ту пору, когда не были еще слепыми. Уже совсем рассвело, и солнце сначала выглянуло из-за плеча мира и только потом снова юркнуло за тучу. Дождь все льет, но уже не с такой силой. Прачки вошли на кухню, вытерлись и растерлись купальными махровыми простынями, которые жена доктора достала из шкафа в ванной, и кожа от стирального порошка нельзя сказать, чтобы стала благоуханна, но что поделаешь, если мыло извели в мгновение ока, за неимением гербовой пишут на простой, нет легавой – охотятся с ангорской, и вот наконец они оделись, рай остался там, на балконе, и вместо превратившегося в мокрую тряпку халата жена доктора впервые за много лет надела платье в цветах и листьях и сделалась самой красивой из трех.

Когда вернулись в столовую, оказалось, что старик с черной повязкой уже не спит, а сидит на диване. Сидит, обхватив голову руками, запустив пальцы в густую седину, кустящуюся вокруг лысины на затылке и на висках, сидит так напряженно и застыло, словно хочет собрать ускользающие мысли или же, напротив, не дать им лезть в голову. Он услышал шаги, он знал, откуда они пришли и что делали там, откуда пришли, а знал не потому, что к нему вдруг вернулось зрение, и он, на цыпочках ступая, подкрался и, как те, другие старцы, подсматривал в щелочку да не за одной, а сразу за тремя купающимися Сусаннами, нет, он остался слеп, но все же постоял у двери на кухню и оттуда слышал все, что говорилось на балконе, слышал смех, и плеск, и шум дождя, и вдыхал аромат мыла, а потом вернулся на свой диван и стал думать о том, что в мире еще, оказывается, есть жизнь, и стал спрашивать себя, найдется ли хоть краешек этой жизни ему. Жена доктора сказала: Женщины уже вымылись, очередь за мужчинами, и старик с черной повязкой спросил: Дождь-то идет еще, Да, еще идет, и

в кастрюлях на балконе есть вода. Раз так, я предпочел бы вымыться в лохани, сказал старик, причем так, словно предъявлял сертификат о своем почтенном возрасте, словно объяснял: Я из того времени, когда еще не говорили ванна, но исключительно – лохань, и добавил: Если можно, конечно, обещаю нигде не напачкать и на пол не надрызгать, постараюсь, по крайней мере. В таком случае я принесу воду в ванную. Помогу. Я справлюсь и одна. Но я же не калека, должен же и от меня быть какой-то прок. Ну, в таком случае идем. На балконе жена доктора придвинула поближе тяжеленную, доверху полную бадью. Вот, берись, сказала старику, направляя его руку. Давай, и они подняли бадью: Хорошо, что ты решил помочь, одна бы я не справилась. Знаешь такую поговорку: Старый конь борозды не испортит. Это, кажется, только половина. Ну да, но глубоко и не вспашет. Ты, я смотрю, философ. Да нет, просто я старик. Они опрокинули бадью в ванну, и жена доктора вспомнила, что в ящичке у нее лежит начатый кусок мыла. Она вложила его в руку старику: Будешь благоухать, не то что мы, можешь не экономить, еда, глядишь, и кончится, но мыла в магазинах сколько угодно. Спасибо. Только смотри, не поскользнься, хочешь, позову мужа, он тебе поможет. Нет, я уж лучше сам. Ну, смотри, дело твое, да, и вот еще что, вот здесь, под рукой у тебя, – машинка, бритва и помазок, если захочешь подровнять бороду. Спасибо. Жена доктора вышла. Старик с черной повязкой снял пижаму, по счастливому жребию доставшуюся ему при распределении одежды, и очень осторожно залез в ванну. Вода была холодная, да и той мало, не больше, чем на ладонь, она покрывала дно ванны, да, ни в какое сравнение не идет это убогое бултыхание с тем, как три женщины, ликуя, подставляли тела под щедро хлещущие с небес струи. Старик с черной повязкой опустил на колени, глубоко вздохнул, набрал в сложенные ковшиком ладони и плеснул на себя воду, от которой перехватило дыхание. Быстро, чтоб не замерзнуть, растер ее по всему телу и принялся методично и последовательно намыливать плечи, руки, грудь, живот, лобок, гениталии, промежность: Хуже зверя, подумал он, потом худые бедра и так дошел до обросших какой-то корой ступней. Оставил их в пене, чтобы отмокли немножко, и, сказав: Голову надо вымыть, поднял руки к затылку, чтобы снять повязку: Тебе тоже мытье не повредит, и дал ей соскользнуть в воду, намочил и намылил голову, и вот, весь в белой пене, стоял человек

посреди всеобщей белой слепоты, где никто не смог бы его найти, но если он подумал так, то ошибся, потому что в этот миг почувствовал, как чьи-то руки прикоснулись к его спине, собрали хлопья пены с плеч, с груди, растерли ее по лопаткам, причем так медленно, словно хотели компенсировать свою слепоту сугубой тщательностью. Он хотел спросить: Кто это, но не смог, язык не повернулся, и дрожь пронизала все его тело, но не от холода, а руки продолжали мягко и бережно мыть его, и женщина не сказала: Я – жена первого слепца, я – жена доктора, я – девушка в темных очках, но вот они завершили свою работу, ушли, и в тишине еле слышно щелкнула захлопнувшаяся дверь, а старик с черной повязкой остался стоять в одиночестве и на коленях, словно вымаливая какую-то милость, и дрожа, дрожа. Кто же это был, спрашивал он себя, и разум подсказывал, что это могла быть только жена доктора, кому ж еще, как не ей, всеобщей защитнице, кормилице, радетельнице, оказать ему еще и это скромное внимание, так говорил ему разум, но старик не верил ему. И все дрожал, сам не зная, от холода или от волнения. Отыскал на дне свою черную повязку, сложил ее вдвое, крепко потер один край о другой, выжал, водрузил на место, ибо с нею чувствовал себя не таким голым. Когда, чистый и душистый, вошел он в столовую, жена доктора сказала: Ну, наконец-то есть у нас и вымытый, выбритый мужчина, и чуть погодя тоном человека, вспомнившего о том, что надо было бы сделать, да не сделано, добавила: Ах, спину тебе потереть забыла. Старик с черной повязкой промолчал в ответ и только подумал, что правильно поступил, не поверив разуму.

Остатки продовольствия скормили косоглазому мальчику, всем прочим придется подождать нового подвоза. В домашних закромах имеется несколько банок компота, сухофрукты, сахар, сколько-то галет, сколько-то сухарей, но эти припасы будут пущены в ход лишь в самом крайнем случае, ибо ежедневное пропитание и добываться должно ежедневно, и если, не дай бог, экспедиция вернется ни с чем, то вот тогда – да, тогда каждому по две галеты и по ложечке компота: Есть персиковый, есть клубничный, тебе какого, стакан воды, по полтора орешка, пируй, ни в чем себе не отказывай. Жена первого слепца заявила, что она бы тоже не прочь пойти за продуктами, и трое – вовсе не много для такого дела, тем более что двое, хоть и слепые, пригодятся в качестве носильщиков, и, кроме того, она бы хотела

наведаться к себе домой, учитывая, что это не так уж и далеко, посмотреть, что там делается, занята ли квартира, и если занята, то кем, может быть, вселились туда соседи по дому, у которых разрослось семейство за счет родственников, понаехавших из провинции, спасающихся от вспыхнувшей в их деревне эпидемии слепоты, известно ведь, что в городе – совсем не те возможности. И отправились втроем, облачившись в то, что еще нашлось дома из носильных вещей, а выстиранным придется дожидаться хорошей погоды. Небо по-прежнему хмурится, но дождя нет. Если улица идет под уклон, вода сгоняет мусор, сгребает его в кучки, очищая большую часть мостовой. Хоть бы дожди зарядили надолго, сказала жена доктора, солнце в нашем положении – это хуже не придумаешь, все начнет гнить и вонять. Мы ощущаем вонь, потому что сами вымылись, ответила жена первого слепца, и муж согласился с нею, хоть и беспокоился, не простудится ли после мытья холодной водой. На улицах – толпы слепцов, торопящихся, пока сухо, поискать себе пропитания и справить нужду, что, как ни мало ели они и пили, до сих пор требовалось им. Бродят во множестве собаки, вынюхивая добычу, роются в мусоре, вот одна пронесла в зубах дохлую крысу, и, надо сказать, этот редчайший случай объяснить можно лишь исключительно обильными и продолжительными дождями, столько воды хлынуло, затопляя подвал, где не в добрый час оказалась крыса, что умение плавать не помогло. Слезный пес шел, не смешиваясь с былыми товарищами по своре и охоте, его выбор сделан, но он не из тех, кто ждет, пока накормят, глядите, уже жует чего-то, эти горы мусора таят в себе невероятные сокровища, поищи, поройся – и отыщется. Первому слепцу и его жене тоже представится случай поискать, порыться, но только в памяти, и кое-что там найти, ибо теперь они уже накрепко затвердили четыре угла, нет, не дома, где живут, там углов несравненно больше, а те, которые послужат им четырьмя сторонами света, слепцам ведь совершенно не важно, где север, где юг, запад или там восток, им нужно лишь, чтобы их щупающие руки подтверждали, что они не сбились с пути, это в прежние времена, находясь в меньшинстве, ходили они с белыми тростями, и постоянное постукивание палочки по земле и по стенам домов помогало установить и распознать маршрут, а вот в наше время, когда слепы все, тонуло бы оно в общем перестуке и было бы менее

чем полезно, не говоря уж о том, что погруженный в собственную белизну, окруженный ею слепец усомнился бы, что вообще что-то держит в руке. У собак, как известно, помимо того, что именуется инстинктом, есть и другие способы ориентироваться, и они, будучи близоруки, не слишком полагаются на зрение, и благодаря носу, рыщущему далеко впереди глаз, неизменно попадают туда, куда хотят, и раз уж слезный пес на всякий случай поочередно задрал ногу на все четыре стороны света, то бишь угла, можно быть уверенным, что, случись ему когда-нибудь заблудиться, ветерок возьмет на себя труд доставить его домой. По дороге жена доктора оглядывала улицы, отыскивая продовольственные лавки, чтобы пополнить убыль в припасах. Но сказать, что они опустошены и выметены дочиста, нельзя лишь потому, что в бакалеях еще имелась фасоль или турецкий горох, которые не пользуются успехом по причине своей принадлежности к огородным культурам, требующим длительной варки, а та, в свою очередь, невозможна без воды и огня, а где ж я тебе их возьму. Жена доктора хоть была не особо подвержена весьма характерной мании употребления пословиц и поговорок, однако кое-что из золотых крупиц народной мудрости застряло у нее в памяти, в доказательство чего и были набиты два мешка фасолью и горохом: Бери негодное, найдешь потребное, говаривала ее бабушка, и, в конце концов, варить ведь их можно будет в той же воде, в какой вымачивали, а что останется, перестанет быть водой и сделается похлебкой. Ибо не только в природе бывает иной раз так, что не все теряется и кое-что все же используется.

Вопрос о том, зачем понадобилось переть на себе мешки с фасолью, горохом и всем, что попало под руку, если такой дальний путь предстоит еще до улицы, где живут здесь присутствующие первый слепец и его жена, может прозвучать исключительно из уст человека, в жизни не знавшего ни в чем недостачи или нехватки. Хоть камушек, да в дом, любила повторять все та же бабушка, и жаль, не добавляла: Хоть вокруг света, а домой, ибо примерно такой беспримерный подвиг совершали эти трое, направляясь к дому самой длинной дорогой. Где мы, спросил первый слепец, а скажет ему где жена доктора, благо у нее есть глаза, он же ответит на это: Знаете, а ведь я здесь ослеп, вот на этом перекрестке, у светофора. Неужели на этом самом. Да. Вот на этом самом месте. Что ты говоришь. Даже

вспоминать не хочется, как это было, сидел ослепший, закупоренный в машине, люди орали, чего, мол, стал, дай проехать, а я в отчаянии кричал, что ничего не вижу, пока не появился этот, ну, тот, и не доставил меня домой. Бедный, сказала жена первого слепца, он уж никогда больше не будет угонять машины. Мысль о том, что сами когда-нибудь умрем, так непереносима для нас, что мы стараемся всегда подыскать оправдания для мертвых, сказала жена доктора, это, наверно, потому, что загодя просим простить нас, когда придет наш черед. А мне по-прежнему все это представляется сном, сказала жена первого слепца, мне как будто снится, что я ослепла. Когда я сидел дома и ждал тебя, мне тоже казалось, что все это сон, сказал ее муж. Они уже покинули перекресток, на котором случилось это происшествие, и теперь поднимаются по лабиринту узеньких улочек, жена доктора плохо знает эти места, но первый слепец не заблудится, она читает ему таблички с названиями улиц, а он командует: Налево, направо, и вот наконец: Вот наша улица, дом по левой стороне, почти посередине. Какой номер, спросила жена доктора, а он не помнит: Ну, что ты будешь делать, вылетело из головы и все, сказал он, и это было скверное предзнаменование, если уж номер собственного дома забыли, значит, сон занял место памяти, интересно, далеко ли мы зайдем по этой дорожке. Хорошо хоть, что на этот раз обошлось, жена первого слепца взяла обязанности гида на себя, и вот уже прозвучали желанные цифры, обошлось, да притом без того, чтобы первый слепец хвастался своим умением определять нужную дверь магией ощупи, превратив белую трость в волшебную палочку, тронул раз – железо, тронул второй – дерево, а еще раза три-четыре – и вот он, полный чертеж, сомнений нет, это здесь. Вошли, с женою доктора во главе: Какой этаж, спросила она. Третий, ответил первый слепец, и память не так уж ослабела, как могло бы показаться, одно забывается, что ж поделаешь, другое помнится, вот, к примеру, как, уже слепым, вошел он в эту самую дверь и: Какой этаж, спросил его человек, тогда еще не укравший у него машину, и он ответил: Третий, и лишь в том разница, что сейчас поднимаются они не на лифте, а по невидимым ступеням лестницы, одновременно и темной, и сияющей, для кого как, и трудно тому, кто не слеп, обходиться без электричества, или без солнца, или без свечного огарка, но глаза жены доктора уже привыкли к полумгле, и на полдороге поднимающиеся сталкиваются с двумя женщинами,

слепыми, разумеется, которые спускаются откуда-то сверху, может быть, и с третьего этажа, но никто ничего не спрашивает, видно, и в самом деле соседи теперь не те, что прежде были.

Дверь закрыта. Как быть, спросила жена доктора. Постучали раз, другой, третий: Нет никого, произнес кто-то из них в тот самый миг, когда дверь отворилась, и промедление не должно удивлять нас, не может же находящийся в глубине квартиры слепец бегом бежать на зов и стук, спрашивать: Кто здесь, чем могу служить, осведомился возникший на пороге человек, по манерам, виду и интонациям культурный, основательный, вежливый. Сказал первый слепец: Я жил здесь. А-а, ответил тот и спросил: С вами еще кто-нибудь. Жена и еще наша приятельница. А как мне узнать, что это ваша квартира. Да очень просто, ответила жена слепца, я вам расскажу, что где стоит и вообще что там есть. Открывший помолчал несколько секунд и сказал так: Заходите. Жена доктора держалась позади, здесь поводыри были не нужны. Я один, сообщил новый хозяин, все трое моих родных отправились поискать какой-нибудь еды, вероятно, следовало бы сказать – все три моих родных, но, мне кажется, так не говорят. Что вы хотите сказать, спросила жена доктора. Родные, которых я имею в виду, это моя жена и две дочери, а числительное трое употребляется только по отношению к существительным мужского рода. Неужели это так важно. Для меня важно, я, видите ли, писатель, предполагается, что такие вещи мы знать обязаны. Первый слепец, которому стало очень лестно, что писатель, ну, надо же – и в моей квартире, тотчас озадачился вопросом, уместно ли, удобно ли будет осведомиться об имени, а вдруг он читал что-нибудь из его сочинений, но куда он колебался между любопытством и застенчивостью, его опередила жена: А как ваша фамилия. Слепцам фамилии не нужны, достаточно моего голоса, а прочее значения не имеет. Но ведь есть книги, которые вы написали, и на обложке стоит ваше имя, сказала жена доктора. Сейчас их никто не может прочесть, и потому их как бы и нет. Первый слепец решил, что разговор удаляется от предмета, казавшегося ему наиболее интересным: А как вы попали сюда, спросил он. Я, как и многие из тех, кто не живет больше там, где жил, обнаружил, что моя квартира занята людьми, знать не желавшими никаких резонов и, можно сказать, спустившими нас с лестницы. А далеко ваш дом. Не очень. И вы не предпринимали больше никаких попыток вернуться,

люди ведь теперь часто ходят туда-сюда. Нет, я наведывался еще дважды. Но они оставались там. Да. Ну а как вы намерены поступить после того, как узнали, что эта квартира принадлежит нам, поинтересовался первый слепец, выкинете нас вон, как выкинули вас. Я не в том возрасте, да и силы у меня не те, да если бы и был в состоянии, не думаю, что оказался бы способен на такие крутые меры, писатель, в конце концов, должен обладать терпением, это неременное условие для того, чтобы писать. Ну, так вы нас пустите. Да, если не найдем другое решение. Какое же, я лично не вижу. Жена доктора угадала, что ответит на это писатель, и не ошиблась: Вы и ваша жена, и вторая ваша спутница, полагаю, где-то сумели обосноваться. Да, в квартире этой самой спутницы. Это далеко отсюда. Да нет, не очень. В таком случае, с вашего разрешения, могу предложить вам вот что. Любопытно будет узнать. Давайте пока все оставим как есть, раз и у нас, и у вас есть крыша над головой, я же обязуюсь наведываться в свою бывшую квартиру и, как только она освободится, немедленно перееду туда, а вы поступите так же в отношении этой. Не могу сказать, что ваш план приводит меня в восторг. Я и не ждал, что он вам понравится, но сомневаюсь, чтобы единственная альтернатива подошла вам больше. Какая альтернатива. Немедленно, сию же минуту, вступить в обладание вашей квартирой. Но в таком случае. Вот именно, в таком случае мы будем жить здесь и дальше. Да нет, об этом и не мечтайте, вмешалась жена первого слепца, мы здесь все вещи оставили, как это так будем жить. Знаете, меня осенило, есть еще один вариант, сказал писатель. Ну-ну, сказал первый слепец. Мы останемся здесь на положении ваших гостей, места всем хватит. Нет уж, сказала жена первого слепца, пусть уж будет, как было до сих пор, мы будем жить у нашей подруги, благо нет необходимости спрашивать, согласна ли она, и жена доктора ответила: Как нет и необходимости отвечать. Я вам очень благодарен, сказал писатель, по правде говоря, я все это время ждал, что кто-нибудь явится и предъявит свои права на жилье. Когда ты слеп, самое естественное – довольствоваться тем, что имеешь, сказала жена доктора. Как вы жили все это время. Мы всего трое суток назад вышли из карантина. Тяжко было. Мало сказать. Ужасно. Вы же писатель, значит, обязаны разбираться в словах и знать, что определения ни черта не стоят, и если один человек, к примеру, убил другого, то так и

надо сказать, и поверьте, ужас этого деяния сам по себе освобождает от необходимости уверять, что это было ужасно. Вы хотите сказать, что у нас слишком много слов. Я хочу сказать, что у нас слишком мало чувств. А если даже и не мало, то мы перестали употреблять слова, выражающие их. И потому потеряли их. Расскажите, как вы жили в карантине. Зачем. Я писатель. Там надо побывать. Писатель – такой же человек, как и все, он не может знать все и побывать всюду, а потому должен думать и воображать. Когда-нибудь кто-нибудь расскажет вам, и потом вы сможете написать книгу. Я пишу ее сейчас. Но вы же слепы. Слепые тоже могут писать. Иными словами, вы успели выучить брайлевский алфавит. Нет, не выучил. Но как же тогда вы пишете. Сейчас покажу. Он поднялся, вышел и через минуту вернулся, держа в руках лист бумаги и шариковую ручку. Это последняя страница из того, что я написал. Мы ее не видим, сказала жена первого слепца. Я тоже. Но как же вы пишете, повторила жена доктора, глядя на лист, где можно было разобрать убористые, налезавшие друг на друга строчки, приподнятые в начале и конце. Ощупью, с улыбкой ответил писатель, это не трудно, кладу лист на что-нибудь не слишком мягкое, ну, хоть на стопку других листов, и все, можно писать. Но как же, если вы не видите, воскликнул первый слепец. Шариковая ручка – идеальное орудие труда для слепых писателей, не в том смысле, что он может прочесть написанное ею, но хоть знает, где он написал, ибо достаточно лишь нащупать пальцем углубления в последней строке, дойти до края листа, высчитать расстояние до новой строки и продолжать, видите, как это просто. Только строчки иногда наползают одна на другую, сказала как можно более деликатно жена доктора. Как вы можете это видеть. Просто я вижу. Неужели вы прозрели, вылечились, как, когда, возбужденно вскричал писатель. Полагаю, что я единственный человек, вообще не терявший зрение. А как же вы это объясняете. У меня нет объяснений, а может быть, их и вообще не существует. Но это значит, вы видели все, что творилось здесь. Видела, что же мне еще оставалось. Сколько же человек было в вашем карантине. Около трехсот. И долго вы там были. С самого начала, а вышли, как я уже сказала, только три дня назад. А я, судя по всему, ослеп самым первым, сказал первый слепец. Наверно, это было ужасно. Опять это слово, сказала жена доктора. Простите, мне вдруг показалось таким вздором все, что я написал с тех пор, как мы все, ну, то есть я и моя семья,

ослепли. А о чем вы пишете. О том, что пережили, о нашей жизни. Каждый должен говорить о том, что знает, а о том, чего не знает, спрашивать других. Вот я вас и спрашиваю. И я отвечу, когда-нибудь, не знаю когда. А вы можете показать мне, где вы работаете и что написали. Отчего же, с удовольствием, идемте. Нам тоже можно, спросила жена первого слепца. Это же ваш дом, ответил писатель, а я здесь так, мимоходом. В спальне стоял маленький стол, а на нем – лампа. Тусклый свет, проникавший из окна, позволял увидеть стопку чистой бумаги слева, исписанной – справа, а посередине – страницу, оставленную на середине. Возле лампы лежали две новые ручки. Ну вот, сказал писатель. Жена доктора спросила: Можно, и, не дожидаясь ответа, взяла рукопись страниц в двадцать, пробежала глазами выведенные мелким почерком, загибающиеся вверх и вниз строчки, впечатанные в белизну бумаги, вырезанные в слепоте буквы: Я здесь так, мимоходом, сказал, помнится, писатель, и это были следы, оставленные им на ходу. Жена доктора положила ему руку на плечо, а он взял ее в ладони, медленно поднес к губам: Не пропадайте, не позволяйте себе пропасть, произнес он, и нельзя сказать, чтобы уж очень кстати прозвучали эти неожиданные, таинственные слова.

Когда вернулись домой, принесся запас продовольствия, которого должно было хватить дня на три, жена доктора при воодушевленном посредстве первого слепца и его жены рассказала о том, что было. Вечером же, как и следовало ожидать, прочла несколько страниц из книги, которую отыскала на полке. То, о чем шла там речь, не заинтересовало косоглазого мальчика, и он вскоре заснул, положив голову на плечо девушке в темных очках, а ноги – на колени старику с черной повязкой.

Через два дня доктор сказал: Хотелось бы мне знать, в каком состоянии мой кабинет, сейчас ни от него, ни от меня толку никакого, но ведь когда-нибудь люди вновь начнут пользоваться глазами, и аппаратура должна быть наготове. Сходим туда, как захочешь, отвечала жена, хоть сейчас. А нельзя ли заодно зайти и ко мне домой, спросила девушка в темных очках, хоть я и не думаю, что родители вернулись, заглянула бы просто так, для очистки совести. Зайдем и к тебе, сказала жена доктора. Никто более не изъявил желания посетить родное пепелище, ибо первый слепец с женой уже знали, на что могут

рассчитывать, как знал это, хоть и по другим причинам, старик с черной повязкой, а косоглазый мальчик по-прежнему не помнил, на какой улице стоял его дом. День был ясный, казалось, что дожди прекратились, и солнце, хоть покуда еще и несмело, поглаживало кожу. Не знаю, как будем жить, если начнется жара, сказал доктор, ведь весь этот мусор начнет гнить, а трупы животных, да и людей тоже, полагаю, что и в квартирах лежат мертвые, как все-таки скверно, что мы не организованы, а надо бы создать самоуправление в каждом доме, на каждой улице, в каждом квартале. Правительство, сказала его жена. Система нужна, система, наше тело – это ведь тоже система, притом хорошо организованная, а смерть есть не что иное, как последствие разлада и сбоя. А каким образом может organizоваться сообщество слепых, желающих выжить. Organizоваться – это уже до некоторой степени прозреть. Может быть, ты и прав, но опыт этой слепоты принес нам только смерть и нищету, и мои глаза, как и твой кабинет, оказались тут бессильны. Да мы и живы-то исключительно благодаря твоим глазам, сказала девушка в темных очках. Может быть, оставались бы живы, если бы даже я была слепой, мир полон живых слепцов. Полагаю, мы все умрем, это лишь вопрос времени. Это всегда было вопросом времени. Да, но умереть только потому, что ослеп, – это, пожалуй, наихудший вид смерти. Мы умираем от болезней, погибаем от несчастных случаев. А теперь будем умирать еще и потому, что слепы, то есть от слепоты – и рака, слепоты – и чахотки, слепоты – и СПИДа, слепоты – и инфаркта, болезни могут варьироваться, и у каждого они будут свои, но на самом деле то, что сейчас нас убивает, называется слепотой. Мы не бессмертны и не можем жить вечно, но, по крайней мере, не должны быть слепы, сказала жена доктора. Но как же быть, сказал доктор, если вот она, эта слепота, подлинная и действительная. Я в этом не уверена, сказала его жена. И я тоже, сказала девушка в темных очках.

Дверь ломать не пришлось, открыли культурно, ключом, провисевшим на брелке у доктора все то время, что хозяин провел в карантине. Вот приемная, сказала жена доктора. Я здесь была, сказала девушка в темных очках, сон продолжается, только не пойму какой, то ли снится, что снится, что приснилось в тот день, когда я ослепла, то ли – что я всегда была слепа и во сне увидала, как прихожу к главному врачу, чтобы вылечил мне воспаление, никак не грозящее слепотой.

Карантин нам не приснился, сказала жена доктора. Нет, это не приснилось, и то, что нас изнасиловали, – тоже. И то, что я зарезала человека. Отведи меня в кабинет, попросил доктор, я бы и сам справился, но мне хочется, чтобы ты. Дверь была открыта. Жена доктора сказала: тут все вверх дном, бумаги на полу, в картотеке пустые гнезда. Наверно, это люди из министерства, чтобы не терять времени на поиски, унесли карточки вместе с ящиками. Наверно. Ну а приборы. Так, на первый взгляд, вроде бы все цело. Слава тебе господи, отозвался он. И двинулся один, вытянув руки, ощупал ящик с линзами, офтальмоскоп, письменный стол, потом сказал девушке в темных очках: Теперь я понимаю, что значат твои слова насчет того, что ты живешь как во сне. Он присел к столу, положил руки на пыльное стекло и проговорил с печальной и насмешливой улыбкой, словно обращаясь к тому, кто стоял перед ним: Очень сожалею, доктор, но ваш случай неизлечим, и вот вам, если угодно, на прощанье последний совет, вспомните старую поговорку, совершенно правы были уверявшие нас, что терпение полезно для зрения. Не мучай нас, сказала жена. Прости меня, и ты тоже прости, мы с вами там, где раньше происходили чудеса, а сейчас не осталось даже доказательств того, что я умел их творить, всё выволокли. Нам теперь по силам единственное чудо – продолжать жить, сказала жена, бережно, день за днем вести эту хрупкую даму-жизнь, как будто она слепая и не знает, куда идти, а может быть, так оно и есть, может быть, она и вправду слепа и предалась в наши руки с тех пор, как дала нам разум. Ты говоришь так, словно и ты слепая. В известной мере, в каком-то смысле так оно и есть, я слепа вашей слепотой, и, наверно, стала бы лучше видеть, будь вокруг меня больше зрячих. Боюсь, ты уподобляешься свидетелю, которого неизвестно кто вызвал в некий трибунал, где предстоит давать показания неизвестно о чем, заметил доктор. Время близится к концу, гниение ширится, болезни валом валят в открытые перед ними двери, вода на исходе, еда отравлена, таково будет мое первое показание, сказала жена доктора. А второе, спросила девушка в темных очках. Давайте же откроем глаза. Не можем, мы слепы, сказал доктор. Воистину, хуже слепца тот, кто видеть не хочет. Но я хочу видеть, сказала девушка в темных очках. Но и поэтому ты не прозреешь, и вся разница будет в том, что

перестанешь быть хуже слепца, а теперь пошли отсюда, здесь больше нечего видеть, сказал доктор.

По пути к дому девушки в темных очках они оказались на большой площади, где кучки одних слепцов слушали речи других слепцов, причем на первый взгляд ни те, ни эти таковыми не казались, ибо ораторы обращали воспламененные лица к слушателям, а те поворачивали внимательные головы к говорившим. Здесь провозглашались и предрекались конец света, спасение через раскаяние, видение седьмого дня, сошествие ангела, столкновение в космосе, здесь сообщалось, что солнце скоро остынет, здесь воспевались дух рода и племени, корень мандрагоры, желчь тигра, достоинство зодиакального знака, дисциплина ветра, аромат луны, власть тьмы, мощь приворота, отпечаток ступни, распятие розы, чистота лимфы, кровь черного кота, оцепенение тени, возмущение приливов и отливов, логика людоедства, безболезненная кастрация, божественная татуировка, мысль выпуклая и мысль вогнутая, плоскость, вертикаль, откос, концентрация, распыление, ампутация голосовых связок, смерть слова: Здесь никто не говорит об организации, сказала жена доктора мужу. Об организации, наверно, говорят на другой площади, ответил тот. И они двинулись дальше. Через некоторое время жена доктора сказала: Мертвых по дороге больше, чем всегда. Наше сопротивление сломлено, время истекает, болезни валом валят в открытые двери, вода на исходе, еда отравлена, ты забыла, что говорила об этом, напомнил муж. Может быть, и мои родители здесь, сказала девушка в темных очках, а я прохожу мимо, не замечаю. Таков исконный обычай человечества, проходить мимо мертвых, не замечая их, ответила жена доктора.

Еще более заброшенной казалась улица, где жила девушка в темных очках. В дверях ее дома лежало тело женщины. Мертвое, разумеется, тело, труп, наполовину объединенный одичавшими животными, и счастье еще, что слезный пес не пожелал сегодня сопровождать их, не то пришлось бы отговаривать его, чтобы хоть он не пробовал на зуб этот скелет. Соседка с первого этажа, сказала жена доктора. Кто, где, что, стал спрашивать муж. Да прямо здесь, соседка с первого этажа, запах чувствуется. Бедная, сказала девушка в темных очках, зачем понесло ее на улицу, она ведь никогда не выходила. Может, почувствовала, что смерть близко, может, ей показалась

нестерпимой мысль, что будет гнить одна, сказал доктор. А мы теперь войти не сможем, ключей-то нет. А вдруг твои родители вернулись и ждут тебя дома, предположил доктор. Не верю. И правильно делаешь, вот они, ключи. И правда, мертвая рука была откинута в сторону, и во впадине полуразжатой ладони сверкали, блистали ключи. А если это ее ключи, сказала девушка в темных очках. Едва ли, зачем бы ей нести свои ключи туда, где она предполагала умереть. Но если она хотела отдать мне их, чтобы я попала в дом, то не подумала, как бы я их увидела, слепая. Мы не знаем, о чем она думала, когда решила взять ключи с собой, может, вообразила, что ты прозрела, может, заподозрила, что мы не вполне естественно, слишком уж уверенно и проворно для слепцов двигались, может, слышала, как я сказала, что на лестнице темнотища такая, что ничего не видно, что я ничего не вижу, а может, просто выжила из ума, выжила или сошла с него, и появилась у нее навязчивая идея во что бы то ни стало отдать, вернуть ключи, и известно нам всего лишь, что жизнь ее оборвалась, когда она ступила за порог. Жена доктора подобрала ключи, протянула их девушке в темных очках, потом спросила: Ну, что будем делать, оставим ее тут. На улице похоронить не сможем, нечем выворотить камни из мостовой, сказал доктор. Тогда во дворе. Для этого придется поднять ее на второй этаж, а потом спустить по наружной лестнице. Да, иначе никак. А сил-то у нас хватит, осведомилась девушка в темных очках. Дело ведь не в том, хватит или не хватит, а в том, можем ли мы допустить, чтобы эта женщина оставалась здесь. Не можем, ответил доктор. Ну, раз не можем, значит, и силы откуда-нибудь да возьмутся. И в самом деле, взялись откуда-то, но сущей каторгой было взволочь труп по ступеням наверх, да не потому, что уж такая тяжесть, старуха-то и при жизни весила немного, а теперь и подавно, особенно после того, как попользовались ею собаки и кошки, а просто окоченевшее тело гнуться и сгибаться не хотело, попробуй-ка развернуть его на узких площадках, адская работа, и на таком коротком пути четырежды приходилось делать передышку. Ни шум, ни звук голосов, ни запах разложения не привлекли внимания других жильцов, никто не высунулся взглянуть, что происходит. Так я и думала, сказала девушка в темных очках, родителей нет. Когда наконец добрались до дверей ее квартиры, были уже в полнейшем изнеможении, а ведь еще предстояло пронести труп через все комнаты к черному ходу и спустить во дворик

по шаткой пожарной лестнице, но там с божьей помощью, неизменно поспевающей, когда вниз идешь, а не вверх лезешь, дело пошло веселей, и повороты дались полегче, потому что лестница-то наружная, открытая, и теперь главное – смотри, не вырони из рук тело несчастной старухи, вот уж подлинно, грохнется – костей не соберешь, не говоря уж о том, что после смерти муки еще горше.

Садик и дворик являли собой форменные джунгли, благодаря последним дождям буйно пошли в рост трава и разнообразные сорняки, семена которых заброшены были сюда ветром, так что попрыгивающим здесь кроликам еды хватало, ну а куры, куры, они и при засухе не пропадут. Обессиленные носильщики, еле переводя дух, уселись на землю, совершенно разбитые от трудов и тягот, и чуть в сторонке, отдыхая, как и они, лежал труп, оберегаемый женой доктора от посягательств кур и кроликов, причем если одни, подергивая носиками, питали всего лишь бескорыстный интерес, то другие, уставив клюв на манер штыка, готовы были на все. Сказала жена доктора так: Прежде чем выйти на улицу, она не позабыла открыть дверцу крольчатника, не хотела, чтоб живность подохла с голоду. Нет сомнения, что трудно не жить с людьми, а понимать их, сказал доктор. Девушка в темных очках пучком травы вытирала испачканные руки, сама виновата, ухватила труп не там, где следовало, вот оно как получается, когда без глаз-то ходишь. Сказал доктор: Надо найти лопату, что ли, какую-нибудь или, не знаю, заступ, и тут можно заметить, что вечное возвращение на самом деле предпринимают слова, сейчас вот вернулись эти, сказанные некогда совершенно по тому же поводу, и первым был человек, угнавший автомобиль, а второй станет старуха, вернувшая ключи, и, в землю положенные, ничем не будут отличаться они друг от друга, если только, конечно, не сохранится о них памяти. Жене доктора, поднявшейся в квартиру девушки в темных очках за чистой простыней, пришлось долго выбирать, какая почище, а вернувшись, обнаружить, что куры уже устроили себе настоящее пиршество, тогда как кролики довольствовались тем, что перемалывали свежую травку. Закрыв и обвернув тело, жена доктора отправилась на поиски лопаты или заступа. То и другое нашлось вместе с другими инструментами в сарайчике. Я сама, сказала она, земля рыхлая, копать легко, а вы отдыхайте. Выбрала такое место, где поменьше корней, таких, которые надо долго рубить, и не подумайте, что это так просто, корни – народ упорный, они умеют пользоваться тем, что почва рыхлая, чтобы увернуться из-под удара этой гильотины, а не вышло – так хоть смягчить убийственный, смертоносный его эффект. Ни жена доктора, ни он сам, ни девушка в темных очках, хоть и по разным причинам, ибо одна была занята работой, а двое других – по слепоте своей, не

заметили, как на балконах, не на всех, соседних домов появились слепцы, немного, привлеченные, надо полагать, стуком лопаты, неизбежно, как бы мягка ни была земля, сопутствующим акту копания, тем более что непременно отыщется и со звоном подвернется под штык какой-нибудь камешек. Эти мужчины и женщины казались зыблущимися, полупросвечивающими, как призраки, а может, это и были призраки, решившие из любопытства присутствовать на погребении, вспомнить, как происходили их собственные похороны. Жена доктора увидела их лишь в тот миг, когда, выкопав яму, разогнула наконец затекшую спину и подняла предплечье ко лбу, чтобы вытереть пот. И тут, в неудержимом порыве, не успев даже осознать, что делает, она крикнула и этим слепцам, и всем прочим, сколько ни есть их в мире: Она оживет, заметьте, оживет, а не: Воскреснет, это все-таки было бы, пожалуй, чересчур, хотя любой словарь подтвердит, пообещает или намекнет, что речь идет об идеально точных синонимах. Слепцы перепугались и юркнули внутрь, они не понимали, с какой стати прозвучало это слово, и вообще не готовы оказались к такому откровению, вот и видно, что не бывают на той площади, где раздается столько магических объявлений и где для полного комплекта не хватает только головы богомола и самоубийства скорпиона. Кому ты кричала, кто оживет, спросил доктор. Слепым, которые появились на балконах, я испугалась и, кажется, их перепугала. А почему оживет? Не знаю, пришло это слово в голову. Ты скоро сама на площадь эту выйдешь. Ну да, проповедь над кроличьим зубом, над куриным клювом, а теперь помоги мне, сюда-сюда, вот так, бери ее за ноги, а я возьмусь здесь, вот так, теперь потихонечку опускаем, осторожно, не столкни меня в могилу, вот так, вот так, еще, я вырыла поглубже, чтобы куры не разрыли, а то начнут копать, не знаешь, докуда докопаются, ну вот и все. Забросала яму землей, утрамбовала, нагребла небольшой холмик, потому что земли, возвращающейся к земле, всегда оказывается больше, и все это так споро, словно в жизни своей ничем, кроме похорон, не занималась. Потом отсекла ветку с розового куста, росшего в углу двора, и вкопала ее в головах могилы. Оживет, спросила девушка в темных очках. Она – нет, отвечала жена доктора, но те, кто покуда еще жив, должны возродиться в самих себе, а они этого не делают. Мы все уже наполовину мертвы, заметил доктор. Однако же – и наполовину живы,

сказала его жена. Отнесла в сарайчик лопату и заступ, обвела взглядом двор, убеждаясь, что все оставляет в порядке. А в чем он, порядок-то, спросила она саму себя и сама себе ответила: А в том, что мертвые – там, где должны быть мертвые, а живые – там, где живые, покуда куры и кролики пожирают одних и становятся жратвой для других. Хорошо бы оставить родителям какую-нибудь весточку, сказала девушка в темных очках, просто, чтобы знали – я жива. Не хочу лишать тебя иллюзий, сказал доктор, но сперва им бы надо найти свой дом, а это весьма маловероятно, мы и сами никогда бы не добрались сюда, не будь у нас поводыря. Ты прав, прав, я ведь даже не знаю, живы ли они, но если не оставлю им весточку, метку, все равно что, буду чувствовать, будто я их бросила. Ну, так что же им оставить, спросила жена доктора. Ну, что-нибудь такое, что они могли бы узнать на ощупь, да вот беда – у меня уже ничего не осталось из того, что я носила прежде. Жена доктора поглядела, как сидит она на нижней ступеньке пожарной лестницы, руки брошены на колени, волосы рассыпались по плечам, красивое лицо искажено страдальчески, и сказала: Знаю, что им оставить. Взлетела по лестнице в квартиру и вернулась с ножницами и обрывком шнурка. Что это ты затеяла, забеспокоилась девушка, когда заскрипели, срезая прядь ее волос, лезвия. Если твои родители вернутся и обнаружат на дверной ручке локон, спросила жена доктора, неужели не сообразят, что принадлежать он может только их родной дочке. Я сейчас заплачу, сказала девушка в темных очках и, незамедлительно исполнив свое намерение, уронила голову в колени, колени обхватила руками и принялась избыть в горячих слезах все свои предыдущие горести и нынешнее волнение по поводу этой памятки, придуманной женой доктора, и, как та поняла потом, неизвестно по каким путям души дойдя до этого понимания, плакать еще и по соседке с первого этажа, пожирательнице сырых кроликов и кур, старой ведьме, мертвой своей рукой вернувшей ей ключи от родного дома. Тогда жена доктора произнесла: Что за времена настали, на наших глазах переворачивается порядок вещей, и то, что почти всегда принадлежало смерти, стало ныне символом жизни. Есть руки, способные творить еще и не такие чудеса, сказал доктор. Нужда заставит пироги печь, а теперь довольно философии и чудотворства, беритесь за руки, пойдемте к жизни. Девушка в темных очках сама повесила перехваченную шнурком прядь на дверную ручку: Думаешь,

заметят, спросила она. Дверная ручка – это протянутая для приветствия рука дома, ответила жена доктора и, произнеся эту, что называется, ударную реплику, сочла, что визит завершен.

В тот вечер опять читали и слушали чтение, иных развлечений у них не было, и как жаль, что доктор не был, к примеру, виолончелистом-любителем, ах, какие нежные мелодии полились бы тогда с пятого этажа, лаская слух соседям, которые с завистью думали бы, наверно, так: Ишь, как у них там весело, или: Есть же такие бесчувственные люди, думают убежать от своего несчастья, смеясь над несчастьем других. Но нет, иной музыки, кроме той, что звучит в словах, из окон не доносится, слова же, особенно написанные в книгах, скромны и негромки, так что если кому-нибудь придет в голову подслушать у двери, он ничего не разберет, кроме одинокого бормотания, тянущего длинную нить звука, который способен продолжаться бесконечно, ибо количество книг в мире бесконечно, как, говорят, и сам этот мир. Когда же глубокой ночью чтение завершилось, старик с черной повязкой сказал: Вот к чему нас свели теперь, нам читают, мы слушаем чтение. А я не жалуясь, сказала девушка в темных очках, сидела бы так и слушала хоть всю жизнь. Да ведь и я не жалуясь, а просто говорю, что мы годны теперь лишь слушать историю о человечестве, существовавшую прежде нас, и пользоваться тем, что по счастливой случайности оказалась здесь пара зрячих глаз, судя по всему, оставшихся последними, и даже думать не хочу, что будет, если и они когда-нибудь погаснут и порвется ниточка, связующая нас с этим самым человечеством, и мы тогда просто разлетимся в космосе в разные стороны, причем навсегда, и все будем непоправимо слепы. Покуда сил хватит, сказала девушка в темных очках, буду хранить надежду, что встречу родителей, что отыщется мать этого мальчика. Ты забыла еще об одной надежде, общей для всех. О какой. О надежде прозреть. Есть надежды, питать которые – безумие. А я тебе говорю, что не будь их – и меня бы не было, и уже давно. Ну, какие, например. Прозреть. Это я уже слышала, давай другую. Не дам. Почему. Тебе это будет неинтересно. С чего ты взял, что неинтересно, и разве ты уж так хорошо меня знаешь, что берешься судить, что мне интересно, а что нет. Не сердись, я же не хотел тебя задеть. Все мужчины одинаковы, все уверены, будто знают о женщине все на том лишь основании, что вышли на свет из ее лона. О женщинах

я знаю мало, о тебе – вообще ничего, что же касается мужчин, то на сегодняшний день, на текущий момент я – старик, и мало того что слепой, так еще и одноглазый. И больше тебе нечего сказать о себе. Ох, сколько еще есть, ты даже представить себе не можешь, как с течением времени возрастает черный список самообвинений. А я вот хоть и молода, а истаскана уже довольно сильно. Ты покуда еще не совершила ничего по-настоящему плохого. Как ты можешь судить об этом, если никогда не жил со мной. Да, я никогда с тобою не жил. Почему ты повторяешь мои слова таким тоном. Каким таким. Таким. Я всего лишь сказал, что никогда с тобою не жил. Не притворяйся, будто не понимаешь. Не настаивай, прошу тебя. Буду, я хочу знать. Давай лучше поговорим о надеждах. Что ж, давай. Ну так вот, еще один пример надежды, от которой я отказался, как раз это и есть. Что – это. Последнее самообвинение из моего списка. Объясни, ради бога, толком, я не умею разгадывать шарады. Как это ни чудовищно, я желаю, чтобы мы не прозрели. Почему. Потому что тогда могли бы жить, как сейчас живем. Все вместе или я – с тобой. Не заставляй меня отвечать. Будь ты просто мужчина, ушел бы от ответа, как все вы это делаете, но ведь ты сам назвал себя стариком, а старик, если есть хоть какой-то смысл в том, чтобы прожить на свете так долго, не имеет права отворачиваться от правды, и потому отвечай. Я – с тобой. А почему ты хочешь жить со мной. Ты хочешь, чтобы я сказал это при всех. Мы при всех делали кое-что похуже, нечто гораздо более омерзительное, грязное, гнусное, чем то, я уверена, что ты можешь сказать. Ну хорошо, будь по-твоему, слушай – потому что мужчина, которым я еще покуда остаюсь, любит женщину, которой ты была, есть и будешь. Однако признание в любви из тебя клещами пришлось вытягивать. В моем возрасте боишься быть смешным. Ты не был смешон. Давай забудем это, а. Даже не подумаю забыть и тебе не дам. Что за глупости такие вынудила меня говорить, а теперь. А теперь пришел мой черед. Только не говори ничего такого, в чем потом раскаешься, помни про черный список. Если я искренна сегодня, какое мне дело, что завтра буду раскаиваться. Замолчи, пожалуйста. Ты хочешь жить со мной, а я – с тобой. Ты сошла с ума. Мы будем жить, как муж с женой, здесь, среди наших друзей, и потом, если придется расстаться с ними, по-прежнему будем вместе, ибо двое слепцов могут увидеть больше, чем каждый из них поодиночке. Но это безумие, ты

же не любишь меня. А что это такое, я никогда никого не любила, я только спала со всеми. Твои слова подтверждают мою правоту. Вовсе нет. Ты тут толковала про искренность, тогда отвечай – ты на самом деле любишь меня. В той мере, чтобы хотеть жить с тобой, и знай, ты – первый, кому я говорю это. Едва ли ты сказала бы так, если бы повстречала раньше лысого, седого старика с повязкой на одном глазу и с катарактой на другом. Признаю, та, кем я была раньше, не сказала бы, но сейчас говорит та, кто я сейчас. Что ж, поглядим, что скажет женщина, которой ты станешь завтра. Собираешься испытать меня. Ну что ты, кто я такой, чтоб тебя испытывать, такие вещи решает жизнь. Одну, по крайней мере, она решила.

Этот разговор происходил лицом, воспламененным и разгорячившимся, к лицу, и пусть не с глазу на глаз, но – глаза в глаза, неотрывно устремленные друг на друга, и, когда один из собеседников произнес слова, желанные обоим, они согласились с жизнью, решившей, что отныне им жить и быть вместе, девушка в темных очках протянула руки, протянула просто, чтобы протянуть, а не затем, чтобы узнать, докуда они дотянутся, и дотронулась до рук старика с черной повязкой, а тот мягко притянул ее к себе, и так сидели они некоторое время вместе, не в первый, разумеется, раз, но лишь теперь прозвучали слова приятия. Никто из присутствующих никак не прокомментировал событие, никто не полез с поздравлениями, никто не пожелал вечного счастья, да, по правде говоря, время не слишком располагало ни к празднествам, ни к иллюзиям, когда же принимаются решения такие важные, каким представляется нам это, и не удивимся, если окажется, что кто-нибудь подумал – только слепой мог бы поступить подобным образом, – то безмолвие красноречивей самых громких рукоплесканий. Вот и все, если не считать, что жена доктора вытащила в коридор сколько-то диванных подушек в количестве достаточном, чтобы смастерить из них удобное ложе, потом отвела туда косоглазого мальчика, сказав ему при этом так: С сегодняшнего дня будешь ночевать здесь. Что же касается событий, имевших место в столовой, есть все основания считать, что в эту первую ночь был окончательно прояснен вопрос о том, чья же это таинственная рука потеряла спину старику с черной повязкой в то утро, когда пролилось такое множество разнообразных, но одинаково очистительных вод.

Наутро, еще в постели жена доктора сказала ему: Мало еды остается, придется сходить за продуктами, я собираюсь сегодня наведаться на тот подземный склад, где была в первый день, и, если его никто пока не обнаружил, мы запасемся провизией на неделю или две. Я пойду с тобой, я и еще кто-нибудь. Лучше бы вдвоем, так проще, можно не бояться, что кто-то потеряется. А долго ли ты еще сможешь тащить на себе этот воз в виде шестерых никчемных калек. Буду тащить, пока сил хватит, хотя силы мои, честно сказать, на исходе, и порою мне даже хочется ослепнуть и стать такой же, как все остальные, чтобы обязанностей на мне было не больше, чем у них. Мы так привыкли зависеть от тебя, что, случись такое, нас постигла бы новая слепота, потому что благодаря твоим глазам мы все-таки хоть немножечко, а не так слепы. Дойду, докуда смогу, больше ничего тебе обещать не стану. В тот день, когда мы поймем, что уже ничего доброго или полезного не сумеем дать миру, вот было бы хорошо, чтоб нам хватило отваги просто уйти из жизни, как сказал тот. Кто. Наш вчерашний именинник. Уверена, что сегодня он бы уже не повторил это, для перемены мнения ничего нет лучше основательной надежды. У него она есть, дай бог, чтоб не иссякла. Ты как-то странно это сказал. Что тебе показалось странным. Ну, как будто у тебя отняли твое достояние. Ты имеешь в виду то, что произошло между нами в том ужасном месте. Да. Вспомни, что это она пришла ко мне. Память тебя подводит, это ты лег к ней. Ты уверена. Я же не слепая. Но я бы мог поклясться. И стал бы клятвопреступником. Странно, что память способна так обманывать. Ничего странного, все очень понятно, нам в большей степени принадлежит то, что само свалилось в руки, чем то, чего пришлось добиваться. А больше она ко мне не приходила, и я к ней – тоже. Когда любят, встречаются в памяти, для того она и нужна. Ты что, ревнуешь. Нет, ни сейчас, ни тогда, в тот день мне было очень жалко тебя и ее, ну и себя тоже, потому ничем не могла вам помочь. А как у нас с водой. Плохо. После более, а верней – менее чем легкого завтрака, сдобренного усмешливо-сдержанными намеками на события прошлой ночи, причем намекавшие следили, что называется, за языком в присутствии ребенка, хотя попечение это с полным правом можно счесть пустым, если вспомнить, чего только не наслушался он в карантине, жена доктора и он сам в сопровождении слезного пса,

который на этот раз не пожелал оставаться дома, отправились на работу.

С каждым часом город все дальше въезжал в мерзость запустения. За ночь количество мусора увеличивалось многократно, как будто из-за границы, из какой-то неведомой страны, где еще была нормальная жизнь, приезжали потихоньку мусоровозы опорожнять свои контейнеры, и, не будь мы в стране слепых, увидели бы призрачные автомобили, до отказа нагруженные костями, порожними бутылками, пустыми упаковками, пеплом, отбросами, обрубками, обломками, опилками, требухой, разряженными аккумуляторами, пластиковыми мешками и горами бумаги, вот только объедков нам не возят, даже фруктовой кожуры, которая помогла бы обмануть голод в преддверии и чайнии лучших времен, неизменно и вечно пребывающих где-то впереди. Утро только в самом начале, но зной уже ощущается. От огромной кучи мусора облаком отравляющего газа наползает смрад. Скоро начнутся повальные болезни, снова сказал доктор, никто не спасется, мы совершенно беззащитны перед ними. Сверху дождик поливает, в спину дует ветерок, откликнулась жена. О, если бы так, дождь ведь еще позволяет утолить жажду, а ветер хоть немного разгоняет эту вонь. Слезный пес беспокойно принялся, потом принялся рыться в огромной куче, вероятно, он прикопал на этом месте какое-то изысканное лакомство и теперь не может до него добраться, будь он один, то уж, будьте уверены, потрудился бы не покладая лап и обрел искомое, но женщина, что плакала когда-то, уходит, а его долг – следовать за ней, ибо никогда не знаешь наперед, не придется ли вновь осушать ее слезы. Идти трудно. Кое на каких улицах, особенно там, где они круто идут под уклон, дождевые потоки, обратившись в водопад, швыряли машины друг об друга и об стены, выбивая дверцы, выдавливая витрины, и потому все засыпано осколками толстого стекла. Зажатый меж двух автомобилей, разлагается человеческий труп. Жена доктора отводит глаза. Слезный пес подходит поближе, но смерть пугает его, и еще через два шага шерсть на загривке встает дыбом, душераздирающий вой вырывается из пасти, не иначе как на беду свою спознался он с людьми и скоро начнет страдать в точности как они. Прошли площадь, на которой кучки одних слепцов заняты тем, что слушают речи других, и на первый взгляд ни те, ни эти на слепцов не похожи, потому что ораторы

обращали воспламененные лица к слушателям, а те поворачивали внимательные головы к говорившим. Там провозглашались основополагающие принципы крупных организованных систем, частная собственность, свободный рынок, биржа, налогообложение, проценты на капитал и учетные ставки, приватизация, национализация, производство, распределение, потребление, обеспечение, богатство и бедность, коммуникации, преступность, карательные органы, лотереи, исправительные учреждения, уголовный кодекс, гражданский кодекс, административный кодекс, правила дорожного движения, словарь, телефонный справочник, ночные клубы и публичные дома, предприятия оборонной промышленности, вооруженные силы, кладбища, полиция, контрабанда, наркотики, незаконный разрешенный оборот, фармакологические исследования, азартные игры, прейскурант отпеваний и панихид, юстиция, ссуды и займы, политические партии, выборы, парламенты, правительства, мысль выпуклая, мысль вогнутая, плоскость, вертикаль, откос, концентрация, распыление, ампутация голосовых связок, смерть слова. Вот смотри-ка, здесь говорят об организации, сказала жена доктора. Да уж слышу, ответил тот и ничего более не прибавил к сказанному. Пошли дальше, и жена доктора сверилась с планом города, установленным на углу, как ставили в старину каменный крест на перекрестках дорог. Они совсем недалеко от супермаркета, где-то здесь в тот день, когда, смешно и нелепо скособоченная под грузом пластиковых сумок, по счастью, полных, она упала, заплакала, решила, что заблудилась, и счастье еще, что случился поблизости этот пес, утешивший ее в тоске и в утрате верного пути, да, тот самый пес, что сейчас порывается на бродячие своры, если подходят слишком близко, словно предупреждает: Меня не проведете, осади назад. Поворот налево, поворот направо, и вот он, вход в супермаркет. Вход имеется, что есть, то есть, и сам супермаркет тоже на месте, нет только муравьиного мельтешения бегущих во всех направлениях людей, которых во всякий час, в любое время встречали мы в этих заведениях, живущих за счет стечения крупных людских масс. Жена доктора заподозрила самое плохое и сказала об этом мужу: Опоздали, внутри, наверно, нет уже и четвертушки галеты. Почему ты так решила. Не вижу никого, никто не входит и не выходит. Но, может быть, они не обнаружили подвал. Вся надежда на это. Переговариваясь таким

образом, они стояли на тротуаре напротив супермаркета. И рядом, словно ожидая, когда зажжется зеленый свет, стояли трое слепцов. Жена доктора не заметила, как на лицах у них проступило какое-то смешанное с беспокойством удивление, смутный страх, не увидела, как один из них открыл, будто собираясь что-то сказать, и сейчас же закрыл рот, не обратила внимания, как он быстро пожал плечами: Сама узнаешь, вот что, должно быть, думал этот слепец. Они уже переходили улицу, были на середине ее, и потому не могли слышать слова другого слепца: Почему это она сказала, что не видит никого, и ответ третьего: Да это же просто так говорится, вот совсем недавно, когда я споткнулся, ты спросил меня, что, мол, не видишь разве, куда ногу ставишь, мы еще не утратили привычку видеть. Господи боже, сколько же раз об этом уже было говорено, воскликнул первый.

Все обширное пространство супермаркета было залито дневным светом. Перевернутые холодильники-витрины, повсюду мусор и битое стекло, пустые упаковки. Странно, сказала жена доктора, ну, если даже здесь нет еды, почему люди здесь не живут. Да, действительно, странно, согласился доктор. Слезный пес тихонько подвыл, снова встопорщил шерсть на загривке. Сказала жена доктора: Чем-то пахнет. Воняет везде и всюду, ответил доктор. Нет, это запах тлена. Значит, где-то здесь лежит разлагающийся труп. Я ничего не вижу. Значит, тебе показалось. Пес снова проскулил. Что это такое с собакой. Она чего-то нервничает, сама не своя. Ну, и что мы будем делать. Пойдем посмотрим, если обнаружится труп, пройдем мимо, нам ли после всего покойников бояться. Мне проще, я их не вижу. Прошли через весь торговый зал до двери, ведущей к коридору, в конце которого – вход в подвал. Слезный пес следовал за ними, но время от времени останавливался, поскуливал, как бы отговаривая от дальнейших шагов, но потом, верный долгу, плелся дальше. Когда жена доктора открыла дверь, смрад сделался сильнее. Однако, попахивает, высказался доктор. Побудь пока здесь, я сейчас вернусь. И двинулась по коридору, становившемуся с каждым ее шагом все темнее, а пес полз на брюхе, как будто его тащили за шкуру, а он упирался. Воздух, насыщенный зловонием мертвечины, был густым и плотным. На полдороге ее вырвало. Да что же тут происходит, думала она между двумя приступами, и потом вслух произнесла, раз и другой, эти слова, приближаясь к железной двери в подвал. Замученная дурнотой, она не

сразу заметила в глубине его легчайшее рассеянное свечение. Теперь она знала, что это такое. Крохотные огоньки трепетали в проеме лифтовой клетки и в двери на лестницу. Новый приступ вывернул жену доктора наизнанку, и был так силен, что она повалилась наземь. Пес испустил длительный и жалобный не то вой, не то вопль, который, казалось, не оборвется никогда и звучал в коридоре, как замирающее эхо голосов тех, кто остался в подвале. Доктор, услышавший, как стонет, отплевывается, кашляет жена, прибежал, как мог быстро, споткнулся и упал, поднялся и снова упал и наконец схватил жену в объятия: Что, что с тобой, весь дрожа, спрашивал он, а она в ответ только повторяла: Уведи меня отсюда, уведи скорей, и впервые за все это время он повел ее, а не она его, повел, сам толком не очень сознавая куда, лишь бы только подальше от этих дверей, от невидимых ему мерцающих огоньков. Когда выбрались из коридора, нервы у жены доктора сдали окончательно и плач стал судорожным рыданием, столь отчаянным, что не было ни малейшей возможности осушить или утереть эти ручьем льющиеся слезы, и пес, зная, что совладать с ними в силах только время и усталость, даже и не пытался, а только лизал ей руку. Что случилось, повторил доктор, что ты там увидела. Они умерли, прерывающимся от рыданий голосом еле выговорила она. Кто, кто умер. Они, и продолжать не смогла. Ну, не надо, не надо, успокойся и расскажешь. Через несколько минут она сказала: Они все умерли. Ты что, увидела что-нибудь, открыла дверь, спрашивал доктор. Нет, нет, только светлячки, блуждающие огоньки в проемах дверей, они плясали в воздухе и не уходили. Ну да, от распада тканей выделился фосфоросодержащий водород. Да, наверно. Что же там, потвоему, случилось. Наверно, обнаружили подвал, ринулись по лестнице вниз за едой, а я помню, как легко там было поскользнуться и упасть, а упал один, значит, и все остальные за ним, и, я думаю, не сумели дойти, куда хотели, или дошли, но вернуться не смогли, потому что наглухо забили лестницу своими телами. Ты же сказала, что дверь была закрыта. Ее наверняка закрыли другие слепцы и превратили подвал в огромную братскую могилу, а виновата во всем я, потому что, когда выбежала оттуда с пакетами и сумками, бродившие по супермаркету люди учуяли съестное и устремились на поиски. Так или иначе все, что мы едим, вырвано изо рта у других, а если будем отнимать слишком много, в конце концов уморим их голодом, так что

все мы – более или менее убийцы. Слабое утешение. Я просто не хочу, чтобы ты терзалась вымышленной, воображаемой виной, взваливала на себя ее бремя, когда и так уже шатаешься под грузом ответственности за шесть вполне определенных и совершенно никчемных ртов. Как бы жила я без твоего никчемного рта. Жила бы, кормила пять оставшихся. Вопрос в том, надолго ли меня хватит. Не очень, когда все запасы истощатся, нам придется идти куда-нибудь в поля искать себе пропитания, и мы оборвем все плоды со всех деревьев, истребим всех животных, которых сумеем поймать, если для начала не сожрем здешних собак и кошек. Пес никак не выразил своего отношения к этому высказыванию, сочтя, что к нему оно не имеет никакого касательства, ибо должен же быть хоть малейший прок от того, что в последнее время стал он не просто псом, но – слезным псом.

Жена доктора едва держалась на ногах, череда приступов рвоты совершенно обессилила ее. И когда они вышли из супермаркета, она – шатаясь и он – слепой, никто не мог бы сказать наверное, кто кого ведет и поддерживает. Должно быть, от сияния дня голова у нее закружилась, она подумала, что слепнет, но не испугалась, это была всего лишь мимолетная дурнота. Она не упала и даже не полностью лишилась чувств. Прилечь бы, закрыть глаза, выровнять дыхание, и, она уверена, за несколько минут в покое и спокойствии восстановила бы силы, а они еще понадобятся, потому что мешки и сумки оставались пустыми. Но не хотелось лежать на загаженной мостовой, и легче умереть было, чем вернуться в супермаркет. Она оглянулась по сторонам. На другой стороне улицы заметила церковь. Там тоже, как и везде, должно быть много народу, но все же это – хорошее место, чтобы перевести дух, по крайней мере раньше было именно так. Она сказала мужу: Мне надо собраться с силами, отведи меня вон туда. Куда. Извини, там мне станет легче, уверена. Да где там. В церкви, если бы мне удалось полежать там чуточку, я стала бы как новая. Ну пойдем. Вошли в храм по шести ступенькам, заметьте, по шести, которые жена доктора преодолела с невероятными усилиями, тем более что приходилось еще и вести мужа. Двери были открыты настежь, и это хорошо, потому что самое ничтожное препятствие, пусть хоть щит от ветра, в этой ситуации стало бы для супругов непреодолимым. Слезный пес в нерешительности замялся на пороге.

Дело было в том, что, несмотря на свободу действий, которой он и его собратья упивались в последнее время, в мозгу его уже на уровне генетическом крепко сидели запреты, вбитые в них в весьма и весьма отдаленные, чтобы не сказать – легендарные, эпохи, и одним из таких был запрет входить в церковь, объяснявшийся, вероятней всего, тем, что вступал в неразрешимое противоречие с другим генетическим кодом, предписывавшим метить любую территорию, на которую попадаешь. И никак не споспешествовали смягчению этого запрета дальние предки этого слезного пса, что, верой и правдой служа, лизали отвратительные язвы и струпья святых задолго до того, как те воссияли в этом качестве и причислены были к лику, и собачье милосердие стоит отнести к разряду самых бескорыстных, ибо нам ли не знать, что далеко не всякому нищему дано вознестись к вершинам святости, какие бы струпья ни покрывали его тело, а равно и душу, до которой никаким языком не дотянешься. Но теперь слезный пес все же решился проникнуть в священный предел, благо врата отперты, а привратника не наблюдается, и, что, без сомнения, является самым сильным побудительным мотивом, женщина – ну, та, которая в слезах, – уже вошла внутрь, причем неизвестно, как удалось ей вползти, ибо мужу она шептала только: Держи, держи меня, а церковь была заполнена народом, яблоку, как говорится, и так далее, хотя правильней было бы сказать, что камушка не нашлось бы приклонить голову, если бы не слезный пес, который рыком и толчками, то и другое, впрочем, произведено было вполне беззлобно, сумел расчистить клочок пространства, куда и повалилась почти в беспомощности жена доктора, пристроив там свое отказывающееся повиноваться тело, после чего смогла наконец смежить вежды, если выразиться языком, приличествующим не случаю, так месту. Доктор посчитал ей пульс, оказавшийся хорошего наполнения и довольно ритмичным, разве что несколько как бы отдаленным, потом попытался поднять ее, так лежать нехорошо, надо усилить прилив крови к голове, то есть улучшить мозговое кровоснабжение, а для этого лучше всего будет посадить ее, голову пониже, между колен, и уповать на силу земного тяготения и натуру. После нескольких неудачных попыток ему удалось наконец поудобней устроить жену. Еще через несколько минут она глубоко вздохнула, шевельнулась чуть заметно, начала приходить в себя. Не вставай, не вставай, сказал муж, голову не поднимай, но она

уже оправилась, головокружение прошло бесследно, и глаза могут различить каменные плиты пола, которые благодаря слезному псу, который, укладываясь, трижды и весьма энергично прокрутился на месте, облюбованном для себя самого, относительно чисты. Подняла голову к капителям стройных колонн, к высокому подкупольному своду, проверяя, восстановилось ли нормальное кровообращение, и сказала: Да мне уже хорошо, как вдруг, в это самое мгновение решила, что сошла с ума или что на место головокружению пришли галлюцинации, ибо не могло быть правдой то, что показывали ей глаза, потому что глаза распятого на кресте мужчины закрывала белая повязка и глаза женщины с пронзенным семью мечами сердцем – тоже, да не только у этих двоих, а у всех статуй головы были обвязаны белой тканью, и у всех персонажей всех картин белой краской были жирно замазаны глаза – и у женщины, учившей свою дочь читать, была белая повязка на глазах, и у мужчины с раскрытой книгой, на которую присел маленький мальчик, была белая повязка на глазах, и у длиннобородого старца, державшего в руке три ключа, была белая повязка на глазах, и у юноши, все тело которого было истыкано стрелами, была белая повязка на глазах, и у женщины с зажженным фонарем была белая повязка на глазах, и у мужчины с колотыми ранами на руках, на ногах и ниже сердца была белая повязка на глазах, и у другого мужчины – со львом – была белая повязка на глазах, и у него, и у льва, и у того, кто держал на руке орла, была белая повязка на глазах, у него и у орла, и у того, кто ударом копья повергал во прах козлоногого рогача, была белая повязка на глазах, как, разумеется, и у противника его, и у человека с весами была белая повязка на глазах, и у лысого старика с белой лилией в руке была белая повязка на глазах, и у другого старика, опиравшегося на обнаженный меч, была белая повязка на глазах, и у женщины с голубкой была белая повязка на глазах, у нее и у голубки, и у мужчины с двумя воронами была белая повязка на глазах, у него и обеих птиц, и только у одной-единственной женщины глаза были не завязаны, и то лишь потому, что они уже были вырваны и лежали на серебряном подносе, который она держала в руках. Жена доктора сказала мужу: Ты не поверишь, когда я тебе расскажу, что вижу перед собой, знаешь, здесь у всех образов глаза завязаны. Удивительно, сказал тот, почему бы это. Откуда же мне знать, может быть, какой-нибудь верующий утратил веру, когда понял,

что ослепнет, как и все остальные, а может быть, здешний настоятель решил, что, если слепые прихожане не могут видеть святых, будет справедливо, если и святые не смогут видеть слепых прихожан. Но образа и так не видят. Ошибаешься, образа видят глазами тех, кто смотрит на них, и только теперь для всех воцарилась слепота. Но ты же видишь. С каждым днем буду видеть все меньше и, если даже не потеряю зрение, буду становиться день ото дня все слепей и слепей, потому что некому будет видеть меня. Если и вправду глаза образам закрыл священник. Да нет, это я придумала. Это единственная гипотеза, имеющая истинный смысл, единственное, что может возвеличить это наше ничтожество, я представляю, как он приходил сюда из мира слепых, куда потом должен был вернуться, чтобы ослепнуть в свой черед, представляю закрытые двери, пустую церковь, тишину, представляю статуи и полотна, вижу, как он идет от одного образа к другому, взбирается в нишу и затягивает белую ткань двумя узлами, чтобы крепче держалась, как мажет белилами по холстам, чтобы гуще сделалась белая ночь, в которую впадают они, да, с тех пор, как создан свет, не бывало ни в одной религии большего святотатца, чем этот священник, не было никого справедливей и человечней, чем он, пришедший сюда, чтобы наконец заявить, что Бог не имеет права видеть. Жена доктора не успела ответить, кто-то рядом опередил ее: О чем вы говорите и кто вы. Слепые, как и ты, отвечала она. Но я слышал, ты сказала, что видишь. Это так, манера выражаться, с которой трудно расстаться, сколько же можно твердить одно и то же. А что это вы толковали про образа с завязанными глазами. Ну, толковали. А как ты это узнала, если слепая. И ты узнаешь, если поступишь как я, потрогаешь их руками, ибо – это глаза слепых. А зачем ты это сделала. Я подумала, для того, чтобы мы пришли туда, куда пришли, кто-то еще должен быть слепым. А что это ты тут сочиняла про здешнего настоятеля, я его знал превосходно, и он никогда бы не пошел на такое. Никогда не узнаешь заранее, на что пойдет человек, надо подождать, дать времени время, оно всем распоряжается, оно играет против тебя, и все козыри у него на руках, нам же приходится изощряться, придумывать, с какой бы пойти. Грех говорить во храме об игре. Встань, пусти руки в ход, если не веришь тому, что я говорю. Поклянись, что у всех святых глаза завязаны. Чем же мне поклясться, чтобы ты остался доволен. Своими глазами. Что ж,

дважды клянусь глазами – моими и твоими. Значит, это правда. Правда. Разговор этот коснулся слуха других слепцов из числа тех, что находились поближе, и излишне говорить, что не пришлось ожидать, пока клятва подтвердится, чтобы новость эта пошла перелетать из уст в уста, и поднялся шепоток и ропот, сперва недоверчивый, потом беспокойный, потом снова недоверчивый, и скверно повернулось дело из-за того, что в церкви собралось немало людей суеверных и к тому же наделенных богатым воображением, которым вдруг совершенно непереносима стала самая мысль, что священные образы оказались слепыми, и, значит, их взгляды, милосердные или страдальческие, созерцают ныне только свою же собственную слепоту, и это было подобно тому, как пришли бы к ним и сказали, что окружают их живые мертвецы, так что достаточно было раздаться одному крику, а потом еще и еще, как страх поднял всех этих людей на ноги, паника погнала их к дверям, и повторилось то, что уже хорошо вам известно, ибо паника бежит несравненно быстрее, чем несущие ее ноги, потому что ноги, тем более ноги слепца, в конце концов подкосятся и запнутся, и вот уж он лежит враспяжку, и паника говорит: Вставай, поднимайся, не то убьют тебя, а он бы и рад, но уже бегут по нему и падают на него другие, и поистине, лишь человек с необыкновенно добрым сердцем сумеет не расхохотаться при виде этого потешно-трагичного клубка человеческих тел, пытающихся выпростать руки, чтобы высвободиться, ноги, чтобы удрать. Шесть ступенек паперти станут чем-то вроде бездны, хоть в конце концов падать невысоко, а привычка к падениям закаляет тело, и вот уж оно, кажется, на земле, что и само по себе хорошо: Отсюда не стронусь, вот первая мысль, приходящая в голову в подобных роковых случаях, первая, а порой и последняя. И, опять же как всегда, неизменным осталось желание одних нажать на беде других, что тоже очень хорошо знают с тех пор, опять же, как мир стоит, наследники и наследники наследников. И отчаянное бегство вынудило людей побросать свои пожитки, а когда нужда переборет страх и они вернутся в церковь, помимо труднейшей задачи по более или менее удовлетворительному определению того, что мое, а что – твое, станет перед ними во весь рост и такая непреложная данность, как исчезновение части припасов, и без того весьма и весьма скудных, и упадет в голову мысль о том, не подстроила ли все это хитроумная женщина, та, которая заявила, будто у всех образов глаза завязаны, ибо

коварство иных неопишимо и безгранично, и чего-чего только не измыслият они, чтобы оттяпать у бедолаг уже не поддающиеся атрибуты остатки провианта. А ведь вина лежит на слезном псе, который, увидев, что пространство опустело, пошел вынюхивать и сам с собою по справедливости и естественному праву расплатился за труды, но тем самым показал, так сказать, хозяйке своей вход в эту сокровищницу, благодаря чему жена доктора и он сам вышли из церкви без угрызений совести по поводу свершенного ими хищения, но зато уже и не с пустыми руками, то бишь сумками. И счастливыми смогут они почесть себя, если доведется им признать пригодным к употреблению в пищу хотя бы половину того, что досталось им, а в отношении другой половины придется отозваться так: Не постигаю, как люди могут есть такое, и это лишний раз доказывает старую истину, что беда, пусть даже она и одна на всех, каждому достается в неравных долях.

Отчет обо всех этих происшествиях, в своем роде примечательных, произвел самое тягостное впечатление на заслушавших его обитателей квартиры на пятом этаже, и это еще при том, что жена доктора, вероятно, из-за нехватки слов или из-за того, что они не шли с языка, а сам он не поворачивался, не сумела в полной мере изъяснить тот смертельный ужас, который обуял ее при виде прямоугольника бледных огоньков, блуждающих перед дверью в подвал, перед лестницей, ведущей в загробный мир. Воображение слушателей и без того поражено было, хоть и по-разному, рассказом о святых с завязанными глазами, сильно подействовавшим, например, на первого слепца и его жену, которые испытали нечто вроде дурноты, ибо для них тут речь шла прежде всего о вопиющем кощунстве. Ладно бы уж они все, смертные люди, оказались вдруг слепы, это роковое стечение обстоятельств, в нем никто не виноват и никто от него не в силах уклониться, но по одной лишь этой причине завязывать, замазывать глаза священным образом – это беспримерное святотатство, а уж если совершил его священник, то – тем паче. Старик с черной повязкой отозвался на иной лад: Понимаю, представляю, какое потрясение ты испытала, я вот думаю сейчас о музее, о картинной галерее, где стоят скульптуры, статуи, изваяния – и все с завязанными глазами, и не потому, что скульптор не захотел стесать камень с того места, где быть должно глазам, но – с повязками на глазах, словно и не довольно самой

слепоты, и забавно, повязка такая же, как у меня, а такого впечатления не вызывает, скорее даже наоборот, придает человеку несколько романтический вид, и старик засмеялся над своими словами и над самим собой. Что же касается девушки в темных очках, то она ограничилась репликой, смысл коей сводился к тому, что не дай бог приснится эта проклятая галерея, как будто мало иных кошмаров. Поели той дряни, что имелась у них, и было это лучшее из того, что имелось, и жена доктора сказала, что с каждым днем все трудней становится добывать еду и что не пришлось бы, пока не поздно, уходить из города, обосноваться где-нибудь в сельской местности, там, по крайней мере, продукты чище и здоровей, ну и потом, там повсюду бродят на воле козочки, коровки, их можно будет приручить, вот и молоко, а в колодцах есть вода, можно будет отварить что захочется, только куда идти, где найти такое славное место за городом, и каждый высказал свое мнение по данному вопросу, высказал с большей или меньшей степенью воодушевления, хотя каждому было предельно ясно, что вариант этот связан с большими сложностями, и чистый беспримесный восторг выразил один лишь косоглазый мальчик, вероятно, сохранивший отраднейшие воспоминания о летних каникулах. Поели и легли спать, как привыкли еще со времен карантина, когда по опыту убедились в том, что, когда лежишь, легче перебарывать голод. Вечером не ели, только косоглазому мальчику досталось немножко, чтоб обманул аппетит и прекратил ныть, прочие же вновь уселись слушать чтение, и хоть, по крайней мере, дух не вправе будет жаловаться, что его держат впроголодь, однако же беда в том, что телесная слабость зачастую отвлекает внимание души и разума, причем вовсе не от нехватки интеллектуального интереса, нет-нет, тут другое, просто мозг впадает в какую-то спячку, что ли, вроде медведя в берлоге, прощай, белый свет, и вот потому-то нередко слушатели мягко смыкали веки, принимаясь следить за изгибами повествования исключительно глазами души до тех пор, пока не вырывал их из ступора внезапный поворот нежданно грянувших событий, если это и вправду грянули они, а не захлопнулась со стуком книга, ибо жена доктора по природной деликатности не хотела, чтобы знали, что она знает, что слушатель не замечтался, а уснул.

Вот в этой сладкой одуре пребывал и первый слепец, и все же это было не совсем так. Да, он сидел с закрытыми глазами и следил за

нитью повествования более чем рассеянно, но задремать не давала ему недавно высказанная идея о необходимости перебраться всем на лоно природы, ибо она, идея, а не природа, казалась ему глубоко ошибочной, как это так бросить квартиру, за нею, сколь бы ни был симпатичен писатель, надо бы все же присматривать, наведываться туда время от времени. И потому ясно, что первый слепец не спал, а бодрствовал, и если нужны еще доказательства, то наилучшим и убедительнейшим из них пусть станет слепящая белизна у него перед глазами, сменявшаяся тьмой лишь на время его сна, в чем, кстати, тоже нельзя быть совершенно уверенным, поскольку никому еще на свете не удавалось пребывать одновременно и во сне, и наяву, то есть следить за своими ощущениями. И сомнение это он счел разъясненным и устраненным, когда внезапно под веками у него стало темно: Я заснул, подумал он, но нет, он вовсе даже не заснул, потому что продолжал слышать голос жены доктора, кашель косоглазого мальчика, и объяввший душу его страх перед тем, что одна слепота сменилась другой, и, пожив сколько-то в слепоте света, придется погрузиться теперь в слепоту тьмы или во тьму слепоты, был столь велик, что исторг из его груди жалобный стон. Что с тобой, спросила жена, а он ответил, причем довольно глупо и не открывая глаз: Я слеп, как будто это была мировая сенсация, последняя ошеломительная новость. И жена ласково обняла его: Ну и что, мы все тут слепы, что ж теперь поделать. Все во тьме тонет, я думал, что заснул, но теперь-то вижу, что нет, проснулся. И зря, спать надо, и не думать об этом. Добрый совет взбесил его, да и немудрено – человек несказанно тоскует и мучается, и только он один знает, до какой степени, а жене больше нечего сказать по этому поводу, кроме как: Спать надо. В крайнем раздражении, уже приготовив язвительный ответ, он открыл глаза и увидел. Увидел и закричал: Я вижу. Первый крик прозвучал с оттенком недоверия, но во втором, третьем, четвертом и во всех последующих мощным крещендо шла убежденность в том, что это именно так, а не иначе: Я вижу, вижу, вижу, и как безумный он стиснул в объятиях жену, потом подскочил к жене доктора и ее тоже обнял, не зная даже, кого обнимает, ибо видел ее впервые в жизни, потом доктора, девушку в темных очках, старика с черной повязкой, насчет которого, сомнений, слава богу, не было, косоглазого мальчика, а жена бежала следом, боялась разжать руки, отпустить его, и он, прервав

череду объятий, чтобы заключить в них ее, повернулся к доктору: Я вижу, вижу, доктор, я вижу, что же это такое, объясните, позабыв даже, что они давно уже, как было принято в этом сообществе, обращаются друг к другу на ты, объясните же, почему это вдруг такие перемены, и доктор спросил: Хорошо видишь, как раньше, остатков белизны нет. Нет, нет, никакой белизны, стало даже лучше, чем прежде, а это, между прочим, немало, я ведь даже очки не носил. И тогда доктор произнес то, о чем думали все, но не решались сказать вслух: Вероятно, эта слепота подошла к концу, вероятно, к нам начнет возвращаться зрение, и при этих словах жена доктора заплакала, странные все же реакции у людей, должна бы вроде обрадоваться, а она плачет, да нет, конечно, это она от радости, боже мой, чего тут не понять, а еще и потому, что разом иссякла сопротивляемость, она теперь – как новорожденное дитя, и этот плач подобен первому, еще неосмысленному младенческому крику. Слезный пес направился к ней, уж он-то всегда знает, когда он нужен, и потому жена доктора вцепилась в него, но это вовсе не значит, что она мужа больше не любит, что не питает добрых чувств ко всем, кто находится здесь, просто в этот миг ощущение одиночества сделалось таким сильным, таким непереносимым, что показалось – унять его сможет лишь та странная жажда, с которой пес пьет ее слезы.

Но тут всеобщее ликование сменилось озабоченностью. А что же теперь делать, спросила девушка в темных очках, после такого я ни за что не засну теперь. Да никто не заснет, побудем здесь, сказал старик с черной повязкой и осекся, словно бы внезапно охваченный сомнениями, но потом все же справился с собой и договорил: Подождем. Стали ждать. Плошка в три своих огня освещала лица вокруг стола. Сначала, покуда еще не унялось оживление, все выспрашивали, как же именно все это произошло, не почувствовал ли прозревший чего-нибудь в глазах или, может быть, даже в мозгу, но потом разговор стал увядать, и в какую-то минуту первый слепец додумался сказать жене, что завтра пойдем, мол, домой. Но я-то еще слепая, отвечала та. Ничего, я поведу тебя, и только те, кто сидел здесь и, следовательно, самолично слышал сказанное, способен понять, как это можно было произнести столь простые слова, чтобы одновременно прозвучали они и горделиво, и властно, и заботливо. Второй, когда на дворе была уже поздняя ночь и едва мерцала плошка, где масло было

уже совсем на исходе, зрение обрела девушка в темных очках. Она, все это время вообще не закрывавшая глаза, словно зрение должно было войти через них, а не возродиться где-то внутри, вдруг сказала: Кажется, я вижу, и, конечно, осторожность никогда не повредит, раз на раз не приходится, недаром же говорится даже, что нет слепоты, а есть слепые, хотя многовековым опытом ничему другому не учил нас, как именно тому, что нет слепых, но есть слепота в разных видах. Итак, здесь уже трое зрячих, еще один – и численный перевес будет на их стороне, но, хотя новообретенное счастье еще не улыбнулось остальным, жизнь их уже стала гораздо, несравненно легче, кончилась неизбывная мука, терзавшая их до этой минуты, поглядите только, во что только превратилась эта женщина, в ней будто оборвалась туго натянутая струна, будто пружина какая-то не выдержала беспрестанного давления и лопнула. Может быть, поэтому ее первую обняла девушка в темных очках, и теперь слезный пес не знает, куда кидаться сначала, ибо слезы льются у обеих. Вторым – старика с черной повязкой, и вот теперь мы, глядишь, и узнаем истинную цену словам, нас ведь еще совсем недавно, помнится, так растрогал и умилил их разговор, итогом коего стало красивое решение начать совместную жизнь, однако ныне положение несколько изменилось, и перед собой девушка в темных очках видит, благо теперь ей возвращен этот дар, старика, и кончились идеализация, порожденная наплывом чувств, выдуманная гармония на необитаемом острове, ибо морщины – это морщины, а лысина есть лысина, и нет разницы меж черной повязкой и слепым глазом, о чем не преминул, правда в других выражениях, сообщить он сам: Ну, теперь гляди на меня в оба, тот ли я, с кем ты, по твоим словам, намеревалась жить, а она ответила: Я знаю тебя, ты – человек, с которым я живу, ну, наконец-то сказаны слова, что дороже, чем кажутся, и поцелуй, скрепивший их, им под стать. Третьим, когда начало рассветать, обрел зрение доктор, и теперь уже не было сомнений – прозревают все, это всего лишь вопрос времени. Опуская вполне естественные и предвиденные излияния и изъяснения чувств, поскольку они ничем не отличались от тех, что были с достаточной подробностью описаны ранее, так что нет необходимости повторяться, пусть даже речь в данном случае идет о главных героях нашего правдивого повествования, скажем лишь, что доктор задал запоздалый вопрос: Что же происходит в городе, а ответ

прозвучал из того же самого дома, где находились они все, ибо из квартиры под ними кто-то вылетел на площадку с криками: Я вижу, вижу, и с этого этажа встанет солнце над праздничным городом.

Праздничным был и завтрак. Поставленное на стол, помимо того, что представлено в крайне незначительном количестве, способно и качеством своим отбить аппетит у кого угодно, да и сила чувств, как это всегда бывает в минуты обострения их, вытесняет голод, однако теперь пир задает радость, и никто не жаловался, и даже те, кто еще был слеп, смеялись, как если бы уже прозревшие глаза принадлежали им. По окончании девушку в темных очках осенило: А если мне оставить на дверях записку, что я здесь, то ведь родители, если появятся, будут знать, где меня найти. Возьми меня с собой, попросил старик с черной повязкой, хочу почувствовать, что творится на свете. И мы тоже пойдем, сказал жене тот, кто был раньше первым слепцом, может быть, писатель тоже прозрел и намеревается вернуться к себе, а по дороге промыслим какой-нибудь еды. И я тоже, сказала девушка в темных очках. Через несколько минут доктор, оставшись с женой вдвоем, сел рядом с нею, в углу дивана спал косоглазый мальчик, слезный пес, положив голову на передние лапы, то открывал, то закрывал глаза, показывая, что он – на страже, в открытое окно, несмотря на ранний час, доносился многоголосый гомон, и заполнившая улицы толпа выкрикивала только: Я вижу, и его повторяли и прозревшие, и те, к кому зрение возвращается в эту самую минуту: Я вижу, вижу, и впрямь казалось, что в другом мире случилось так, что кто-то первый сказал некогда: Я ослеп. Косоглазый мальчик пробормотал что-то во сне, а что это был за сон такой, и, может быть, он видел мать, спрашивавшую: Ты видишь меня теперь, видишь. Жена доктора спросила: А остальные, и доктор ответил: Мальчик, наверно, прозреет, когда проснется, да и другие, думаю, тоже скоро излечатся, скорей всего уже сейчас это произошло, а вот бедному нашему старику с черной повязкой суждено сильно испугаться. Почему. Потому что у него катаракта на глазу, и за время, прошедшее с тех пор, как я его смотрел, она уже вполне созрела, так что он сейчас – как в плотном облаке. Он ослепнет. Да нет, когда все войдет в свою колею и начнет работать, я его прооперирую, это вопрос нескольких недель. Почему же все-таки мы ослепли. Не знаю, может быть, когда-нибудь причина станет нам известна. Хочешь, я скажу тебе, о чем думаю сейчас. Хочу,

скажи. Я думаю, мы не ослепли, а были и остаемся слепыми. Слепыми, которые видят. Слепые, которые, видя, не видят.

Жена доктора встала, подошла к окну. Посмотрела вниз, на заваленную мусором улицу, на людей, они пели и кричали. Потом подняла голову к небу и увидела сплошную белизну. Подумала: Вот и мой черед пришел. Страх заставил ее опустить глаза. И город внизу остался таким, как был.

Примечания

1

Аллюзия на стихотворение американского поэта Эдгара Аллана По (1809–1849) «Ворон» (1845), перевод М. Зенкевича. – Здесь и далее прим. переводчика.

[n 1](#)

2

Что и требовалось доказать (*лат.*).

n 2

FB2 document info

Document ID: c8fb37c3-174e-102c-96f3-af3a14b75ca4

Document version: 1

Document creation date: 09.12.2008

Created using: doc2fb, Fiction Book Designer, FB Editor v2.0 software

Document authors :

- Snake

Source URLs :

- <http://oldmaglib.com>

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon